

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г. А. КЛИМОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ
ИНДОЕВРОПЕИЗМЫ
КАРТВЕЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ

МОСКВА — 1994

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Г. А. КЛИМОВ

**ДРЕВНЕЙШИЕ
ИНДОЕВРОПЕИЗМЫ
КАРТВЕЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ**

МОСКВА — 1994

ББК 81.2
К 49

Издание осуществлено при финансовой помощи
Российского Фонда Фундаментальных Исследований

Ответственный редактор
Т.В.Гамкрелидзе

Рецензенты:
доктор филологических наук А.К.Шагиров
кандидат филологических наук К.Г.Красухин

К 49

Г.А.Климов. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков.
— М., 1994. — 249 стр.

Книга подводит первые итоги изучения проблемы древнейших ареальных контактов картвельских и индоевропейских языков. Выявлены три пласта картвельских заимствований из последних — общекартвельский, грузинско-занский и более поздний, ограниченный эпохой до появления памятников древнегрузинской письменности. Работа вносит свой вклад в дискуссию о взаимоотношениях индоевропейских и картвельских языков.

The author summarizes the first results for the research of the earliest areal contacts between Kartvelian and Indo-European languages. Three layers — Common Kartvelian, Georgian-Zan and a more recent one (previous to the first monuments of Old Georgian) — have been revealed. The work contributes to the discussion on historical interrelation of Indo-European and Kartvelian languages.

ISBN 5-201-13217-0

© Г.А.Климов, 1994
© “Наследие”, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тезис о наличии в картвельских языках значительной совокупности индоевропейских лексических отложений, обязанных их длительным и восходящим еще к «доисторической» эпохе контактам с индоевропейскими, уже давно и достаточно широко признан в специальной картвелистической литературе. Так, еще в 1920 году А.Г.Шанидзе отмечал, что «в грузинском языке найдутся не одно и не два таких слова, которые с незапамятных времен проникли из индоевропейской языковой сокровищницы, но с течением времени настолько изменили свой облик, что лишь в результате детального изучения можно создать себе представление об их истории» [Шанидзе 1968: 5].

Между тем, история соответствующих исследований складывалась в науке таким образом, что центр тяжести ведущихся поисков всецело приходился на выявление лежащих в подавляющем большинстве случаев на поверхности результатов ареального соприкосновения конкретных представителей обеих языковых семей в относительно позднюю историческую эпоху. Соответственно, объектом анализа в работах оказывался вклад в картвельскую лексику, внесенный уже исторически засвидетельствованными индоевропейскими языками — древнеперсидским, среднеперсидским, греческим, армянским, осетинским и некоторыми другими. Именно этой проблематике к настоящему времени посвящено несколько десятков публикаций, среди которых можно назвать и отдельные исследования обобщающего характера [ср. Андроникашвили 1966; Тедеева 1988].

Явно менее удовлетворительным выглядит состояние изученности в картвельских языках более древних индоевропеизмов, иногда квалифицируемых в качестве так называемых доисторических, которые до последних лет не служили предметом сколько-нибудь систематического рассмотрения. Хотя первые интересные лексические сопоставления подобного плана были предприняты в науке еще на рубеже XIX и XX веков (естественно, мы оставляем в стороне те со-

положения, которые предлагались разными авторами уже с первой половины прошлого столетия с целью обоснования генетической принадлежности картвельских языков к числу индоевропейских [ср., например, Ворр 1846; Ворр 1847]), они не получили в специальной литературе сколько-нибудь цельнонаправленного продолжения. Обнаруживавшиеся в дальнейшем материальные параллелизмы, как правило, оказывались некоторым побочным продуктом исследований, ориентированных на решение иных задач, формулировавшихся иногда даже за пределами лингвистики.

Такое положение вещей находит, конечно, свое оправдание. В частности, им служит традиционно доминировавшее в кавказоведении равнодушие к проблематике ареального плана. Отнюдь не способствовало его преодолению и то обстоятельство, что подобное исследование предполагает не только реконструкцию самого картвельского материала для наиболее ранних этапов истории этих языков, но и определенную степень знакомства с исторической лексикологией и этимологией индоевропейских языков.

В настоящее время становится все более очевидным, что рассмотрение означенной проблематики имеет немаловажное значение как с точки зрения этимологической разработки картвельского материала, так и в плане потенциальной отдачи последней изучению того или иного аспекта собственно индоевропеистической проблематики, подобно тому, как анализ данных уральских — прежде всего финно-угорских — языков проливает определенный свет на некоторые стороны истории индоевропейских. Таким образом, по своему жанру настоящая монография аналогична в какой-то мере исследованиям, представленным в истории ареального языкознания трудами Б.Мункачи, Г.Якобсона, Б.Коллиндера, А.Йоки, К.Редей и некоторых других авторов, посвященных выявлению индоевропейских элементов в уральских языках [ср. Munkacsı 1901; Jakobsohn 1922; Collinder 1934; Joki 1974; Redei 1986].

Историки культуры и археологии неоднократно отмечали, что факт существования достаточно тесных контактов Кавказа с древнепереднеазиатским миром начиная уже с VI—V тысячелетий до н.э. стоит вне каких-либо сомнений [Кушнарева-Чубинишвили 1970: 9]. При этом не без основания подчеркивается, что со странами древней Передней Азии прежде всего контактировали южные области Закавказья и сопредельные с ними районы. Если учитывать общий более высокий уровень общественного и культурного развития древнепереднеазиатских догосударственных и государственных образований, то факт их интенсивного и разностороннего воздействия на Закавказье невозможно недооценить. Как известно, именно южные обла-

сти Закавказья являлись проводниками множества достижений древневосточной цивилизации на Кавказ. Такому воздействию подвергались архитектура, строительное дело, ремесленная технология, мифологические представления. На этом фоне было бы естественным ожидать наличия в лексике картвельских языков следов их древнейших контактов с «азианическими», индоевропейскими и — через опосредствующие звенья — с семитскими.

Наличие заметного пласта картвельских лексических индоевропеизмов представляется тем более естественным в свете выявленного еще в середине 60-х годов далеко идущего структурного параллелизма между картвельскими и индоевропейскими языками в области фонологической парадигматики и синтагматики, позволившего констатировать между ними отношения, характерные для языкового союза [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965].

В последнее время исследования в этом направлении приобретают, на наш взгляд, дополнительный интерес с точки зрения индоевропеистики, в рамках которой недавно была сформулирована гипотеза о древнейшей прародине носителей индоевропейской речи в Передней Азии — в регионе непосредственно к югу от картвельской языковой области [Гамкрелидзе-Иванов 1984: II]. При всей справедливости мнения У Лемана, согласно которому «если индоевропейский имел тесные контакты с пракартвельским, то мы обретаем разительное свидетельство в пользу прародины индоевропейцев со стороны более фундаментального компонента лингвистической структуры, чем словарь» [Lehmann 1968: 406], дальнейшее расширение фонда древнейших картвельских индоевропеизмов способно сообщить этой гипотезе дополнительные фактические точки опоры. Автор надеется, что настоящее исследование придаст определенную степень конкретизации формулируемым в ее русле общим положениям (отметим, что согласующееся с ней крупное археологическое исследование [Renfrew 1987] во многом выглядит недостаточно убедительным).

Нельзя не учитывать, что начальный по существу этап изучения рассматриваемой проблематики обуславливает неравноценность фигурирующего в работе материала, сообщая ряду из принимающихся сопоставлений определенную степень условности. Естественно, что некоторые из предлагающихся сближений могут не выдержать испытания временем. Весьма существенно также, что в настоящее время далеко не всегда имеется возможность сколько-нибудь четкого хронологического обособления ингредиентов различных пластов заимствований. Едва ли не основное обстоятельство, затрудняющее создание четкой стратификации материала, составляет недо-

статочная, на наш взгляд, разработка релятивной хронологии фонетических процессов, протекавших в истории картвельских языков. Одним из более конкретных следствий последнего обстоятельства является трудность строгого взаимного разграничения обоих наиболее ранних страт индоевропеизмов — пракартвельского и грузинско-занского.

Представляется, тем не менее, что результаты впервые предпринимаемого здесь опыта специального рассмотрения проблематики ареального взаимодействия представителей обеих лингвистических семей свидетельствуют о несомненной перспективности дальнейшей работы в этом направлении. В частности, по-видимому, начинает оправдываться предположение о том, что в ближайшем будущем существенно возрастет объем самого лексического материала, обусловленного этим взаимодействием. Однако, уже в настоящее время в распоряжении исследования имеется достаточно фактов, подтверждающих глубокую давность ареальных контактов между картвельскими и индоевропейскими языками.

В настоящей работе, целью которой является обобщение и систематизация древнейших лексических индоевропеизмов картвельских языков, рассматриваются около 15 соответствующих параллелизмов, претендующих на общекартвельский характер, около 40 параллелизмов грузинско-занского хронологического уровня, а также примерно столько же, по всей вероятности, несколько более поздних параллелизмов, имеющих основания считаться «доисторическими». Значительная часть этого материала вводится в обиход науки впервые.

В существующей специальной литературе приводится и некоторый материал, иллюстрирующий вероятные картвелизмы индоевропейских языков [ср. Furnée 1970; Furnée 1986; Palmaitis 1986: 101—103; Гамкрелидзе-Иванов 1984: II: 904—909]. Однако, поскольку предлагаемая работа имеет в своей основе характер картвелистического исследования, задача выявления древнейших картвелизмов в индоевропейских языках перед ней не ставится.

Монография строится из четырех глав, краткого Заключение, нескольких индексов древнейших картвельских индоевропеизмов и библиографических списков. В ее I главе содержится очерк истории изучения вопроса, а также характеристика принятой в работе исследовательской методики. II глава посвящена анализу древнейших индоевропеизмов, усвоение которых должно было восходить еще к общекартвельскому состоянию. В III главе рассматриваются индоевропейские заимствования, проникшие в картвельские языки в несколько более позднюю эпоху, соотносимую с периодом грузинско-за-

нского единства. В IV главе суммируется еще более поздний пласт индоевропейского материала, характеризующий по преимуществу отдельные картвельские языки (и ббольшую давность усвоения которых пока невозможно обосновать) или представленный в нескольких или даже во всех картвельских языках в фонетически незакономерном облике и распространявшийся здесь уже, по-видимому, из одного из них в другие. Эти три главы состоят из единообразно построенного этимологического комментария к перечисляемым в них лексемам или основам. В кратком Заключение мы попытались сформулировать основные результаты и ближайшие перспективы исследования. В индексах обозначены архетипы лексем, восходящих к двум древнейшим пластам заимствований, а также лексемы более позднего происхождения.

Глава I.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, отдельные лексические общности картвельских и индоевропейских языков были замечены довольно давно. Наиболее ранним исследователям, в частности, М.Ф.Броссе и Фр.Боппу, они представлялись некоторыми свидетельствами генетической принадлежности первых к числу индоевропейских на правах их отдельной «кавказской» ветви. В конце прошлого столетия появились первые публикации, в которых в поле зрения лингвистов попали картвельские заимствования из индоевропейских языков, как правило, относящиеся к сравнительно поздней исторической эпохе [ср. Riabinin 1895].

Едва ли не первым автором, поставившим в повестку дня исследования проблему «доисторических» индоевропеизмов картвельских языков, явился отечественный кавказовед А.Глейе, деятельность которого относится к концу XIX — началу XX вв. В своей статье 1902 года «О происхождении грузинского народа и его языка» он писал: «Я указал на отношения грузинского языка к семитскому и угро-финскому языкам, выводя заключение, что предки теперешних грузин находились когда-то в сношениях с упомянутыми племенами. Более подробное расследование грузинского языка нам, однако, показывает, что еще третий, а именно арио-европейский язык, в доисторические времена сильно влиял на грузинский. В последнем находится довольно большое количество слов, весьма напоминающих собой слова арио-европейского происхождения, но которых, однако, нельзя отождествлять со словами арио-европейского происхождения, перешедшими уже в историческое время в грузинский язык» [Глейе 1902: 8].

В его статье 1902 года наряду с небольшим списком аффиксальных морфем, встречающихся в сходном облике в обеих языковых семьях, предложены двадцать три лексических соположения. Из их

совокупности два параллелизма представляют несомненный интерес и для нашей темы. Одно из них образует сопоставление груз. *tpil*- 'теплый' с лат. *tepdrus* 'теплый' (у автора — *tepulus*), а другое — груз. *madl*- 'благодарение, благословение' при др.-прусск. *maddla* и лит. *maldà* 'молитва' [Глейе 1902: 16]. Если оба эти сопоставления могут быть поставлены в настоящее время в значительно более широкий индоевропейстический контекст, то в остальных приводимых автором случаях мы имеем либо относительно поздние заимствования, конкретные языковые источники которых нетрудно идентифицировать (так, например, для груз. *pur*- 'хлеб' довольно очевидным источником является греч. *πῦρός*, а для мегр. *kver*- 'молоток' таковым могло служить лат. *quiris*), либо так называемые сирены созвучия, обусловленные случайностью, либо сходства, постулированные А.Глейе не без некоторой предварительной препарации фактического материала (ср. груз. *laparak*- 'разговор', обнаруживающее в древнегрузинском несколько иной фонетический облик, позволяющий уверенно возвести эту лексему к его армянскому прототипу, однако сопоставленное автором с ирл. *labrae* той же семантики). Наконец, мы встречаем здесь и совпадения в материале, обусловленные некоторыми универсальными закономерностями звукописи, наблюдающимися в самых разных языковых семьях мира (ср. груз. *did*- 'большой' при лит. *didis* то же).

Поскольку в этой статье индоевропейский материал в целом ряде случаев оказался представленным, возможно, в силу характера знаний ее автора, балтийскими фактами, А.Глейе пришел к выводу, что в отдаленном историческом прошлом картвельские языки должны были соприкоснуться с каким-то индоевропейским языком, очень близко стоявшим к балто-славянским и итало-кельтским. Так как привлечшие его внимание картвельские лексемы «очень похожи на соответствующие им слова славянских и литовских (латышских) наречий, между тем как последние, насколько известно, никогда не находились в соседстве с грузинским языком, остается единственное предположение, что какой-то язык или фригийско-фракийского или иллирийского происхождения, стоящий очень близко и к славянским и к литовскому языкам, влиял когда-то на грузинский язык, а именно в Малой Азии, где жили одновременно и народы фригийские и иллирийские. Трудно, однако, сказать, к какому из упомянутых языков следует отнести слова арио-европейского происхождения, заимствованные грузинским языком в доисторическое время, ввиду того, что оба они очень близки друг к другу и оба могли столкнуться с грузинским на южном берегу Черного моря или даже внутри Малой Азии. Впрочем, следует заметить, что существовали и та-

кие арио-европейские племена, которые насчет языка составляли переход от иллирийской группы к фрако-фригийской...» [Глейе 1902: 9]. Отвлекаясь от крайней фрагментарности представлений науки того времени о характере обеих последних ветвей, должно быть очевидным, что уже А.Глейе принимал очень отдаленные хронологические рамки для древнейших индоевропейско-картвельских контактов.

В том же разделе названного сборника опубликована статья одного из выдающихся грузинских лингвистов того времени М.Джанашвили «Картвельский язык и славяно-русский. Точки соприкосновения между этими языками». Несмотря на ориентацию ее автора на данные всего лишь одной из исторически засвидетельствованных ветвей индоевропейских языков, из общей совокупности предложенных им нескольких десятков лексических сближений можно выделить также несколько сопоставлений, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой в настоящей монографии проблематике. Наряду со значительным числом случайных материальных сходств в статье встречаются отдельные дескриптивные (звуко-символические и звукоподражательные) основы (к их числу здесь относятся, например, груз. *lok-* 'лизать, лакать' и груз. *gr-ial-* 'грохот, гром', располагающие своими очевидными аналогиями во многих генетически не связанных языках мира), некоторые относительно поздние заимствования из уже исторически засвидетельствованных индоевропейских языков (ср. груз. *baṭon-* 'господин', груз. *kaṇap-* 'конопля', груз. *kaṭa-* 'кошка') и, по крайней мере, одно сближение, предполагающее скорее объяснение совершенно иного порядка (за которым стоит картв. **ṣew-* : *ṣw-* 'рождать(ся)' при и.-е. **seuH-* : *sūH-* той же семантики). В то же время М.Джанашвили приводит несколько лексических параллелизмов, несомненно имеющих прямое отношение к рассматриваемой здесь проблематике ареального плана — ср. груз. *gvaṭva* 'сильная засуха, жара' при др.-инд. *jval-* 'пылать жаром', груз. *uṣel-* 'ярмо, иго' с его эквивалентами во всех других картвельских языках при лат. *jugum* то же, а также груз. *ṡvino-* 'вино' при греч. *οἶνος* 'то же' [Джанашвили 1902: 25—31].

Наконец, в небольшой заметке А.Погодина, помещенной в том же выпуске этого ежегодника, также высказываются предположения о подобной зависимости ряда лексем, встречающихся в языках как Северного, так и Южного Кавказа, и которые могут восходить к некоторому индоевропейскому — в частности, древнеиндийскому — источнику [Погодин 1902: 55].

Сходство отдельных картвельских, в большинстве случаев грузинских, лексем с индоевропейскими неоднократно фиксировалось в различных публикациях Н.Я.Марра. Однако, его беглые замечания

этого плана не приходится расценивать как вклад в разработку интересующей нас проблематики, поскольку затрагивавшиеся лексемы неизменно трактовались им в духе его глоттогонической концепции в качестве произведений словотворчества яфетидов. Так, несколько раз повторяющееся в его статьях сопоставление груз. *γor-* 'свинья' с греч. *χοῖρος* имеет, согласно автору, своим основанием «европейское яфетическое слово» [ср. Марр 1936: 145; Марр 1937: 78]. Сравнимая груз. *γvino-* 'вино' с его многочисленными аналогиями в индоевропейских языках, он приходил к заключению, что это слово «народами всей Европы и Передней Азии усвоено от яфетидов» [Марр 1933: 172] (в этом случае можно, впрочем, усмотреть и своеобразную версию довольно популярного в то время в индоевропеистике мнения о неисконном, так называемом средиземноморском характере обозначений вина в индоевропейских языках). Укр. *теплий* и русск. *тёплый* сближались им с груз. *tbil-* 'теплый' опять-таки на правах яфетидизмов [Марр 1935: 257]. В аналогичном духе объяснялась автором и связь мегр. *nosa-*, *nisa-* 'невестка' с арм. *ni* то же [Марр 1933: 46]. Упомянем, наконец, предполагавшуюся им связь груз. *сero-* 'журавль' с известным индоевропейским обозначением этой птицы [Марр 1935: 256]. И лишь сходство лаз. *žvabu-* 'жаба' с соответствующим русским словом он приписывал фактору случайности [Марр 1933: 42].

В работах А.С.Чикобава, относящихся к 30—40 годам, был поддержан ряд уже известных к тому времени картвельско-индоевропейских сближений. Касаясь соответствующих параллелизмов в обозначениях ярма и в глаголах семантики 'греть(ся)', он считал, что они обязаны своим возникновением эпохе древнейшего взаимодействия обеих языковых семей, которое он локализовал в пределах Малой Азии [Чикобава 1938: 327; Чикобава 1942: 31]. Соглашаясь с правоммерностью сопоставления занских обозначений жабы или лягушки с их очевидными славянскими аналогами, он, однако, воздерживался от сколько-нибудь конкретного истолкования их исторического взаимоотношения [Чикобава 1938: 118].

Совокупность картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов контактного происхождения, отмеченных в публикациях К.Боуды, как правило, представляет собой заимствования из исторически засвидетельствованных индоевропейских языков — иранских, греческого, латыни, армянского. Поэтому с точки зрения рассматриваемой в настоящей монографии проблематики интересны всего четыре сопоставления, предлагающиеся в одной из его статей — груз. *ankara-* 'уж' ~ лат. *anguis*, лит. *unguryš*; груз. *dag-* 'жечь' ~ др.-инд. *dah-*, лит. *deg-* то же; груз. *šuš-* 'сушить' ~ и.-е. **saus-* : *sus-* то же; груз.

dro-, мегр. *rdə-* 'время' ~ др.-инд. *ṛtu-* 'срок, сезон' [Bouda 1950: 300—301].

Из значительного числа этимологических толкований грузинских лексем, предложенных Й.Едличкой, несомненный интерес представляет сближение им груз. *dube-* 'впадина, низина' с его индоевропейскими аналогами, восходящими к индоевропейской базе **dheub-* [Jedlička 1962: 106]. В то же время весьма призрачной представляется возможность предлагаемого им сопоставления славянского обозначения дебрей с груз. *ṭevr-* 'лесная чаща' [указ. соч., 108].

Ввиду довольно распространенного в кавказоведении прошлого пренебрежения к ареальным исследованиям, выражавшегося, в частности, в квалификации некоторыми видными авторами понятия языкового союза как антиисторического по своей сущности и фактически излишнего, прирост сопоставимого лексического материала картвельских и индоевропейских языков происходил крайне медленными темпами. В условиях отсутствия интереса со стороны кавказоведов к целенаправленному изучению рассматриваемой проблемы те или иные находки ареального плана оказывались как правило побочным продуктом этимологических штудий, направленных на решение других задач, и, прежде всего — на выявление исконного пласта картвельского корнеслова. Следует упомянуть, что прогресс в накоплении интересующего нас материала сдерживался иногда и естественным, хотя и неоправданным, стремлением усматривать в выявляемых фактах элементы тех или иных исторически засвидетельствованных языков (древнеперсидского, армянского и т. д.). Даже такой выдающийся кавказовед прошлого, как Г.Деетерс, говоря о наиболее ранних заимствованиях в картвельских языках, писал, что здесь «древнейший осязаемый слой — отвлекаясь от отдельных проникших в кавказские языки шумеро-аккадских культурных слов — составляют заимствования из средне-, а отчасти, и из древнеиранских языков, начиная с эпохи вхождения Южного Кавказа в державу Ахеменидов» [Deeters 1963: 33]. Заметное оживление в этом направлении наступило лишь с середины 60-х годов, когда к означенной проблематике обращаются уже несколько исследователей.

Первое приближение автора настоящей монографии к ее проблематике получило свое отражение в его этимологическом исследовании середины 60-х годов, в котором им были отмечены примерно пятнадцать картвельско-индоевропейских словарных параллелизмов, не менее половины из которых составляют, как представляется, различные основы дескриптивного характера. Хотя анализ сходный древнего картвельского лексического материала с индоевропей-

ским интересовал тогда автора прежде всего со сравнительно-типологической точки зрения, он не мог не обратить своего внимания на «целый ряд картвельско-индоевропейских параллелей, по-видимому, необъяснимых типологически. Сюда могут быть отнесены такие основы, как **bod-* 'бродить, бредить', **gn-* 'слышать, понимать', **gon-* 'думать, вспоминать', **venaq-* 'виноградник', **mkerd-* 'грудь', **ṭab- : ṭb-* 'греть(ся)', **uḡel-* 'ярмо', **ḡvino-* 'вино', **šw-* 'рождать' и др. По крайней мере часть из них должна квалифицироваться как древние заимствования из какого-то индоевропейского источника и является результатом доисторических контактов носителей картвельских и индоевропейских языков. В настоящее время невозможно, однако, говорить об особенной близости картвельских индоевропеизмов к материалу какой-либо из конкретных ветвей индоевропейских языков» [Климов 1964: 40].

Важнейший шаг к обобщению картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов, накопившихся в науке к середине 60-х годов, был сделан выдающимся грузинским историком Г.А.Меликишвили в его монографии, посвященной фундаментальным вопросам этнической истории Кавказа и Ближнего Востока. В поле зрения исследователя попало около пятидесяти словарных аналогий, некоторые из которых были предложены им впервые. Среди последних наиболее интересными представляются сопоставление груз. *krāzana-* 'шершень, овод' с продолжениями и.-е. **kṛs-en-* 'шершень', а также груз. *vel-* 'долина, равнина' с и.-е. (хеттск.) *uḡellu* 'долина, луг' [Меликишвили 1965: 217—218 и 222].

«Приведенный выше материал, — пишет в заключение автор, — думаем, должен свидетельствовать, что в грузинском языке действительно существует "слой индоевропейской лексики неизвестного происхождения". Действительно, как мы видели, в картвельских языках можно обнаружить несколько десятков таких слов, которые как по звуковому составу, так и по значению, выявляют сходство со словами, засвидетельствованными в индоевропейских языках и по большей части индоевропейского происхождения. Естественно поэтому, что возникает вопрос о заимствовании этих слов из индоевропейского. В то же время, главным образом в силу различий формальной стороны, а в ряде случаев и потому, что заимствования следует предполагать в более раннюю эпоху, чем ожидалось соответствующие контакты, представляется исключенным заимствование из тех индоевропейских языков, с которыми грузинский язык имел интенсивные контакты на протяжении последних 2000—2500 лет: из греческого, армянского, персидского и других иранских диалектов» [Меликишвили 1965: 242].

Склоняясь к весьма правдоподобной точке зрения, согласно которой северо-восточные районы Малой Азии являлись в древнейшую эпоху одним из основных очагов картвельских (собственно, грузинских, мегрельско-лазских) племен, он приходил к заключению, что гипотеза об их контактах с обитавшими в Анатолии индоевропейскими племенами вполне естественна.

«Приведенный нами материал, — подчеркивает далее Г.А.Меликишвили, — интересен, вместе с тем, в том отношении, что в нем мы имеем дело в основном с древнейшим достоянием лексики грузинского и в целом картвельских языков. Одним из свидетельств этого служит сам характер означенных терминов. Здесь оказываются древнейшие термины, связанные со скотоводством и земледелием, названия частей тела человека и обозначения многих других важных понятий, числительные, глаголы, которые передают целый ряд видов деятельности. Другим существенным показателем их древности является то, что по самим их форме и образованию эти термины прошли в картвельских языках длительный путь развития — многие из них характеризуются выдержанностью различных закономерных соответствий между картвельскими языками; видно, что они либо составляли еще недифференцированное достояние картвельских языков (рубеж III—II тысячелетий до н.э.), либо — частью — существовали в картвельских языках еще на уровне грузинско-занского единства (вторая половина II тысячелетия — первые века I тысячелетия до н.э.)» [Меликишвили 1965: 243].

Далее Г.А.Меликишвили высказывает предположение, согласно которому лексику неизвестного происхождения, имеющую оттенок индоевропейской, «картвельские языки (или язык-основа картвельских языков) должны были усвоить из языка (языков) неизвестных индоевропейских племен, которые, по-видимому, сыграли роль субстрата для картвельских. Картвелоязычные коллективы, вероятно, ассимилировали соответствующие индоевропейские группы, а вместе с тем, видимо, имело место переключение значительной массы индоевропейцев на грузинскую (картвельскую) речь, поскольку следы их ранней речи столь ощутимы не только в лексике ассимилировавшего языка, но и в его структуре...» [Меликишвили 1965: 244].

Наконец, автор справедливо констатирует, что индоевропейская лексика проникала в картвельские языки в продолжении длительного времени, а также формулирует гипотезу, согласно которой именно их индоевропейскому субстрату принадлежала куро-араксская культура, и с ссылкой на исследования Г.Б.Джаукяна ищет поддержку этой гипотезы в индоевропейских заимствованиях, выявленных также в урартском языке [ср. Джаукян 1963]. Здесь же встречаем немаловаж-

ное наблюдение, сводящееся к тому, что как картвельские, так и урартские индоевропеизмы не обнаруживают сколько-нибудь заметной близости к соответствующим формам анатолийских языков [Меликишвили 1965: 245].

Мысль о давности и длительности картвельско-индоевропейских языковых контактов разделял и Г.В.Церетели. «Такие контакты с индоевропейскими, — писал он в одной из своих работ, — картвельские языки имели с древнейших времен. Во всяком случае, связь с индоиранскими можно считать установленной уже для мидийской эпохи (XIV в. до н.э.) на основании армазских, иранских и греко-латинских эпиграфических памятников, классических (греко-римских) источников и языковых материалов самих картвельских языков. Но есть основание, как языковое, так и культурно-историческое, предположить, что картвельские языки имели такие контакты с индоевропейскими с древнейших времен, и указанные черты сходства (в виду имеется совокупность существующих между ними параллелизмов в фонологии и морфофонологии, выявленная в исследованиях Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани — Г.К.), возможно, восходят именно к той эпохе. На это указывает, в частности, тот лексический слой индоевропейского происхождения в картвельских языках, который обнаруживает в своем вокализме более древнюю ступень сравнительно с протоиндоиранским» [Церетели 1965: 45].

В.М.Иллич-Свитыч, касаясь вопроса о древнейших контактах индоевропейских языков с другими, как он освещен в известной работе Дж.Девото, замечает, что приведенный им материал может быть в настоящее время существенно расширен с учетом прежде всего фактов семитских и картвельских языков [Иллич-Свитыч 1968: 387]. Ему также принадлежит выявление одного из наиболее ранних картвельских заимствований из иранского источника [Иллич-Свитыч 1971: 194].

Несколько интересующих нас сближений можно встретить в опубликованных в разное время работах Г.Фогта. Среди них целесообразно упомянуть сопоставление картв. **lag-* : *rg-* 'сажать, укладывать' с и.-е. **legh-*, картв. **tep-* 'греть(ся)' с и.-е. **tep-*, груз. *ṭp-* 'испытывать наслаждение' с и.-е. **terp-* 'насыщаться, испытывать наслаждение', груз. *ṣump-* 'лужа грязи, болотце' с герм. (нем.) *Sumpf* [ср. Vogt 1938: 336—338]. Обсуждая известное наблюдение Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани о наличии далеко идущего изоморфизма между фонологической структурой картвельского и общеиндоевропейского, он писал, в частности, следующее: «Если учесть, что этот изоморфизм общекартвельского сочетается с наличием значительного слоя лексических заимствований из индоевропейского в один или не-

сколько картвельских языков, можно сделать вывод о длительных и тесных контактах этих языков, происходивших в очень древнюю эпоху, предшествующую их контактам с иранскими языками. Показательно, что археолог Г.А.Меликишвили допускает наличие таких контактов, относимых им к концу третьего и началу второго тысячелетия до нашей эры. То, что такое древнее индоевропейское влияние должно было быть достаточно сильным, кажется весьма вероятным, независимо от того, идут ли исследователи настолько далеко, что говорят о Sprachbund или не делают этого. Такое влияние могло бы объяснить несколько периферийное положение картвельского среди других кавказских языков...» [Фогт 1971: 41].

Во II главе монографии Г.Б.Джаукяна, посвященной рассмотрению генетических взаимоотношений нескольких языковых семей Старого Света, нетрудно найти ряд лексических сближений, интересных прежде всего с точки зрения древнейшего ареального взаимодействия картвельских и индоевропейских языков [Джаукян 1967]. Если в небольшом по своему объему разделе главы, специально затрагивающем проблематику «средиземноморских» и других старых заимствований, речь идет по большей части о заимствованиях из исторически засвидетельствованных языков, то с точки зрения настоящего исследования более интересной представляется фиксация автором некоторых других лексических параллелизмов. Наряду с повторением некоторого числа уже встречавшихся у других исследователей сближений (связанных, например, с картвельскими обозначениями шести, ярма, земли, груди, свињи и т. д., а также с рядом картвельских глагольных основ), в работе содержится и новый материал, способный при его соотвествующей реинтерпретации послужить предметом ареального рассматривания: ср. и.-е. **gudo-m* 'кишка' ~ груз.-зан. **guda-* 'бурдюк', и.-е. **dheubh-* 'приводить в сильное движение, встряхивать, взбалтывать' ~ груз.-зан. **dyweb-* 'сбивать масло', и.-е. **ghdu-* 'рыба' ~ груз.-зан. **zutx-* 'осетр' и др. [Джаукян 1967: 61, 64, 81].

В известном исследовании В.М.Иллич-Свитыча, содержащем опыт обоснования гипотезы генетического единства ностратических языков, были предложены два новых картвельско-индоевропейских сближения, предполагающих, на наш взгляд, скорее ареальное истолкование. Сюда относятся соположение картв. **cxwi-* 'острие (растения), стрела' с и.-е. **sk(h)ui(i)-* (у автора — **skuei(H)-*) 'колючка растения, шип', в котором с точки зрения реконструируемого автором ностратического архетипа приходится допускать разнотипную для обеих языковых семей метатезу [Иллич-Свитыч 1971: 197], и сопоставление мегр. *leṭa-* 'грязь, глина' с такими продолжениями и.-е. **lat-*

‘влажный, влажная почва’, как др.-в.-нем. *letto* ‘глина’ и др.-исл. *leþja* ‘грязь, глина’ [Иллич-Свитыч 1976: 31]. Кроме того, здесь отмечается признаваемая самим автором зависимость груз.-зан. **band-* ‘сплести’ на правах заимствования от и.-е. «диалектного» (иран.) **band-* ‘связывать’ [Иллич-Свитыч 1971: 194].

Как отмечал в 1974 г. Ш.В.Дзидзигури, «в грузинском языке выделим значительный лексический фонд, который выявляет удивительные параллели с древними индоевропейскими языками. Эти слова должны были быть заимствованы в эпоху, предшествовавшую дифференциации картвельских языков, или во всяком случае — на древнейших ступенях их развития. На древность этих слов указывает то, что они заимствованы не в "историческую эпоху" из языков тех индоевропейских народов, которые соседствовали с картвелами (среди них — греки, иранцы, армяне...). Характер выявленных терминов (термины, связанные со скотоводством и земледелием, части тела человека и обозначения других важных понятий, числительные, глаголы) убеждают нас в том, что эти слова принадлежат к древнейшему лексическому фонду грузинского языка. В то же время обнаруживают закономерные соответствия в других картвельских языках...» [Дзидзигури 1974: 284].

Далее автор ссылается на суммирующие эти лексические параллели высказывания Г.А.Меликишвили, на аналогичные замечания А.С.Чикобава, а также приводит соответствующие иллюстрации, известные из специальной литературы. При этом исследователь подчеркивает, что он далек от признания того, что все предпринимавшиеся в науке индоевропейско-картвельские лексические сопоставления бесспорны, однако полагает, что дальнейшие исследования в этом направлении смогут внести в них свои коррективы, а также выявить новый материал [Дзидзигури 1974: 285—286].

В короткой заметке Р.В.Шумахера высказывается предположение о возможности происхождения кавказского, в частности, картвельского обозначения пяти **xut-* от второй части и.-е. **penk^he* ‘пять’ [Schuhmacher 1977: 186—187], с чем едва ли возможно согласиться ввиду как необоснованности членения индоевропейского архетипа, так и существенного фонетического расхождения сравниваемого материала.

Л.Г.Герценберг выделяет несколько слоев древних картвельских индоевропеизмов, среди которых называет пласт, относящийся, по его мнению, к «сакральному» языку «аристократического» элемента в индоевропейском языке-основе, пласт, относящийся к сфере различных общих «внекультурных» понятий, пласт, обнаруживающий особенности индоиранского или иранского, и так называемый поликон-

тактный пласт, иллюстрируемые почти исключительно ранее уже фиксировавшимися в литературе примерами (некоторый минимум его собственных сопоставлений трудно принять) [Герценберг 1978]. Согласно автору, «факты показывают, что картвельские языки с самых древних времен связаны с индоевропейскими, индоиранскими, иранскими и т.д.» [указ. соч.: 92].

Свой вклад внес в разработку рассматриваемой проблематики известный грузинский историк-хеттолог Г.Г.Гиоргадзе, выявивший отдельные черты сходства между хеттским и картвельскими языками. Наряду с некоторыми аналогиями в морфологическом инвентаре обоих компонентов сравнения автор обращает внимание и на ряд интересных словарных параллелизмов. Из числа последних, отчасти повторяющих ранее уже отмечавшиеся в специальной литературе, наиболее интересными представляются два следующих: хеттск. *partawar* 'крыло' (где *parta-* — основа, а *-war* — словообразовательный элемент абстрактных имен) при груз. *prta-* то же, хеттск. *wellu-* 'луг' при груз.-зан. **wel-* 'поле, долина' [Гиоргадзе 1979: 65].

Автор указывает далее, что «какую-то часть упомянутых выше черт близости или лексических параллелей, предполагавшихся в картвельской среде, в основном на общекартвельском уровне, можно рассматривать как результат многовековых взаимоотношений если не хеттского (неситского) и картвельских (общекартвельского) языков не раньше начала II тысячелетия до н.э., то общепаннолийского и общекартвельского ... на протяжении III тысячелетия до н.э. Основная же часть из интересующих нас параллелей является в общекартвельском, по-видимому, древними индоевропейскими заимствованиями (элементами), не восходящими к анатолийским индоевропейским языкам, тем более, что большинство из вышеприведенных общекартвельских основ (в фигурирующем в статье списке налицо четырнадцать соположений, шесть из которых предлагались и ранее — Г.К.) выявляет явную близость к индоевропейскому» [Гиоргадзе 1979: 69]. Важность последнего наблюдения, подтверждаемого и на значительно более широком материале, введенном в орбиту исследования в последующий период, невозможно недооценить.

В книге бельгийского исследователя Э.Фурнэ, посвященной лексическим встречам картвельских языков с языками доиндоевропейского населения Европы и Восточного Средиземноморья [Furnée 1982], находим некоторую совокупность соответствующих соположений, уже фигурировавших в работах ряда других авторов. Здесь, в частности, принимаются сопоставления груз. *lam-* 'ил, тина' ~ «палеоевр.» **lama-* (с. 56), груз. *krazana-* 'овод' ~ и.-е. **k₁rsen-* (с. 67) и картв. **uxel-* 'ярмо, иго' ~ и.-е. **jugo-m* (с. 72). Кроме того, в книге приво-

дятся груз. *anḱara-* 'уж' и *ekal-* 'шип (растения)', сопоставляемые автором соответственно с греч. ἄκαρον и ἔκταλος и трактуемые здесь в качестве восточносредиземноморского наследия обоих языков (ср. сс. 23 и 40), а также исконно картвельские, как ему представляется, груз. *vel-* 'долина' и *çero-* 'журавль', но тем не менее находящие свои аналогии в отдельных ветвях индоевропейских языков (сс. 63 и 64).

В работе, посвященной анализу неиндоевропейского компонента греческого словаря, А.В.Урушадзе приводит несколько лексем, иногда интерпретируемых в научной традиции в качестве так называемого медитерранического пласта картвельских языков (здесь названы, в частности, грузинские обозначения свиньи, куропатки, ярма, груди и ряд других), и приходит к заключению, что хотя отдельные из них фактически могли иметь и картвельский источник, их часть должна быть безусловно причислена к фонду индоевропеизмов [Урушадзе 1980: 223—224]. В связи с этой работой следует заметить, что в исследованиях по медитерранистской проблематике некоторая часть материала, квалифицирующегося обычно в качестве картвельских индоевропеизмов, получает иное истолкование [ср. Гордезиани 1985: 58—96], что подчеркивает необходимость совершенствования самого метода генетической атрибуции рассматриваемого материала.

Мнение о наличии в картвельских языках целого пласта древних индоевропеизмов поддерживается и М.Л.Палмайтисом. В частности, в числе трех картвельско-балтийских параллелизмов, приводимых в его заметке [Палмайтис 1984: 78—79], встречаем предлагавшуюся еще А.Глейе квалификацию груз. *did-* 'большой' как картвельского индоевропеизма.

Рассматриваемую проблематику затрагивает в одной из своих публикаций известный французский кавказовед Ж.Шарашидзе. Опираясь ранее выявленными в науке лексическими параллелизмами, он различает уже в общекартвельском состоянии заимствования как из праиндоевропейского, так и несколько более поздние — восходящие к материалу отдельных ветвей индоевропейских языков (главным образом из их так называемой западноевропейской группировки). Вместе с тем, автор признает в принципе и наличие картвелизмов в индоевропейских языках и, в частности, в преимущественно упоминаемом в этом контексте греческом. Ж.Шарашидзе обращает свое внимание и на отдельные сложные случаи трактовки материала (например, в связи с соположением картв. **tep-* : *tp-* 'греть, быть теплым' с и.-е. **tep-*), затрудняющие в настоящее время однозначное заключение о направлении заимствования [Charachidzé 1986: 219].

С середины 70-х годов автор настоящей монографии стал заниматься дальнейшим накоплением индоевропейско-картвельских лексических параллелизмов, предполагающих ареальную обусловленность. Вслед за несколькими заметками, посвященными вовлечению в орбиту исследования нового материала [Климов 1977: 162—165; Климов 1981: 167—173; Климов 1983: 137—158], он предпринял попытку обобщения соположений, предложенных в науке за последние годы [Климов 1984: 44—55; ср. также Климов 1985]. Две следующих статьи автора, одна из которых посвящена опыту исторической стратификации соответствующего материала, а другая — его потенциальным возможностям в освящении истории индоевропейских языков, увидели свет в 1986 году [Климов 1986₁; Климов 1986₂].

В первой из них подчеркивалась необходимость строгого соблюдения хронологической перспективы исследования, в соответствии с которой все эти элементы были распределены на общекартвельские, грузинско-занские и более поздние, иногда распространявшиеся из одних исторически засвидетельствованных картвельских языков в другие. Во второй содержится аргументация в пользу глубокой древности соответствующих языковых контактов, которая способствует дальнейшему обоснованию гипотезы Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова о локализации прародины носителей индоевропейской речи в Передней Азии в полосе к югу от картвельской языковой области. В 1989 г. были опубликованы две мелких заметки этого плана, посвященные картв. **dola-* 'безрогий' и **žwabu-* 'жаба' [Климов 1989₁; Климов 1989₂], а также статья о возможности отражения в заимствованном картвельском материале позднейшего индоевропейского ларингального, считающегося продуктом совпадения функционировавшей ранее триады ларингалов H_1, H_2, H_3 в единой фонеме [Климов 1989₃]. В последние годы вышли в свет две публикации автора, в которых картвельская глагольная база **cumb-* / *cump-* 'пропитываться влагой, промокать' сопоставляется с и.-е. **suomb(h)-* той же семантики [Климов 1990; ср. Климов 1991₁]. Наконец, можно упомянуть еще две его работы. В одной из них конспективно суммируются наиболее убедительные, по мнению автора, картвельско-индоевропейские параллелизмы контактной природы [Климов 1991₂]. В другой обращается внимание на зависимость картвельского обозначения жертвенного быка от и.-е. **uks-on-* 'бык' [Климов 1992₂].

Древнейшие картвельские индоевропейизмы достаточно рано попадают в поле зрения Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани. Еще в самом начале 70-х годов, признавая длительные индоевропейско-картвельские контакты, имевшие место еще в доисторическую эпоху, Т.В.Гамкрелидзе отмечал, что «предположение о существовании кон-

тактов между картвельским и индоевропейским, обусловивших морфонологический изоморфизм между этими системами, подкрепляется наличием в общекартвельском целого пласта заимствованной лексики, индоевропейское происхождение которой в высшей степени вероятно» [Гамкрелидзе 1971: 37].

Тезис о древнем ареальном взаимодействии индоевропейских и картвельских языков послужил, как известно, одним из аргументов в обосновании гипотезы Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова о древнейших местах обитания носителей индоевропейской речи в переднеазиатском ареале — в полосе непосредственно к югу от картвельской языковой области (Т.В.Гамкрелидзе, датирующий общекартвельское состояние периодом IV—III тысячелетий до н.э., локализует последнее, опираясь на лексические и топонимические данные, в горных местностях западной и центральной части Малого Кавказа) [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 880—881]. Фактической базой для такого вывода явилась не только совокупность накопленных наукой материальных аналогий, но и сформулированное на предшествовавшем этапе положение о глубоком структурном параллелизме праиндоевропейского и пракартвельского в организации их фонологической и морфонологической систем, позволившее Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани постулировать между ними отношения типа языкового союза [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965].

«В сфере приведенных выше картвельско-индоевропейских лексических соположений, — пишут, в частности, Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов, — обращает на себя внимание широкий семантический спектр заимствованных слов, охватывающий не только культурные термины, но и ряд слов основного словаря языка: ср. семантему 'рождать', названия частей тела и др. Это должно указывать на особо тесные контакты в пределах одного языкового союза между взаимодействующими языковыми системами, чем собственно и должен объясняться структурный изоморфизм, устанавливаемый между индоевропейским и картвельским... Некоторые колебания, наблюдаемые в отражении индоевропейских фонем в рассмотренных картвельских заимствованиях, обусловлены, очевидно, различной хронологией заимствований. Так, например, передача в картвельском индоевропейских глоттализированных в ряде форм звонкими согласными (ср. картв. **gen-* : *gn-* при и.-е. **ǵen-* : *ǵn-*) объясняется происхождением этих форм в картвельском из определенного древнего индоевропейского диалекта, уже озвончившего серию глоттализированных» [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 879—880].

Высказываясь в пользу вероятной продолжительности подобных контактов, авторы ссылаются на уже накопленный в науке фактиче-

ский материал, представляющий собой картвельские индоевропеизмы последующего периода, восходящие, как правило, к соответствующему вкладу отдельных диалектных областей индоевропейского языкового ареала.

Активным сторонником идеи о доисторических индоевропейско-картвельских языковых контактах является историк Г.Л.Кавтарадзе. Он локализует эти контакты в Анатолии и приводит несколько лексических сопоставлений, способных, по его мнению, указывать на разнонаправленную зависимость материала [Кавтарадзе 1985: 13—16].

Мнение о наличии в картвельских языках целого ряда древних индоевропеизмов недвусмысленно поддерживается и М.Л.Палмайтисом, разделяющим в то же время ностратическую гипотезу в версии В.М.Иллич-Свитыгча. Наиболее архаичные из них автор проецирует еще на общекартвельский хронологический уровень, находя при этом, что глоттальная теория индоевропейского консонантизма, сформулированная в работах Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова, общает определенные точки опоры для разграничения заимствований и предположительно общего для обеих языковых семей генетического наследия. На этом основании некоторые индоевропейско-картвельские материальные аналогии, трактуемые другими сторонниками ностратической гипотезы в качестве исконного наследия, признаются им фактами ареального происхождения (ср. картв. **pir* 'край, рот' ~ и.-е. **pro-*, картв. **gen-* : *gn-* 'узнавать, признавать' ~ и.-е. **ĝen-*, *ĝnō-* и др.). Наряду с уже приводившимся в специальной литературе материалом здесь анализируется и некоторый новый, среди которого особый интерес представляет сопоставление груз. *čurbela-* 'пиявка' с литовским *siurbėlė* той же семантики, приписываемое автором А.Г.Шанидзе. М.Л.Палмайтис считает вместе с тем, что историческое ареальное взаимодействие обеих языковых семей обуславливает и некоторую совокупность картвелизмов в индоевропейских языках [ср. Gudjedjani-Palmaitis 1986: 98—104].

Особняком в существующей по проблематике литературе стоят две статьи В.В.Шеворошкина, обнаруживающие невладевание их автором картвельским материалом. Небольшая статья, опубликованная им в соавторстве с М.Кайзером, характеризуется резко критическим отношением к ареальному истолкованию выдвигавшихся ранее лексических параллелизмов между картвельскими и индоевропейскими языками и, напротив, совершенно некритической оценкой работы В.М.Иллич-Свитыгча, трактующей часть этих параллелизмов с позиций ностратической гипотезы в качестве исконно общего для тех и других языков наследия [Kaiser-Shevoroshkin 1986]. Авторы связыва-

ют рассмотрение имеющегося в распоряжении исследования фактического материала прежде всего с глоттальной теорией праиндоевропейского консонантизма, сформулированной Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым, и, по-видимому, не усматривают возможности сопоставления этого материала обеих языковых семей на ареальных основаниях. Здесь отклоняется контактная природа двадцати из приводившихся в предшествующей традиции параллелизмов и делается вывод о несостоятельности идеи о древнейшем ареальном взаимодействии индоевропейского и картвельского. Во второй статье, опубликованной одним из соавторов годом позже и оперирующей столь же ограниченным материалом, как будто проявляется некоторое смягчение его позиции и допускается опосредованное ареальное взаимодействие между обоими языковыми мирами прошлого [Shevoroshkin 1987].

К 1988 г. относится публикация небольшой заметки видного немецкого кавказоведа Г.Фенриха, посвященной нашей проблематике [Fähnrich 1988]. Основное достоинство этой заметки заключается в постановке некоторых вопросов методики современного ареально-лингвистического исследования, касающихся определения степени достоверности предпринимаемых материальных сопоставлений. В частности, автор обращает внимание на необходимость ответа на вопрос, в какой мере оправдано признавать отмечающиеся в ряде случаев в специальной литературе факты заимствования в сфере так называемого основного словаря. Помимо повторения нескольких ранее уже предлагавшихся конкретных индоевропейско-картвельских сближений в заметке фигурирует и группа лексических сопоставлений, предлагающихся впервые (среди последних следует назвать груз. *bol-* 'дым' при и.-е. **bholo-* 'пар, восходящий теплый дух, дым' и груз. *mqis-ve* 'тотчас же' при и.-е. **mdk's* 'вскоре, быстро') [Fähnrich 1988: 53]. Интересно, что автор считается и с возможным наличием древних картвелизмов в индоевропейских языках.

В 80-х годах некоторое внимание к проблеме древнейших картвельских индоевропеизмов уделил Г.В.Рогава. На фоне его наблюдений, касающихся заимствований исторической поры, здесь следует упомянуть углубление хронологии ранее уже отмечавшегося заимствования — обозначения журавля, приводящее к реконструкции грузинско-занского архетипа **ç₁ero-* [Рогава 1988₂: 59—60].

Э.Харрис в ее статье, посвященной проблематике картвельско-индоевропейского ареального взаимодействия, указывает на две работы, оперирующие незначительным материалом, и воздерживается от рассмотрения ее лексического аспекта [Harris 1990].

Завершая предпринятый здесь обзор истории вопроса, естественно дать некоторую общую оценку положительных результатов, достигнутых наукой. Прежде всего, следует подчеркнуть, что предшествующей традицией уже накоплен немалый фактический материал. Необходимо констатировать, что по самому факту реальности «доисторических» контактов между картвельскими и индоевропейскими языками картвелисты придерживаются единого положительного мнения. Из предшествовавшего изложения должно быть очевидным, что этот материал неоднороден и не всегда достаточно достоверен, чтобы дать ему сколько-нибудь однозначную трактовку. Последнее обстоятельство отражается на расхождениях исследователей в оценке степени убедительности существующих конкретных соположений и, следовательно, объема всего релевантного для решения проблемы материала. Естественно, что в этих условиях возникает необходимость верификации фактов, а также их систематизации.

Что касается локализации этих контактов, то следует прежде всего отметить господствовавшее в предшествовавшей научной традиции мнение, согласно которому они привязывались к неуточнявшемуся («центральному») региону Анатолии, где присутствие индоевропейского элемента уже для рубежа III и II тысячелетий до н.э. не подвергалось сомнению со времени интерпретации хеттских клинописных памятников Б.Грозным. Наибольшей популярностью такое мнение пользовалось у грузинских авторов [ср. Сванидзе 1936; Чикобава 1942: 31; Гордезиани 1978; Кавтарадзе 1983 и 1985 и др.], что в основном было обусловлено авторитетом выдающегося грузинского историка И.А.Джавахишвили, локализовавшего колыбель картвельских племен в Малой Азии [ср. Джавахишвили 1928; он же 1939]. Так, согласно Г.Л.Кавтарадзе, со второй фазы эпохи ранней бронзы «как будто усиливаются связи Грузии с Северной и Центральной Анатолией... Не исключено, что это обстоятельство могло указывать на возможность проникновения анатолийского населения, относящегося предположительно к пракартвельским племенам, в Закавказье... Думаем, именно в Анатолии вследствие слияния пришлых европейских и местных анатолийских племен и сложилась пракартвельская общность» [Кавтарадзе 1983: 105]. Ср. также следующее высказывание, принадлежащее А.С.Чикобава в связи с происхождением картвельского обозначения ярма: «Корень *иγ-* имеет безусловную связь со словом того же значения в индоевропейских и финно-угорских языках... Термин предполагает преимущественно скотоводство и кочевничество. Этот корень должен быть следствием встреч картвельских племен с племенами, говорившими на индоевропейских

языках. Где и когда? Нет сомнений — в далеком прошлом, в Малой Азии» [Чикобава 1942: 31].

Однако после известных работ по этногенезу картвелов таких крупных исследователей как С.Н.Джанашия и Г.А.Меликишвили положение в науке существенно изменилось [ср. Меликишвили 1959; он же, 1965]. В настоящее время большинство кавказоведов защищают гипотезу, утверждающую автохтонность картвелов в Закавказье, допуская при этом относительно ограниченные исторические изменения в конфигурации их конкретных ветвей.

Значительно меньше единства среди исследователей в вопросе о хронологии этих ареальных контактов. До последнего времени бросается в глаза достаточно широкий диапазон расхождений исследователей в соответствующих временных оценках.

Согласно Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванову, непосредственное соприкосновение индоевропейских и картвельских языков должно было иметь место на праязыковом уровне еще в V—IV тысячелетиях до н.э. [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 865]. По мнению автора настоящей монографии, наиболее ранний пласт картвельских индоевропейских протендует на его соотнесение еще с пракартвельским состоянием, т.е. с эпохой не позднее IV—III тысячелетий до н.э. [Климов 1986: 158]. М.Гимбутас, усматривающая подобные контакты индоевропейцев с «пракавказским (картвельским) народом» где-то в севернокавказском (?) регионе, проецирует их также в IV тысячелетие до н.э. [Gimbutas 1973: 174 и 207]. Г.В.Церетели, считая индоевропейско-картвельские контакты установленными во всяком случае для мидийской эпохи (XIV в. до н.э.), допускал, что они могли восходить и к значительно более ранней эпохе, поскольку вокализм древнейших картвельских индоевропейских обнаруживает более архаичную ступень сравнительно с протоиндоиранским [Церетели 1965: 45]. Г.Гиоргадзе приурочивает ареальные контакты хеттского и картвельских языков к эпохе не ранее II тысячелетия до н.э., контакты общекартвельского и общекартвельского — к III тысячелетию до н.э., полагая при этом, что наиболее древние индоевропейские должны были проникнуть в общекартвельский в еще более раннюю эпоху [Гиоргадзе 1979: 69]. Согласно высказыванию археолога А.М.Апакидзе, соответствующее языковое взаимодействие имело место, вероятно, уже пять-шесть тысячелетий тому назад [Апакидзе 1967: 92]. По мнению В.А.Сафронова, ориентирующегося во многом на данные языковедов, картвельско-индоевропейские контакты устанавливаются в III тысячелетии до н.э., если не несколько ранее [Сафронов 1984: 83]. Примерно такой же датировки придерживается и Н.А.Николаева [Николаева 1984: 75]. Э.Фурнэ говорит о картвельских и пеласгских

элементах, проникших в индоевропейские языки из языка-предка современных картвельских в III тысячелетии до н.э. по мере продвижения индоевропейцев на Балканы [Furnée 1970]. Л.М.Палмайтис предполагает наличие очень древних контактов между обеими языковыми семьями, однако не уточняет их конкретной эпохи [Палмайтис 1986: 100]. По мнению Е.Г.Хачатуровой, экстралингвистические данные свидетельствуют о контактах между картвельскими и индоевропейскими языками (одним из которых может быть арийский язык Митанни) во II тысячелетии до н.э. [Хачатурова 1967: 103].

* * *

Обратимся теперь к некоторым методическим принципам, которыми руководствовался автор работы. Поскольку временной фон последней охватывает очень длительный период языкового развития от праязыкового состояния до эпохи, непосредственно предшествующей появлению памятников древнегрузинской письменности (V в. н.э.), здесь коротко характеризуется такая совокупность вопросов, как принимаемая трактовка понятия праязыка, представления современной науки о пространственно-временных координатах праязыкового и грузинско-занского состояний, наши знания о культурно-исторических характеристиках картвельского общества тех эпох. Необходимо остановиться также на принципах отбора материала контактной природы, а также на проблемах его хронологизации.

Весьма существенным препятствием на пути объективного исследования рассматриваемого в работе материала представляется широко распространенное в эмпирическом языкознании понимание праязыка как реального языкового индивидуума прошлого, не согласующееся с непрерывными пространственно-временными характеристиками реконструируемых речевых состояний. В настоящей монографии автор исходит из признания исторического характера таких безусловно соотносительных по своей природе понятий, как «язык» и «диалект», а также из принципиальной невозможности использования по отношению к сколько-нибудь отдаленному праязыковому состоянию единственно релевантных для языковой идентификации диалектов социолингвистических критериев. Сказанное означает, что в наиболее общем случае праязыковая реальность рисуется автору работы не в виде сколько-нибудь единообразного языка, а, напротив, в виде пространственно-временного континуума языков-диалектов, или лингвем [ср. Alinei 1978], допускающих достаточно широкие структурные и материальные расхождения. Иначе говоря, здесь признается, что за строящейся компаративистом путем срав-

нительной реконструкции праязыковой моделью стоит реальное состояние той или иной языковой семьи или ее ветви в прошлом. В соответствии с этим одним из важнейших атрибутов соответствующей реконструктивной процедуры оказывается нередкая многочисленность праязыкового архетипа, волей объективных обстоятельств заявляющая о себе во многих этимологических словарях и отражающаяся также в настоящей работе.

В соответствии со сказанным выше здесь допускается, что некоторый индоевропейский элемент, проникший в какой-то из ареалов пракартвельского или грузинско-занского состояния, мог остаться неизвестным в его другом ареале. Конечно, если такой материал оказывается вне системы так называемых дифференцированных фонологических корреспонденций, констатируемых между картвельскими языками, отвечая лишь так называемым соответствиям идентичности, доказательство его праязыковой или грузинско-занской древности становится затруднительным. В подобных случаях некоторые указания может дать степень архаичности звукотипа соответствующего материала (особенно значимая при его совпадении с одним из индоевропейских архетипов или большей к нему близости, что может быть дополнено — в случаях сопоставления глагольных основ — подчиненностью материала исконным моделям картвельского аблаута). Впрочем, возраст индоевропеизмов в настоящей монографии практически скорее омолаживается, чем удревняется, чем и объясняется наибольшее число сопоставлений, содержащихся в главе, посвященной наиболее поздним из доисторических картвельских индоевропеизмов.

Если четверть века тому назад автор этой работы был склонен локализовать древних картвелов где-то на южных отрогах Большого Кавказа [ср. Климов 1964: 37], то в настоящее время он скорее приближается к точке зрения Т.В.Гамкрелидзе, сформулированной последним в 80-х годах.

В свете знаний современной науки наиболее общие пространственно-временные параметры древней истории картвельских языков выглядят следующим образом: «Общекартвельский (южнокавказский) язык следует датировать периодом IV—III тысячелетий до н.э. Дифференциация общекартвельского языка относится по глоттохронологическим данным к самому началу II тысячелетия до н.э. (а возможно, и значительно ранее), когда из него выделяется сванский язык, и общекартвельский распадается на два обособленных ареала — сванский и грузинско-занский, с последующим делением этого последнего на собственно грузинский и занский (или колхский) языки... Общекартвельский язык перед его распадом можно локализо-

вать, судя по археологическим, лексическим и топонимическим данным, в горных местностях западной и центральной части Малого Кавказа... Сванский язык был постепенно оттеснен к северу, к хребтам Большого Кавказа следующей миграционной волной, последовавшей примерно девятью столетиями позже... Диалекты общекартвельского языка, оставшиеся в пределах западного Малого Кавказа — этого древнейшего очага картвельских племен — легли в основу грузинского языка, носители которого уже в историческую эпоху распространились в западном направлении, наслоившись на определенной территории на носителей колхского языка, что вызвало разделение его на два самостоятельных диалекта и образование в дальнейшем мегрельского и чанского (лазского) языков, а также в северном и северо-восточном направлениях, оттеснив распространенные здесь языки восточнокавказского типа» [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 880—881].

Среди лексических аргументов в пользу этой картины можно назвать весьма показательные в этом отношении словарные общности, разделяемые грузинским и сванским языками, но, по всей вероятности, утраченные в представителях занской ветви, отражающие некоторые атрибуты горного, а иногда даже высокогорного ландшафта: ср. картв. **z₁wa(w)*- 'оползень (снеговой)', **leqw*- : *lqw*- 'оттаивать, стоять (о слякоти)', **marçqw*- 'земляника' (поднимающаяся в Закавказьи до субальпийской зоны растительности). Не менее существенна в этой связи и исконная общность для картвельских языков обозначений таких деревьев, как ель (зона произрастания хвойных лесов располагается здесь в пределах высоты 1200—1800 м над уровнем моря), бук и каштан (зона буково-каштановых лесов простирается здесь на высоте от 750 до 1200 м над уровнем моря), а также бузина (распространенная в лесной зоне до 1200 м над уровнем моря).

В пользу таких представлений современной науки свидетельствуют, на наш взгляд, и некоторые топонимические, прежде всего — гидронимические данные. Так, если отличающаяся достаточной древностью макрогидронимика основной части Грузии не производит сколько-нибудь ясного впечатления, то гидронимика крайнего юго-западного угла Грузии близ черноморского побережья создает более отчетливый эффект. Ср. здесь такие гидронимы, как *Šxala*- Чхала, *Šorox*- Чорох, *Qorol-(is çqali)* Королис-цкали, обнаруживающие оформление в соответствии с фонетическими закономерностями занской переработки исконно картвельского материала (ср. шипящие аффрикаты в консонантном составе обоих первых, а также так называемое занское полногласие основ в двух последних случаях). Отметим здесь же не менее характерный в рассматриваемом отноше-

нии макротопоним *Ağara*- Аджария, предполагающий происхождение из достаточно правдоподобно интерпретируемой картвельской конъектуры типа *eç₁er-a 'низменность, равнина, поросшая кустарником', а также старую картвельскую топонимику занского оттенка, зафиксированную на территории Месхетии [Топуриа 1968; Норакидзе 1971].

Нетрудно заметить в этом контексте, что хорошо известная из западноевропейской этнологии концепция существования так называемого вертикального распределения этнических массивов в ареалах, характеризующихся пересеченным географическим ландшафтом, по всей вероятности, должна быть применимой и в исследованиях по этнической истории населения Кавказа и, в частности, Закавказья. О том, что это не абстрактная возможность, а диктуемый имеющимся в распоряжении исследователей материалом императив, говорят не только весьма показательные в этом отношении палеоантропологические исследования [ср. Алексеев 1974: 193—194], но и некоторые прямые исторические свидетельства, помещавшие на Кавказе одни этносы выше других (ср., в частности, сообщение Прокопия Кесарийского, согласно которому, в отличие от грекоязычной прибрежной зоны юго-восточной части Причерноморья его эпохи, язык обитателей прилегающих гор был лазским).

Характеризуя методические принципы, используемые в этой работе, необходимо специально остановиться на критериях отнесения рассматриваемого материала к фактам ареальной природы, т.е. обусловленным языковыми контактами. Важнейшей предпосылкой адекватного отбора материала представляется необходимость исключения картвельско-индоевропейских параллелизмов, обязанных универсальным закономерностям звукописи (звукоподражания и звуковой символики), с одной стороны, и параллелизмов, обязанных возможному отдаленному родству этих языков, с другой.

К настоящему времени в науке накоплено некоторое число картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов, нередко восходящих к глубокой древности (в большинстве случаев соответствующий картвельский и индоевропейский материал проецируется в праязыковое состояние), однако имеющих дескриптивную природу. Последнее качество этого материала представляется достаточно достоверным ввиду широкой представленности аналогичных параллелизмов в языках мира далеко за пределами нашего материала.

Среди фактов этого рода можно упомянуть такие, как картв. *bγu- 'сова' ~ и.-е. *bh(e)u- то же, картв. *deda- 'мать' ~ и.-е. *dhedhe — обозначение старших членов семьи, картв. *dud- 'кончик' ~ и.-е. *dud- то же, картв. *γer- 'кричать, петь' ~ и.-е. *ger- 'кричать', картв.

**kwes-* : *kws-* 'стонать' ~ и.-е. **kues-* : *kus-* 'вздыхать, пыхтеть', картв. **lok-* 'лакать, лизать' ~ и.-е. **lak-* 'лакать', картв. **lal-* 'ляять' ~ и.-е. **lal(l)a-* то же, картв. *papa-* 'дед' ~ и.-е. **pap(p)a* — обозначение отца, картв. **pu-* 'дуть, надуваться' ~ и.-е. **pu-, phu-* 'надувать(ся)', картв. **skep-* 'расщеплять(ся)' ~ и.-е. **skep-* то же, картв. *(s)*kert-* : (s)*krt-* 'клевать' ~ и.-е. *(s)*kert-* 'ударять, резать', картв. **slek-* : *slk-* 'облизывать(ся)' ~ и.-е. *(s)*leigh-* то же и т.п. Объем подобных аналогий было бы нетрудно увеличить, особенно если учесть материал, засвидетельствованный только в отдельных ветвях индоевропейских языков, с одной стороны, и в отдельных из картвельских языков, с другой. Хотя о заимствовании этих фактов едва ли возможно говорить, они представляются интересными в плане распределения моделей дескриптивной лексики в Старом Свете.

Вместе с тем не лишено интереса то обстоятельство, что в самом характере своего звукотипа картвельская дескриптивная лексика нередко существенно отклоняется от соответствующей ареальной нормы, т.е. фонетической специфики других автохтонных кавказских языков, характеризуясь определенным тяготением к индоевропейской. В настоящей работе учитывается лишь такой дескриптивный материал, который обнаруживает отчетливую связь с параллельными культурными или субстратными заимствованиями (ср. картв. **γru(n)ɬ-* 'хрюкать' при **γor-* 'свинья') и который, что существеннее, контролируется его способностью к дальнейшей диффузии (ср. приводимые в соответствующих контекстах факты его последующего усвоения на Кавказе уже из картвельского источника).

Наконец, известно небольшое число картвельско-индоевропейских параллелизмов, едва ли объяснимых действием факторов ареального или универсального характера. К ним можно отнести такие соответствия, как картв. **bel-* : *ber-* 'дуть, надувать(ся)' ~ и.-е. **bhel-* то же и картв. **šew-* : *šw-* 'рождать(ся)' ~ и.-е. **seuH-* : *sūH-* то же (сюда же можно отнести отдельные параллелизмы подобного рода, существующие между индоевропейским и грузинско-занским материалом: ср. груз.-зан. **breg-* 'ударять, колотить' ~ и.-е. **bhreg-* 'ломать' и груз.-зан. **gen-* : *gn-* 'слышать, понимать, узнавать' ~ и.-е. **ǵen-* : *ǵn-* или **ǵen-* : *ǵn-* 'знать'), которые могли бы послужить предметом исследования генетической направленности. Однако незначительное число подобных аналогий, не выявляющих к тому же сколько-нибудь стабильных фонетических соотношений, не позволяет в настоящее время переоценивать перспектив такого исследования (в частности, на фоне наличия в картвельских языках серии фарингальных согласных и ларингального *h* бросается в глаза от-

существование интересных фактов для поиска звукосоответствий в индоевропейском материале, реконструируемом с ларингалами).

Фигурирующий в монографии материал в большинстве случаев демонстрирует иные фонетические соотношения, нежели намечавшиеся в свое время В.М.Иллич-Свитычем в рамках его версии ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 147—153]. Нередко он противоречит и аналогичной схематике, предложенной значительно позднее А.Бомгардом [ср. Bomhard 1990].

В качестве основных критериев отнесения рассматриваемого материала к фонду, обусловленному ареальным взаимодействием языков, в соответствии с известной исследовательской практикой, здесь приняты его семантические и формальные (фонетические, словообразовательные) характеристики [ср. Polomé 1989: 54—55]. В плане семантики этот материал носит либо более или менее ощутимую культурную окраску, либо более или менее экзотический с точки зрения древнего картвела характер (прежде всего, в связи с изменениями природной среды обитания). При этом по мере возможности, особенно в отношении заимствований, соотносящихся с общекартвельским и грузинско-занским состоянием, автор старался использовать преимущества, предоставленные приемом так называемой групповой реконструкции. В плане фонетики автор руководствовался несоответствием материала закономерностям фонологической структуры картвельского корня, как они формулируются в науке в настоящее время [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965], а также нарушениями формул регулярных звукосоответствий между картвельскими языками (последний критерий применим к материалу, содержащемуся в IV главе). Значительно меньшая роль отводится в работе упомянутому выше его нередкому несоответствию схемам фонетических соотношений, намечавшихся между картвельскими и индоевропейскими языками В.М.Иллич-Свитычем и А.Бомгардом в рамках их версий ностратической гипотезы. В словообразовательном отношении показательной является непрозрачность деривационной структуры рассматриваемых фактов, выражающаяся в отсутствии их словообразовательной мотивации. Существенное значение придается в монографии фактам последующего усвоения материала уже из картвельских языков в другие языки Кавказа, чем удостоверяется его потенциальные возможности распространения на контактной основе.

Впрочем, в силу тех или иных обстоятельств и комплексное использование перечисленных выше критериев не всегда убеждает в неисконности того или иного картвельского материала, вследствие чего от некоторого числа соблазнительных, на первый взгляд, сопоставлений скорее всего следует отказаться.

Можно было бы, вероятно, соблазниться некоторым сходством звукотипа груз.-зан. *ešw- 'дикая свинья, кабан' с и.-е. *su- 'свинья'. Казалось бы, такому сближению способствует возможность обращения при этимологизации обоих архетипов к сопутствующей ему аналогии между уже упоминавшимися выше глагольными основами — картв. *šew- : šw- 'рождать(ся)' и и.-е. *seuH- : sñH- то же. Однако подобной возможности препятствуют как бросающаяся в глаза формальная черта картвельского субстантива — его не поддающийся объяснению аглаутный вокализм, так и в достаточной степени проблематичная связь обоих имен с глагольным материалом. Весьма затруднительно соположение этих лексем и ввиду невозможности признания картвельского субстантива элементом культурного словаря, демонстративно выступающей на фоне наличия грузинско-занского обозначения домашней свиньи *γor-, которое принято сопоставлять с соответствующим ему индоевропейским материалом.

Аналогичным образом представляется целесообразным воздержаться от соблазна сопоставления груз.-зан. *qarqant- 'глотка, горло' (ср. груз. qanqraṭ-, qarqanṭo- 'глотка животного', мегр. qorgont- 'глотка', лаз. qī(r)qinṭ- 'горло, шея') с индоевропейским материалом типа др.-инд. kṛkāṭa-m, kṛkāñī 'шейный позвонок' [ср. Mayrhofer 1955: 256—257], поскольку при определенной близости форм и семантики не менее ярко выступает оноματοпоэтический характер этих лексем, не несущих сколько-нибудь заметного культурного оттенка (отметим, впрочем, что грузинская лексема оказалась заимствованной в бежтинском языке — ср. бежт. qajqato-). Не рассматривается в работе и весьма проблематичное сопоставление названия грузинского хороводного танца samaia- с др.-инд. sam-aya- 'совместный ход' [Абаев 1979: 109—110], предполагающий, согласно автору, в лучшем случае наличие очень поздних опосредующих звеньев.

При всем соблазне сопоставить лаз. ordo 'рано, скоро' и мегр. ordo- 'утро' с индоевропейским *uordh-ro- 'рано; рассвет', в качестве продолжения которого выступает, в частности, греч. ὄρθρος 'рассвет' [ср. Benveniste 1935: 43], такое сближение приходится отклонить как на морфологических, так и фонетических основаниях. С одной стороны, занским формам с точки зрения их словообразовательной структуры закономерно отвечает груз. adr-ad 'рано', где последняя морфема — исторический аффикс обстоятельного падежа, выступающий также в роли словообразовательного элемента наречий. С другой стороны, против этого сопоставления говорят два обстоятельства фонетического порядка: во-первых, вокализм занских форм вторичен по сравнению с вокализмом грузинской, а во-вторых, именно для занских языков характерна наблюдаемая здесь метатеза *dr > rd*.

Тем более следует отказаться от рассмотрения сопоставлений, сам индоевропейский компонент которых трудно считать сколько-нибудь очевидным источником заимствования. Так, груз. *tere-* 'каменное русло источника, приречная нива или низина' и мегр. *tere-* 'пруд, озеро' могли бы быть сопоставлены с греч. *ἄμῆρα* 'ров, канал, канава' и хеттск. *amiyar* той же семантики. Однако поскольку имеются основания усматривать в последних неиндоевропейский термин, находящийся аналогии в др.-егип. *mr*, а также в некоторых других «средиземноморских» фактах [ср. Puhvel 1984: 48], от этого сопоставления целесообразно воздержаться. Аналогична мотивация и отказа от рассмотрения здесь неоднократно отмечавшегося в литературе параллелизма сван. *Telepia-* в составе обозначения одного из архаичных сванских обрядов *Melia-Telepia* с именем хеттского бога плодородия *Telipi(nu)* [ср. Джавахишвили 1937: 250; Бендукидзе 1973], поскольку само последнее восходит к хаттскому источнику.

Ареальную интерпретацию в работе получают три группы фактов, строгое взаимное обособление которых не всегда легко осуществимо. С одной стороны, это материал, проникший в картвельские языки скорее всего в качестве обычных заимствований. Естественно, что к этой группе прежде всего относится так называемая культурная лексика. Вторая группа фактов представлена вкладом субстратного компонента, а его наиболее яркую характеристику составляют экзотизмы (в том их конкретном понимании, которое определяется экологической спецификой равнинных районов Закавказья, особенно — крайне западного). Наконец, еще одну в высшей степени интересную группу ареального материала здесь составляют лексемы более или менее заметной дескриптивной природы, вопреки ожиданиям объединяющие картвельские языки не с остальными автохтонными языками Кавказа, с которыми их обычно связывает единая ареальная норма, т.е. многие общие принципы звукового символизма и звукоподражания, а с индоевропейскими.

Поскольку одним из основных объектов заимствования оказывается культурная лексика, понятие «культурного слова» имеет для настоящей работы фундаментальное значение. Автор исходит из известного факта семантической отмеченности последнего, как обозначения исторически значимой реалии или понятия. Практика выявления ингредиентов этого фонда в различных языках мира демонстрирует принадлежность к нему широкого круга именного словаря (обозначений культурных растений, домашних животных, средств и продуктов ремесленного производства), целого ряда элементов глагольной лексики (прежде всего — обозначений различных видов хо-

зяйственной деятельности), некоторых имен прилагательных, числительных.

Вместе с тем нельзя не считаться с исторической изменчивостью самого понятия культурного словаря для разных эпох. Состав этого фонда с необходимостью отражает последовательные этапы расширения общественной практики этноса — носителя языка. Вполне естественно поэтому, что элементы словаря, которые на более позднем этапе истории общества оказываются по существу лишёнными оттенка культурности, на некотором более раннем этапе его истории могут носить яркий культурный характер.

Во многих случаях имеются основания сомневаться в принадлежности некоторого лексического материала к фонду культурного словаря. В этих условиях возможность включения лексемы в этот фонд может быть обоснована знанием реального культурно-исторического контекста его функционирования. Так, например, пракартвельская глагольная основа **γwel-* : *γwl-* 'скручивать(ся)' вполне может относиться к этому фонду в условиях нововведённой технологии производства веревки или иного артефакта.

Существенно учитывать, что заимствования в сфере культурного словаря далеко не всегда дают основания для прямолинейных выводов относительно различия в ступенях культурного развития между носителями контактирующих языков. Нередко для усвоения элементов этого пласта лексики оказывается достаточным уже сам факт более или менее интенсивного языкового взаимодействия, например, в условиях двуязычия, способный вызвать изменения даже в так называемом основном словарном фонде языка-реципиента (ср., в частности, хорошо известные из специальной литературы прецеденты замены некоторых исконных обозначений частей тела в мегрельском — грузинскими, а в лазском — тюркскими). Иногда в этих случаях соответствующим стимулом оказывается ощущение большей экспрессивности по существу синонимичного иноязычного слова.

Обращение к иноязычному материалу сплошь и рядом происходит и при целесообразности вербального разграничения тех или иных разновидностей уже известных обществу реалий или технологий производства. «В этой связи следует отметить, — подчеркивают Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов, — что заимствование специализированных культурных терминов из одного языка в другой не предполагает с необходимостью отсутствие в заимствующей такие слова культуре вещей и понятий, ими обозначаемых; ср. заимствованный характер славянских или восточноиранских (осетинских) терминов коневодства в условиях наличия в соответствующих культурах более ранних эквивалентов этих терминов, вытесненных последующими

заимствованиями... При всей разветвленности виноградарства и виноделия в древнейшем Закавказье старые, исконно картвельские слова для основных понятий, связанных с культурой виноделия, могли быть вытеснены заимствованиями из других языков, которые и заняли в системе место исконных терминов» [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 651].

Одной из ярких иллюстраций подобного положения вещей может послужить факт замены в широком ареале грузинского языка древнего обозначения глиняного винного сосуда, рассмотренный в свое время И.А. Джавахишвили. На смену его единому названию грузинско-занской давности *ჭურ-*, засвидетельствованному еще в памятниках древнегрузинской письменности и по сей день сохраняющемуся в Западной Грузии, в восточной ее части в значительно более позднюю эпоху (насколько возможно проследить документально — после XV века), приходит лексема неизвестного происхождения *kvevr-*. Стимул, вызвавший это замещение, становится очевидным, если учесть, что в промежуточном ареале налицо обе эти лексемы, закрепленные за винными сосудами разной вместимости [Джавахишвили 1964: 48—49]. В сфере лексики виноградарства не менее ярким примером такого рода может служить замена в грузинском языке старого обозначения виноградной лозы *ვენაყ-* арменизмом *vaz-*, происшедшая, по всей вероятности, также в средние века.

Другое весьма существенное для настоящей работы понятие составляет понятие экзотизмов в том специальном смысле слова, который связан с происходившими в истории изменениями природной среды обитания древних картвелов. Здесь состав этой категории лексики определяется характерными для условий Кавказа (засвидетельствованными в других его районах и в последующую эпоху) процессами постепенного «сползания» этносов или их отдельных подразделений из горных районов в более низменные, в результате которых актуально значимыми для говорящих становятся элементы природного контекста, первоначально несущественные или вообще незнакомые в условиях исконного ареала их бывшего расселения. И хотя в этом отношении не приходится сбрасывать со счета и самые общие различия между горными и равнинными регионами Закавказья, особенно существенными оказываются экзотизмы, обусловленные проникновением картвелов в зону Колхидской низменности, отличающейся изобилием вод и влажным климатом. В этой связи обращает на себя внимание и неясность этимологии гидронима *Rion-* (ген. *Rivn-is*), служащего обозначением определяющей особенности жизненного уклада и хозяйственной деятельности местного населения.

Наконец, нескольких слов заслуживает дескриптивная (звукоподражательная и звукосимволическая) по своему звукотипу лексика картвельских языков, выпадающая из соответствующей ареальной нормы языков кавказского региона. Факт существования последней, дающей о себе знать и в таких некавказских языках, как осетинский и армянский, неоднократно отмечался в специальной литературе, например, в работах В.И.Абаева. В значительной своей части подчиняясь этой норме, картвельский дескриптивный словарь располагает и таким материалом, который сближается по своей фонологической структуре с аналогичным индоевропейским. Несмотря на то, что вся совокупность стимулов формирования этого фонда лексики остается явно недостаточно изученной, присутствие среди них фактора лингвистического контакта (в виде как некоторой аккомодации, так и диффузии) представляется бесспорным. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют довольно многочисленные случаи дальнейшего распространения этого материала в других языках Кавказа уже на правах очевидных картвелизмов.

По ходу реконструкции лексических архетипов автор использует обычные для современной исследовательской практики критерии генетической идентификации материала. Исходя из разработанной еще Г.Деетерсом схемы филиации картвельских языков (по-видимому, подтверждаемой и данными археологии [ср. Микеладзе 1974: 11]), общекартвельские архетипы строятся либо при наличии фонетически закономерной рефлексии продолжений исходного материала во всех картвельских языках, либо при наличии его продолжений в сванском языке, с одной стороны, и в грузинском или, по крайней мере, в каком-либо одном из занских языков (т.е. в мегрельском или лазском), с другой. Автор отчетливо сознает, что в языковых «семьях, представленных малым количеством языков (например, в картвельской), объем "латентного праязыкового фонда" будет гораздо значительнее, чем в больших по числу языков семьях (например, в индоевропейской). Мы заранее можем предположить, что довольно велико будет число случаев, когда протокартвельские образования будут сохранены, например, только в сванском или только в грузинском...» [Иллич-Свитыч 1968: 314]. Тем не менее, при невозможности сколько-нибудь определенного контроля за такими случаями было бы рискованным констатировать общекартвельский, или точнее было бы сказать — пракартвельский, характер соответствующих лексем.

Грузинско-занские архетипы древних индоевропеизмов, представленные в III главе работы, реконструируются при условии наличия между грузинским и занским материалом регулярного фонети-

ческого соотношения. Конечно, и здесь было бы естественным допущение, что некоторые из этих архетипов могли иметь ареально ограниченное функционирование еще в общекартвельском состоянии (и, в частности, утратить свои былые сванские соответствия). Однако, поскольку доказать подобную возможность сколько-нибудь убедительным образом невозможно, такие архетипы, как правило, соотносятся здесь только с грузинско-занским состоянием.

Наконец, достоянием еще более молодого хронологического уровня признаются обычно лексемы или основы, представленные либо только в одном из картвельских языков, либо в нескольких (иногда — во всех), если их формальная сторона не укладывается в установленные сравнительной фонетикой картвельских языков соотношения (естественно, что и здесь отдельные из приводимых языковых фактов способны претендовать даже на пракартвельскую древность). Исключение из такого правила составляли лишь те случаи, когда картвельский архетип сохраняет исключительно архаичный — приближающийся к своему индоевропейскому антецеденту — облик. В этих случаях соответствующая форма признается с неизбежной долей сомнения в качестве грузинско-занской.

Дальнейшие исследования очевидно поставят с большой настоятельностью вопрос определения преимущественных связей картвельских индоевропеизмов с материалом отдельных ветвей индоевропейских языков. В настоящее время в подавляющем большинстве случаев их сколько-нибудь более конкретная атрибуция невозможна. Так, фактическая база II главы исключает ее почти полностью. Что касается III главы, то здесь налицо лишь несколько примеров — не более десятка, указывающих с определенной степенью вероятности на переднеазиатский арийский источник, реальность соприкосновения которого с закавказским регионом не исключается (ср. в этой связи отдельные арийские элементы в армянском языке, ставшие предметом специального исследования несколько ранее). На факт взаимодействия с арийской и, может быть, с анатолийской ветвями указывают и отдельные сопоставления, приводимые в IV главе работы. В целом одна из особенностей материала этой главы заключается в том, что в ряде случаев он ставит перед исследованием нелегкую проблему выбора его источника.

Естественно, что одним из важнейших условий корректности сопоставления картвельских и индоевропейских фактов является их достаточная семантическая близость. Поскольку последнее понятие по необходимости неопределенно, в большинстве случаев автору пришлось ограничить отбор рассматриваемого материала тождеством и квазитожеством значения.

При обсуждении проблематики ареального взаимодействия языков в прошлом нередко приходится считаться с возможностью констатации между ними не непосредственного, а опосредованного контакта (в контексте настоящей работы, во всяком случае для некоторого исторического этапа — с хурритско-урартскими языками). Не менее очевидно, однако, что впечатление об опосредованном характере древнего взаимодействия не может быть предвосхищено до исследования и способно сложиться лишь по выполнению определенной процедуры, позволившей бы ориентироваться на какие-то критерии. Вместе с тем, на начальном этапе исследования представляется методически важным воздержаться от подобного допущения. Следует учитывать, что обращение едва начатого исследования взаимодействия двух величин к некоторой третьей, промежуточной (к тому же, по существу, неизвестной) сообщает его выводам на порядок большую гипотетичность. При осознании того, что в настоящей монографии речь идет о соотношении преимущественно реконструируемых единиц, привлечение некоторой промежуточной величины явно снижает требования к степени формального соответствия сопоставляемых величин и делает исследование малоказательным (нелишне упомянуть в этой связи, что внушительная традиция изучения древнейших индоевропейско-уральских языковых контактов, ареал которых предполагает значительно более широкие пространства, не прибегает к обращению к каким-либо промежуточным величинам). Если при этом иметь в виду индоевропейский компонент такой малоизвестной величины, как урартский язык, то, несмотря на наличие посвященного ему специального исследования [ср. Джаукян 1963], минимум предположительно общего с картвельским материалом отнюдь не настраивает на позитивный в этом отношении лад.

Наконец, если в нарушение корректности метода руководствоваться, как это сделано в одной из упоминавшихся выше работ, некоторым предварительным впечатлением, то пришлось бы посчитаться с фактом далеко идущего структурного изоморфизма между индоевропейскими и картвельскими языками в сфере фонологии и морфологии, ранее установленным в работе Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани и давшим основания для постуляции между прасостояниями обоих на каком-то этапе отношений языкового союза [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965]. Как известно, этот изоморфизм распространяется на такие стороны языковой структуры, как парадигматику консонантных фонем, характер аблаутных чередований, а также на строение корневых и аффиксальных морфем и правила их сочетаемости. Маловероятно, чтобы он мог сложиться в условиях опосредованного контакта.

Словарные статьи во II и III главах книги имеют тождественную структуру. Вводимая соответствующими — общекартвельским или грузинско-занским — архетипами статья открывается рассмотрением синхронно засвидетельствованного в картвельских языках материала. Здесь же отмечается степень давности фиксации слова, его основы и производных в древнегрузинских письменных памятниках (V—XI вв.). При этом переводы примеров словоупотребления в библейских текстах даются в большинстве случаев в соответствии с существующей традицией их канонической передачи. Приводятся также ссылки на первый Толковый словарь грузинского языка, созданный на рубеже XVI и XVII столетий известным грузинским государственным деятелем Сулханом Саба Орбелиани (эти ссылки имеют определенную ценность, поскольку принято считать, что в распоряжении последнего находились древние литературные источники, которые впоследствии исчезли). Прилагающийся в статье краткий комментарий характеризует особенности функционирования рассматриваемой лексемы в отдельных картвельских языках, а также содержит справку о ее проникновении в другие языки Кавказа через посредство картвельских, чем удостоверяются ее потенции к диффузии.

После реконструкции исходного общекартвельского или грузинско-занского архетипа слова или основы обсуждаются критерии, которыми аргументируется их неисконный характер. Указывается, в частности, на несоответствие во множестве случаев сопоставляемого материала формулам звуковых соотношений между картвельскими и индоевропейскими языками, намечавшимся В.М.Иллич-Свитыгчем и А.Бомгардом в их версиях ностратической гипотезы. Посредством обращения к экстралингвистическому контексту употребления материала удостоверяется степень давности его функционирования в картвельской языковой области. В заключительной части словарной статьи бегло характеризуются известные из специальной литературы опыты этимологизации рассматриваемой лексемы и предлагается ее авторская версия.

Особенности построения словарных статей, содержащихся в IV главе работы, обусловлены главным образом невозможностью выведения соответствующих картвельских архетипов, ставящей при наличии слова или основы в нескольких языках задачу выявления путей его распространения.

Глава II.

ИНДОЕВРОПЕИЗМЫ ПРАКАРТВЕЛЬСКОГО ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Предметом рассмотрения в настоящей главе служат всего пятнадцать пракартвельских лексем (основ), сопоставимых с аналогичным индоевропейским материалом и заимствование которых следует проецировать в наиболее древнюю историческую эпоху. Если признать, как это нередко допускается в сравнительной грамматике картвельских языков, что праязыковое состояние распадается к концу III тысячелетия до н.э. на грузинско-занское единство, с одной стороны, и сванский (или точнее — пресванское состояние), с другой, то будет естественной гипотетической датировка проникновения сюда наиболее ранних индоевропеизмов эпохой IV—III тысячелетий до н.э.

В исторической, в частности, археологической литературе подчеркивается, что IV—III тысячелетия до н.э. характеризуются интенсификацией экономических и культурных контактов Закавказья с северномесопотамским регионом, результировавшей в широком распространении здесь куро-араксской культуры. Согласно О.М.Джапаридзе, «возможно, этому способствовало и перемещение с юга новой массы населения, которая в основном осела там, где издревле существовали благоприятные условия для развития земледелия. Причины проникновения племен с юга пока не совсем ясны, возможно, оно было связано с событиями, имевшими место в Передней Азии в V—IV тысячелетиях до н.э. Усиление сначала халафской, а затем и убейдской культур в Малой Азии не могло не повлечь за собой определенного перемещения местного населения. В первой половине IV тысячелетия убейдские влияния усиливаются в Восточной Анатолии, что, возможно, вызвало движение населения к северу в сторону Закавказья» [Джапаридзе 1976: 322]. При этом нередко предполагают участие в этих процессах и индоевропейских племен. По мнению грузинских археологов, со второй фазы эпохи ранней бронзы «как будто усиливаются связи Грузии с Северной и Центральной Анато-

лий... Не исключено, что это обстоятельство могло указывать на возможность проникновения раннего потока анатолийского населения, относившегося предположительно к пракартвельским племенам, в Закавказье... Думаем, именно в Анатолии, вследствие смешения пришлых европейских и местных анатолийских племен, и сложилась пракартвельская общность» [Кавтарадзе 1983: 105]. Как уже отмечалось в I главе, Г.А.Меликишвили сформулировал гипотезу о принадлежности куро-араксской культуры индоевропейскому этносу [Меликишвили 1965: 241—246]. Высказывалась даже мысль о том, что древнейшее население Закавказья эпохи бронзы было по своему языку индоевропейским [Барсегян 1964: 9], что возвращало науку к идее, высказывавшейся в лингвистической литературе еще в начале столетия [ср. Дирр 1907: 1—17]. Если оставаться на почве фактов, то лингвистические данные позволяют полагать, что носители индоевропейской речи могли быть во всяком случае одним из этнических компонентов, которым принадлежала куро-араксская культура.

Среди приводимых ниже сопоставлений около десяти субстантивов, четыре глагольные основы, а также два числительных первого десятка. В этом материале бросается в глаза непредставленность лексико-грамматического класса имени прилагательного. Последнее обстоятельство кажется естественным на фоне уже высказывавшихся в специальной литературе сомнений относительно сформированности адъективов в пракартвельском состоянии [ср. Климов 1992₂] (ср. также минимальное число имен прилагательных среди индоевропеизмов, усвоение которых проецируется в грузинско-занскую эпоху), что согласуется с существующей гипотезой о древнейшем пракартвельском состоянии как типологически близком к активному.

В большинстве случаев комментируемый далее материал лежит по существу на поверхности. Не приходится удивляться поэтому, что примерно половина его уже попала в поле зрения предшественников автора. Как правило, продолжения реконструируемых здесь праязыковых архетипов прослеживаются по всем современным языкам. Лишь в трех случаях — см. **berg-*, **diḡom-* / *diḡwam-* и **cxwi-* — соответствующие праформы восстанавливаются на базе сопоставления сванских фактов только с грузинскими или только занскими, что также сообщает достаточные основания для их хронологического соотношения с еще праязыковым состоянием. Не исключено, конечно, что в этом случае они могли характеризоваться определенной ареальной закрепленностью.

При общей формальной и семантической сопоставимости фигурирующих здесь картвельских архетипов с их предполагаемыми индоевропейскими antecedентами они обычно не обнаруживают сколь-

ко-нибудь особой близости к материалу, представленному в какой-либо конкретной ветви индоевропейских языков. Скорее они сближаются с достаточно архаичным обликом соответствующего индоевропейского материала, как он реконструируется в этимологических исследованиях. Последнее обстоятельство, наряду с отражением в этих архетипах древней семантики, способно служить некоторым указанием на значительную давность эпохи заимствования рассматриваемых данных. Не исключается, в частности, что несколько из приводимых в главе лексем сохраняют в анлауте рефлекс одного из индоевропейских ларингалов. Лишь в двух случаях, по-видимому, имеются основания усматривать определенную близость картвельских форм к фактам отдельных ветвей индоевропейских языков (с одной стороны, это глагольная основа *lag- : lg- 'класть, сажать (растения), прикреплять', тяготеющая к индоарийскому источнику, с другой — субстантив *iy- 'ярмо, иго', тяготеющий к иранскому).

План содержания относящихся сюда лексических единиц оказывается, на наш взгляд, в соответствии с общим культурным уровнем развития картвельского общества в эту отдаленную эпоху. Так, довольно очевидно их принадлежность к фонду культурного словаря. Не менее существенно и то обстоятельство, что их смысловая структура не противоречит и предлагаемой для него географической среде обитания, которая характеризовалась, согласно современным представлениям, горным ландшафтом. Это находит свое отражение, с одной стороны, в неразработанности в пракартвельском терминологии виноделия и виноградарства, а с другой стороны, в отсутствии здесь специфических ингредиентов колхидской лексики.

В своей основе семантика пракартвельских индоевропеизмов отражает достаточно хорошо известный в истории человеческого общества этап производящего хозяйства эпохи бронзы, характеризовавшийся не только охотническо-собираТЕЛЬСКИМ, но и примитивным скотоводческо-земледельческим укладом (со знакомством с мотыжным, а, возможно, и пахотным земледелием) хозяйства. Так, например, с одной стороны, здесь находим такие семантические точки, как 'шип, острие' и 'сердцевина плода', с другой — 'мотыжить', 'сажать (растения)' и 'чернозем'.

Далее, здесь имеются две глагольные основы, отражающие древнейшие ремесленные технологии — 'плести' и 'скручивать', а также обозначения таких артефактов, как ярмо и привязь ярма. Три единицы могут быть квалифицированы как тяготеющие в той или иной мере к сфере ритуала — 'жертвенный бык, телец', 'можжевелик', 'грудь (жертвенного животного?)'. К ним безусловно следует присоединить и обозначение вина, поскольку изначально оно использова-

лось в Закавказье исключительно в качестве священного ритуального напитка.

Наконец, в рассматриваемом материале встречаем два числительных первого десятка — обозначения четырех и шести, также отражающих чрезвычайно ранний этап в истории картвельского общества. Принадлежность этого класса слов на определенной ступени развития человеческого общества к так называемому культурному словарю в настоящее время не вызывает сомнений и может служить одним из аргументов в пользу уже неоднократно высказывавшегося в лингвистической теории тезиса об исторической изменчивости самого понятия культурного вокабуляра. Так, например, согласно Ф.Кортландту, «широкое распространение индоевропейских числительных (в уральских языках — Г.К.) обусловлено, видимо, развитием торговли за счет повышенной мобильности, явившейся главной причиной экспансии индоевропейцев. Числительные не входят в состав базисной лексики неолитической культуры, о чем свидетельствует и отсутствие их в прауральском, и распространение китайских числительных по всей Восточной Азии» [Кортландт 1992: 103]. Хотя факты усвоения числительных известны (в частности, для значительно более поздней эпохи) и в других языках кавказского ареала, наиболее яркую иллюстрацию подобного положения вещей усматривают именно в картвельском материале, при этимологизации числительных первого десятка которого исследовательская традиция обращается к фактам индоевропейских и семитских языков. Впрочем, встречающийся в литературе опыт выведения из индоевропейского прототипа картвельского обозначения пяти [Schuhmacher 1977: 186—187] не вызывает сочувствия.

В заключительной части этой главы рассматривается группа картвельских индоевропеизмов, объединяющихся начальным фарингальным (или увулярным) спирантом γ , специфика индоевропейских аналогов которых вместе с другими аргументами дает определенные основания для их синхронизации в рамках некоторого единого языкового состояния. В составе этой лексической группы несколько единиц, характеризующихся бифонемным сочетанием γw на месте начального индоевропейского $*\zeta$ (в рамках ларингальной теории — $*H\zeta$) и, следовательно, не подчиняющихся схемам регулярных фонологических корреспонденций между картвельскими и индоевропейскими языками, как они намечались в исследованиях В.М.Иллич-Свитыча и А.Бомгарда по ностратике [Иллич-Свитыч 1971: 147—152; Bomhard 1990: 353—356], а также обладающих более или менее ощутимой культурной окраской (в нескольких случаях обращает на себя внимание и характерное для заимствующей стороны

сужение исходной семантики). В пользу глубокой давности функционирования этой группы лексем на картвельской почве можно привести немалую совокупность аргументов. В то же время попытки выведения картвельского сочетания γw в некоторых из рассматриваемых здесь случаев из незасвидетельствованных протоармянских форм противоречат известному из исторической фонетики армянского языка факту отсутствия в нем спиранта γ вплоть до XI в. н.э. Две сванских лексемы — *li- γ wer-* 'клясться' и *γ wäse-* 'нутряное сало' — с этим же начальным сочетанием на месте индоевропейского * γ рассматриваются в IV главе, поскольку, ввиду отсутствия их когнатов в других картвельских языках, строго обосновать их праязыковую древность затруднительно (в частности, не исключено позднейшее развитие в них фарингального звонкого).

Как нетрудно заметить, ключевую роль в решении вопроса о происхождении аналитного γ в рассматриваемой далее картвельской серии играет адекватное определение хронологии его появления. И здесь приходится считаться с двумя наиболее вероятными возможностями. С одной стороны, можно допустить, что его развитие происходило уже на собственно картвельской почве в достаточно древнюю историческую эпоху в силу фонетического механизма своего рода «обострения» (*Verschärfung*) общекартвельского сонанта w (и в пользу такой возможности говорит его билабиальный, как обычно полагают, характер, о чем свидетельствует, по всей вероятности, остаточное функционирование губно-губного w как в древнегрузинском, так и — особенно в определенных позиционных условиях — в некоторых диалектах современных картвельских языков). С другой стороны, не менее естественно предположить, что начальное γ приведенной картвельской серии является отражением некоторого сегментного элемента, наличествовавшего уже в ее индоевропейских антецедентах.

Принятие первого допущения наталкивается на серьезные трудности, поскольку, судя по имеющемуся в распоряжении исследования материалу, на картвельской почве подобное развитие представляет собой весьма позднее и, что еще более существенно, — специфически сванское явление, не затрагивающее всей совокупности рассматриваемых при этом картвельских фактов.

Хронология этого процесса, реализованного, впрочем, и в самом сванском не вполне последовательно, определяется тем обстоятельством, что он затрагивает здесь наряду с некоторыми исконными лексемами и явно поздние — в частности, средневековые — заимствования. Так, наряду со сван. *γ wax-* 'тур' (< пракартв. **wac*₁- 'тур, горный козел') здесь имеем сван. *γ waz-* 'виноградная лоза' при грузинском

арменизме *vaz-*, сван. *ɣwaʒär-* 'торговец' при грузинском арменизме *vaʒar-*, сван. *ɣwäʒ-* 'юноша, парень' при груз. *vaʒ-* [ср. Топуриа 1979: 57–59]. В то же время всего два примера, приводившиеся в специальной литературе с целью обоснования факта подобного развития и в других картвельских языках — в грузинском и мегрельском (груз. *(ɣ)oɣnaʒo-* 'тернослива' и *ɣvriala-* 'род игрушки типа волчка' при будто бы параллельных с последним мегр. *oɣurinaia-* и лаз. *virvil-* 'род вращающейся игрушки с ниточным управлением') — недостоверны. Так, в первом случае имеем дело с безусловно не картвельским по своему происхождению словом, наращение начального спиранта в котором едва ли возможно показать (отметим, что в самом сванском языке эта лексема лишена начального *ɣ*, и, по-видимому, является недавним грузинизмом¹), а во втором случае сопоставлены разнокорневые лексемы (в мегрельском слове легко выделима значащая основа *ɣurin-*, в то время как лазское слово либо является редуцированным образованием, либо может быть сопоставлено, согласно догадке Ю.С.Степанова, с известной индоевропейской основой, представленной особенно близкими к нему балто-славянскими формами типа др.-русск. *вьръвь* и литовск. *vĩvė* 'веревка').

Не видно каких-либо аргументов и в пользу допущения подобного фонетического процесса для сколько-нибудь отдаленного прошлого истории картвельских языков. Весьма показательным в этом отношении представляется то обстоятельство, что ему противоречат грузинские и занские продолжения таких несомненно пракартвельских лексем, как **waʒl-* 'яблоко' (ср. к тому же сванский континуант последнего *wisgw-*) и *wac*₁- 'тур, горный козел', не приобретающие начального звонкого спиранта. Не подвержены этому процессу и картвельские индоевропеизмы, судя по всему, соотносящиеся уже с последующей эпохой грузинско-занского единства, начальное индоевропейское **u* которых отражается уже в виде *v*: ср. груз.-зан. **we(l)-* 'поле, долина' при и.-е. **uel-* то же, груз.-зан. **wenaq-* 'виноградная лоза' (сван. *wenäq-* 'виноградник' обнаруживает семантический сдвиг, характерный для соответствующего новогрузинского слова, и поэтому должно трактоваться как относительно позднее заимствование из грузинского) при и.-е. **ueinag-* то же, груз.-зан. **werz*₁- 'самец, баран' при и.-е. **uers-* то же.

Если глубокая древность начальной последовательности *ɣw* в приведенном выше картвельском материале не может быть подвергнута сколько-нибудь серьезному сомнению, то возникает соблазн сопоставления его составляющих с архетипами соответствующих ин-

¹Если она восходит к армянскому *deɣnaʒlor* 'желтая слива', что, впрочем, не очень вероятно, то здесь речь должна идти скорее о субституции начального согласного.

доевропейских основ в их облике, предполагаемом различными версиями ларингальной теории.

При условии правомерности сопоставления картвельских фактов с этими архетипами как будто возникает возможность подтвердить некоторые из известных положений современной ларингалистики, подобно тому, как это делается и в уральском языкознании [ср. Sköld 1959; Koivulehto 1988; Koivulehto 1991]. Так, с одной стороны, они оказываются в согласии с отмечавшейся некоторыми авторами устойчивостью индоевропейских ларингальных в позиции в соседстве с сонантами и, в частности, с *w* [ср. Lehmann 1952: 27, 85]. С другой же стороны, представленный в них картвельский увулярный, а по иной классификации — фарингальный γ , мог бы некоторым образом подкрепить точку зрения тех индоевропейцев, которые предполагают, что позднейшее индоевропейское *H* артикулировалось как звонкий фарингальный спирант [ср. Гамкрелидзе 1960: 88] (естественно, что картвельский материал в лучшем случае способен пролить свет на антропофоническую характеристику позднейшего индоевропейского ларингала, считающегося продуктом совпадения обычно принимаемой для более ранней эпохи триады H_1 , H_2 и H_3 в единой фонеме).

В настоящее время не приходится, однако, переоценивать перспектив убедительного доказательства зависимости картвельского γ в нашем материале от индоевропейского ларингала. Необходимо учитывать, что не во всех привлеченных к сравнению индоевропейских основах видны достаточные основания для реконструкции этимологического ларингала, что получает свое отражение в несовпадении предлагаемых разными авторами их архетипов. В частности, осложняет эти перспективы обычный отказ исследователей от его реконструкции в индоевропейском обозначении вина. Преодолевающая, казалось бы, последнюю трудность стоящая особняком точка зрения А.С.Мельничука также не во всем согласуется с картвельским материалом. Автор постулирует в ходе предпринимаемой им дальней реконструкции единый индоевропейский глагольный корень $*\text{uei-}$ ($*\text{uei}\dot{\text{a}}-$, $*\text{u}\dot{\text{i}}-$), несший широкую гамму смежных значений, среди которых он называет 'вить, плести, ткать, гнуть', распределиться впоследствии между рядом производных от него основ [Мельничук 1978: 4—5]. Признавая элемент *i* последнего историческим распространением, на основе соображений как формального, так и семантического характера, А.С.Мельничук приходит к заключению, согласно которому интересующие нас корни $*\text{uebh-}$, $*\text{uedh-}$, $*\text{uel-}$ и некоторые другие, подобно $*\text{uei-}$, происходят в конечном счете от этимологически единого более древнего

корневого элемента с начальным ларингальным (по автору — взрывным).

Сказанное приводит, в частности, к постановке методически существенного вопроса о соотносительной значимости для историко-лингвистического исследования архетипа или конъектуры, получаемых в ходе дальней реконструкции, и облика их предполагаемого антецедента, реально засвидетельствованного в некотором языке на правах древнего заимствования.

Однако, прежде чем задаться подобным вопросом, необходимо упомянуть еще одну возможность объяснения начального γ в рассматриваемой картвельской серии, подсказанную автору настоящей работы Э.Поломэ. В виду имеется возможность развития этого спиранта исключительно в заимствованном материале, подобно в некоторой степени аналогичному фонетическому процессу, засвидетельствованному в истории французского языка, где в инициальной позиции перед историческим билабиальным w старых французских германизмов развивается заднеязычное g : ср. *guerre* < франкск. *werra*, *guigner* < франкск. *wingjan*, *guise* < франкск. *wisa* и т.д. [ср. Fouché 1966: 559—566]. Таким образом, в настоящее время в какой-то мере реально и возвращение к первой возможности на некотором новом уровне — с ограничением материала, подверженного закономерности развития начального γ заимствованиями.

Хотя в прошлом автор этой работы высказывался в пользу развития γ в подобных случаях уже на собственно картвельской почве [ср. Климов 1983: 174—175], нельзя не заметить, что принятие последней точки зрения на пути решения вопроса сопряжено со своими трудностями. Так, в картвелистике придерживаются мнения, согласно которому позднейшее специфически сванское наращение анлаутного γ объясняется обычно адаптацией иноязычных заимствований, содержащих лабиодентальное v , к сванской фонологической системе, в которой всецело господствует билабиальное w [ср. Топуриа 1979: 236]. Однако для глубокого прошлого аналогию подобного рода провести затруднительно, так как для пракартвельской фонологической системы предполагается наличие сонанта (с неслоговым аллофоном, скорее всего очень близким к билабиальному), едва ли сколько-нибудь существенно отличного от соответствующего индоевропейского сонанта, вследствие чего не видно особых оснований для его «обострения» в картвельских индоевропеизмах (как будет показано в III главе, в несколько более поздних индоевропеизмах, соотносящихся с грузинско-занским состоянием, начальное индоевропейское ζ отражалось уже иным образом — в виде v).

Остается подчеркнуть, что какой бы из рассмотренных здесь альтернатив мы не отдали предпочтение, принятие любой из них вносит свой вклад в дальнейшее обоснование тезиса о древнейших ареальных контактах между картвельскими и индоевропейскими языками.

Два принятых в этой главе сопоставления — см. картв. **ɣwi*- 'можежеватель' и **ɣwino*- 'вино' — указывают на закономерность передачи индоевропейского дифтонга *eĭ* монофтонгом *i* (это же соотношение повторяется и в материале III главы — см. груз.-зан. **dīqa*- / *tīqa*- 'глина', **li*- 'ил, тина', **lip*- 'мазать(ся), скользить'). Следует заметить, однако, что, как полагает У.Шмальштиг, соотношение такого порядка может быть уже закономерностью самого индоевропейского материала при его определенной позиционной дистрибуции, определяемой по отношению к последующему слогу превокалической позицией *eĭ* и преконсонантной позицией *i* [Schmalstieg 1980: 31].

В картвельском материале этой главы не находим примеров на соотношение абруптивных согласных со звонкими их индоевропейских antecedентов, которого можно было бы ожидать в соответствии с составом индоевропейского консонантизма в интерпретации Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова, а также П.Хоппера [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 12—21; Норрег 1973]. Одним из правдоподобных объяснений такого положения может быть неоднозначная хронология функционирования абруптивной и звонкой серий в различных индоевропейских «диалектах» (ср., впрочем, наблюдение Х.Хейдера, согласно которому, при невозможности двух звонких в пределах индоевропейского корня два таковых вполне возможны в рамках единого слова [Haider 1985]) или ареальное соприкосновение картвельских языков с теми из индоевропейских, которые ранее других преобразовали глоттальную серию в звонкую.

Одна лексема (см. **eks*₁*w*- 'шесть') иллюстрирует известную из сравнительной фонетики картвельских языков закономерность преобразования одной серии свистящих (свистяще-шипящей?) фонем в шипящие в занском ареале.

В плане соотношения семантики фигурирующих здесь картвельских форм и их предполагаемых antecedентов следует констатировать либо фактическое совпадение, либо сужение значения (в сторону его специализации), характерное для материала заимствующей стороны.

* * *

Картв. **berg-* 'мотыжить, дробить землю'

~ и.-е. **bherǵ-*

Один из важнейших ингредиентов словаря эпохи ранней земледельческой культуры картвелов, основанной на мотыжной обработке земельных угодий посредством сравнительно примитивного орудия. Обозначением последнего служит именной коррелят этой глагольной основы.

Мегр. *barg-* 'мотыжить, дробить землю'

Лаз. *berg-* то же

Сван. *berg-* то же

Эта глагольная база отсутствует в грузинском, выявляя, таким образом, ее отчетливый западнокартвельский центр тяготения (встречающееся в специальной литературе ее сопоставление с груз. *margvla* 'полоть' [Чикобава 1938: 254] неудовлетворительно как в фонетическом, так и в семантическом отношении и, по-видимому, отвлекается от истории самого орудия мотыжения). В означенном ареале основе противостоит ее именной коррелят в виде обозначения мотыги — мегр., лаз. *berg-* (атин. *berǵ-*) и сван. *bērg-*.

На давность функционирования основы в картвельских языках указывает отражение в ней занского передвижения гласных: ср. мегр. масдар *bargua* 'мотыжить' при словоформе 3 лица ед. ч. презенса *barguns*, пассивном причастии *go-barg-il-*, а также активном причастии (являющемся в данном случае и именем деятеля) *ma-barg-al-*. Основа лазской формы масдара *o-berg-u* (при словоформе 3 лица ед. ч. презенса *bergups / bergums*) либо подверглась аттракции со стороны именной основы, либо вообще имеет отыменное происхождение.

В специальной литературе преобладает мнение, согласно которому исходными для обеих занских форм следует считать основу, представленную в глаголе, в то время как соответствующие именные здесь видоизменены в результате действия исторического процесса умлаутизации, охватывавшего, по-видимому, не только сванский язык: зан. **barg-* > мегр., лаз. *berg-* [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 162; ср. Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 49].

Основа сванского масдара *li-bērg-e* закономерно отвечает занской, представленной в мегрельском.

Напрашивается сопоставление бытования основы в западной части картвельской языковой области с фактом ограничения распространения так называемой «колхидской мотыги», встречающейся в археологических комплексах эпохи всего бронзового века, также ограниченных географическими пределами Западной Грузии.

Существует опыт этимологизации основы на картвельской почве, связанной с выделением в ней неизвестного в каких-либо иных слу-

чаях префиксального элемента *be-/ba-* и глагольной базы *rg-* 'сажать (растение)' [Читая 1959: 158 и 162]. Точка зрения Н.Я.Марра о зависимости занского материала от сванского [Марр 1936: 382] вообще никак не обосновывалась.

Реконструируемый обычно картвельский архетип **berg-* сопоставим с индоевропейской глагольной основой **bherǵ-*, **bhreig-* 'дробить', отраженной греческим и балтийскими континуантами [ср. Рокотну 1959: 167]. Если это сопоставление корректно, то в картвельской базе имеет место характерное для заимствующей стороны сужение (специализация) исходной семантики. Заметим, наконец, что соотношение картв. *g* ~ и.-е. *ǵ* не подчиняется схеме фонологических корреспонденций, предполагавшейся В.М.Иллич-Свитычем в рамках его версии ностратической гипотезы для исконно общего материала.

Картв. **guga-* 'сердцевина, ядро (плода)
~ и.-е. **gugā-*

Слово, по всей вероятности, является общекартвельским достоянием. По своей семантике оно тяготеет к лексике собирательской и примитивной земледельческой культуры.

Груз. *guga-* 'зрачок глаза'

Мегр. *guga-*, *gunga-* 'сердцевина початка кукурузы (без зерен)'

Сван. *gugw-*, *gwigw-* 'сердцевина, ядро (плода), зрачок'

Грузинская лексема уже в ее современном значении зафиксирована в древнейших памятниках письменности, в частности, в тексте перевода Библии. Таким же образом она представлена и в Толковом словаре грузинского языка, принадлежащем С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 178]. По сравнению с остальным картвельским материалом, дающим основания для реконструкции семантики архетипа, грузинское слово обнаруживает максимальное отклонение значения (осет. *gagu* этой же семантики — очевидный грузинизм).

Для мегрельского более характерен вариант лексемы с носовым согласным, как известно, развивающимся здесь в аналогичной фонетической позиции и в других случаях. Как и в грузинском, исконная семантика лексемы сужена, свидетельствуя вместе с тем о том, что слово не может считаться заимствованием из грузинского. Закрепленность его за обозначением элемента столь позднего для Закавказья нововведения как кукуруза, проникшего в Мегрелию с юго-запада только на рубеже XVI—XVII столетий [Джавахишвили 1930: 363], указывает на то, что еще до сравнительно недавнего времени лексема должна была сохранять здесь некоторое более широкое значение, весьма близкое к исконному.

Лазское соответствие не прослеживается.

Сванские континуанты слова наиболее вариабельны фонетически: ср. в.-бальск., лентех. *gwigw-* (мн. ч. *gug-är*), лашх. *gugw-*. Первая из них, равно как и аналогичная форма, засвидетельствованная в языке сванской поэзии (см. Сванская поэзия 354₁₀), отражает действие правила умлаутизации. В сванском лексема обозначает прежде всего сердцевину плода или растения [Gudjedjiani-Palmaitis 1985: 94], однако допускает, как замечает в письме к автору А.Л.Ониани, и более широкое употребление по отношению к сердцевине яйца, ореха, глаза и даже камня.

Общекартвельский архетип реконструируется в виде **guga-* 'сердцевина, ядро (плода)'. Поскольку подавляющее большинство картвельских лексем фонологической структуры *CuCa-* являются заимствованиями (не исключено, что к таковым относятся и два других подобных субстантива, учитываемых в этимологических словарях картвельских языков, но находящиеся очевидные иноязычные параллели), естественно предположить, что и здесь перед нами древнее заимствование.

В специальной литературе была предпринята попытка поставить соответствующую грузинскую лексему в связь с ныне устаревшим груз. *gula-* 'пуля' [Neisser 1953: 69], являющимся довольно поздним заимствованием из персидского.

Между тем бросается в глаза очевидная формальная и семантическая близость картвельского архетипа к и.-е. **gugā-* 'сердцевина, ядро', продолжения которого засвидетельствованы в германских, балтийских и славянских языках [ср. Rokorny 1959: 394]. В индоевропистике лексема трактуется в качестве именного производного с так называемым гуттуральным распространением от глагольной базы **gēu-*, *gēu-*, *gū-* 'сгибать(ся), искривляться'. Нелишне заметить, что консонантизм картвельского и индоевропейского материала не укладывается в схему звуковых соотношений, намечавшуюся В.М.Иллич-Свитычем для исконного наследия в рамках его вариации ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 147].

Картв. **diḡom-* 'чернозем'
~ и.-е. **dheḡhom-* (**d^(h)eḡ^(h)om-*)

Одно из недавно предложенных автором этой работы сопоставлений пракартвельского хронологического уровня. Слово относится к числу древних терминов, характеризующих лексику земледелия. Будучи представленным главным образом в сванском языке и западных диалектах грузинского, оно тяготеет в ареальном плане к Западному Закавказью.

Груз. *diḡom-*, *diḡvam-* 'чернозем'

Сван. *diḡwam-* 'сырая низина с плодородной почвой'

В древнегрузинском лексема засвидетельствована, по-видимому, только в качестве топонима и преимущественно — с вокализмом *o*. Так, в «Истории Грузии» Дигомское поле (*veli Diḡomisa*) упоминается как охотничье угодье первого царя Грузии Парнаваза. В этом же источнике о нем идет речь при описании событий, происходивших в эпоху правления Давида IV Возобновителя, т.е. в конце XI — начале XII столетия («История Грузии»: 326₁₇). В дальнейшем оно фигурирует в «Списке Мцхетских церковных владений», датированном его издателем Т.Жордания 1392-м годом, хотя, как иногда полагают, относящемся к несколько более позднему времени [Джанашиа 1988: 328]. Ныне — это топоним, служащий обозначением одного из районов Тбилиси, располагающегося на равнине (производившиеся археологические раскопки дигомских курганов показали наличие здесь нескольких слоев древней земледельческой культуры).

Форма *diḡvam-* зафиксирована в западногрузинских (имер., рач.) диалектах. В.Беридзе отмечает ее в значении 'богатство, зажиточность' [Беридзе 1912: 23]. В имерском наряду с этой формой употребляется и *dilḡvam-* с семантикой 'плодородная земля, дающая высокий урожай' (слово может иметь здесь и атрибутивное употребление: ср. словосочетание *dilḡvami miḡebi* 'плодородные земли' [Гачечиладзе 1976: 66]). Согласно наиболее исчерпывающему толкованию его семантики, принадлежащему И.И.Кавтарадзе, им обозначается: 1) плодородная черная земля, 2) достаток, состояние [Кавтарадзе 1974: 207]. Нетрудно заметить, что второе значение должно быть переносным.

Если в языках занской ветви лексема не видно, то в сванских диалектах, например, в лашхском, ее соответствие имеет форму *diḡwam-*, имеющую приведенное выше значение.

В качестве пракартвельского архетипа слова следует, по всей вероятности, реконструировать **diḡwam-* или **diḡom*. Встречающаяся только в имерском диалекте усложненная форма основы должна быть признана вторичной. Впрочем, и принимаемый архетип отстоит достаточно далеко (в частности, в отношении своего вокализма) от канонической модели звукотипа картвельских субстантивов.

Если пракартвельская форма слова построена корректно, то ее естественно сопоставить с индоевропейским обозначением земли или почвы **dheghom-* (в интерпретации Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова — **d^(h)eg^(h)om-* [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 82]) или — при утраченном безударном вокализме первого слога — **dhghom-*, имеющим свои континуанты почти во всех ветвях индоевропейской языковой

семьи [ср. Рокотпу 1959: 414—416]. В современной индоевропеистической традиции, особенно — после публикации классической статьи П.Кречмера, посвященной реконструкции архетипа слова, именно такие его формы считаются наиболее архаичными по сравнению с метатезированной, представленной в греческом и древнеиндийском, а также с засвидетельствованной в некоторых языках (хеттском, тохарском) формой с переходом $m > n$ в исходе основы [Kretschmer 1932: 66—67; Георгиев 1963: 13; Knobloch 1980: 192; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 821]. В соответствии с этой традицией формальные черты дают основание констатировать глубокую архаичность и картвельского архетипа, который способен отражать индоевропейскую праформу, характеризующуюся полногласием и наличием конечного m . В плане семантики картвельские лексемы обнаруживают характерное для заимствующей стороны сужение первоначального значения слова.

Таким образом, подобно некоторым другим специально отмечаемым в дальнейшем случаям, картвельские факты как будто способны поддержать адекватность реконструкции раннего облика индоевропейского обозначения земли (автор настоящей работы уже имел повод отказаться от ранее предлагавшегося им сопоставления с этой индоевропейской лексемой грузинско-занского **diqa-/tiqa-* 'глина, земля' [Klimov 1991₂: 332]).

Картв. **eks*_{1w}- 'шесть'
 ~ и.-е. **yeks-*

Наряду с общекартвельским обозначением четырех, рассматриваемым ниже, слово представляет собой одно из наиболее ранних культурных заимствований из индоевропейского источника. Повторяясь по картвельским языкам в закономерно дифференцированном фонетическом облике, оно несомненно проецируется в праязыковое состояние.

Груз. *ekvs-* 'шесть'
 Мегр. *amšv-* то же
 Лаз. *a(n)š-* то же
 Сван. *usgwa-*, *uskwa-* то же

В памятниках древнегрузинского языка лексема хорошо известна: ср. *ekus cel steso...* 'шесть лет будешь сеять...' Исход 23₁₀; *šemdgomad ekusisa dšisa...* 'по прошествии дней шести...' Мк 9₂. Имелось здесь уже и несколько производных образований [Абуладзе 1973: 152]. В современных грузинских диалектах слово выступает в единообразном облике (за исключением ингилойского, где зафиксировано явно вторичное *ök* [Глonti 1984: 431]).

В языках занской ветви в соответствии с закономерностями их исторической фонетики ожидалась форма *akšv-, консонантная последовательность которой подверглась упрощению. По утрате заднеязычного *k*, исчезновение или субституция которого в составе комплекса согласных известны и по другим примерам, в мегрельском и лазском происходит метатеза *v*. Наиболее упрощенной оказывается историческая форма слова в лазском (срединный сонорный элемент здесь следует отнести на счет позднейшего развития).

В истории сванских форм числительного следует допустить раннюю метатезу в консонантном комплексе с последовавшим затем закономерным фонетическим сдвигом *ks₁w > šk_w > sgw, а также преобразование анлаутного вокализма под ассимилятивным воздействием корневого *w* [Гамкрелидзе 1959: 29—30]. Подобно некоторым другим случаям слово иллюстрирует характерную для сванского тенденцию к преобразованию односложной структуры в двусложную.

Картвельской этимологии слово не имеет. Его общий звукотип, характеризующийся гласным в анлаутной позиции, с одной стороны, и необычной консонантной последовательностью, с другой, не укладывается в обычную модель исконно картвельского корня. Иногда его этимологические связи усматривают в северокавказских языках. Так, еще Ф.Борк находил его кажущиеся аналогии в нахско-дагестанских языках и, руководствуясь идеей о единой кавказской языковой семье, реконструировал общекавказский архетип *wsikwart, являющий собой едва ли не некоторое «максимальное фонетическое» сравнивавшихся им форм и не согласующийся с современными представлениями науки о структуре как картвельского, так и нахско-дагестанского корня [Bork 1907: 25—26].

Между тем убедительное сопоставление картвельских данных с индоевропейским обозначением шести встречается уже в известных работах Фр.Боппа, трактовавшего этот параллелизм в качестве одного из свидетельств предполагавшегося им генетического единства картвельских и индоевропейских языков [Bopp 1846: 294; Bopp 1847: 38]. Если оставить в стороне встречавшуюся и позднее видимую солидаризацию с подобной точкой зрения [ср. Джаукян 1967: 87], исследователи обычно рассматривают эти лексемы в качестве вклада индоевропейских языков [Vogt 1938: 318; Климов 1964: 80; Меликишвили 1965: 234; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 879; Charachidzé 1986: 219].

Общекартвельский архетип весьма близок к его предполагаемому индоевропейскому антецеденту типа *ueks-, не имеющему анлаутного свистящего, что характерно для таких индоевропейских языков, как греческий, албанский и армянский [ср. Pokorny 1959: 1044] (как справедливо замечает В.Винтер, «допустить праи.-е. *ksw с упрощени-

ем первоначального кластера в большинстве языков-потомков означало бы реконструировать нечто чудовищное, нарушающее все известные нам правила структуры корня и возможных сочетаний в праиндоевропейском» [Винтер 1989: 35]). Отличие передачи индоевропейского смычного от рефлекса палатализованного *k*, отраженного в картвельском обозначении четырех, согласуется с известным мнением, согласно которому само индоевропейское числительное «шесть» мотивируется глагольной базой **ueks-*, *uks-* 'расти(ть)', в которой налицо непалатализованный смычный (в плане семантики при этом имеется в виду «приращение», наступающее по завершении пересчета пальцев одной руки [ср. Nehring 1962; Szemerényi 1989: 236; Винтер 1989: 34])². Тем самым картвельские формы слова поддерживают гипотезу, согласно которой засвидетельствованное во многих ветвях индоевропейских языков начальное *s* могло развиваться по антиципации со следующим по порядку счисления обозначением семи.

Сказанное выше может служить аргументом в пользу глубокой давности картвельского заимствования. Другой аргумент подобного рода заключается в том, что следующие по порядку счета картвельские числительные **š(i)wid-* 'семь' и **arwa-* 'восемь', так или иначе (скорее всего, через некоторое опосредующее звено) восходящие к старому семитскому источнику, обнаруживают все признаки закономерно дифференцированного по языкам материала и, следовательно, также соотносятся с общекартвельским состоянием, т.е. с эпохой едва ли позднее конца III тысячелетия до н.э.

Следует упомянуть, наконец, что экстралингвистическим стимулом усвоения числительного 'шесть' из индоевропейских языков должна была послужить его символическая роль в ряде ближневосточных традиций [ср. Junger 1911], основанная на представлении соответствующего числа как круглого и составляющего базу для числительных последующего ряда [Jacobsohn 1927: 77—83].

Картв. **lag-* : *lg-* 'сажать (растения), класть, укреплять'
 ~ и.-е. **leg-* (*leg*^(h)-)

Глагольная основа характерной для определенной ступени развития общества семантики, по-видимому, отражающая древнейшую картвельскую лексику земледелия. Во всех картвельских языках она представлена своими продолжениями.

Груз. *lag-* 'класть'; *rg-* 'сажать растения'
 Мегр. *rg-* 'сажать (растения)'

²Э.Поломэ находит, что такое решение представляет изящную индоевропейскую параллель обозначениям шести в реально существующих квинарных системах счисления, типа известного из языков банту [Polomé 1968: 99].

Лаз. *rg-* то же

Сван. *laʒ- : lʒ-* 'сажать (растения); прикреплять'

Основа хорошо засвидетельствована и в древнегрузинском. Ср. масдары *rgva-*, *dargva-*, а также пассивное причастие *ne-rg-* 'посаженный (о растении)', лежащие в свою очередь в основе ряда других дериватов [ср. Абуладзе 1973: 120, 327 и 346]. В Толковом словаре С.Орбелиани наряду с формой масдара также отмечено несколько производных [Орбелиани 1966: 9]. Присутствующая только у грузинской основы семантика 'класть' маргинальна, поскольку она прежде всего передается здесь континуантом общекартвельской базы **dew-* : *dw-*. В свете фактов остальных языков нетрудно увидеть, что обе грузинские лексически обособленные ныне формы основы исторически восходят к двум различным ступеням огласовки единой некогда глагольной базы. Преобразование *l > r* обусловлено фонетически — невозможностью сочетания *lg* в грузинском материале древнего происхождения (с явлением аналогичного порядка сталкиваемся также в главе III в случае с груз.-зан. **ʔep-* : *ʔp-* 'греть(ся)').

Занская основа продолжает форму нулевой ступени аблаутного чередования с аналогичным преобразованием начального сонорного.

Ее сванское соответствие сохраняет историческую модель аблаута, отличаясь от остальных его картвельских эквивалентов как типичной для сванского аффрикатизацией заднеязычного согласного, так и дополнительным значением 'прикреплять, укреплять'.

Генетическая идентификация картвельского материала принадлежит В.Т.Топуриа [Топуриа 1926: 203] и И.А.Джавахишвили [Джавахишвили 1930: 214] и затем поддерживалась рядом других авторов [ср. также Чикобава 1938: 308; Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 324].

О глубокой давности функционирования основы на картвельской почве свидетельствует представленное в ней аблаутное чередование, а также значительное число содержащих ее именных и глагольных образований (так, уже для грузинско-занского состояния можно реконструировать производные от нее **ne-rg-* 'саженец' и **na-rg-* 'посаженный' [Климов 1964: 146 и 147]). Основа являет собой один из немногочисленных примеров совпадения праязыкового материала в сфере лексики земледелия, что должно указывать на принципиальное знакомство картвелов с последним еще на праязыковом уровне (ср. также **berg-* 'мотыжить, дробить землю', **diʒom-* / *diʒwam-* 'чернозем').

Сопоставление грузинской основы с индоевропейским материалом впервые встречается в одной из статей М.Джанашвили, где она увязывается автором с ее славянскими аналогиями [Джанашвили 1902: 36]. В дальнейшем с вовлечением в орбиту рассмотрения ее

когнатов в остальных картвельских языках оно было поддержано рядом других исследователей, ссылающихся в этой связи на и.-е. **legh-* ‘класть, ложиться’, которое получает свои продолжения во многих ветвях индоевропейских языков, кроме индоиранских и армянского [ср. Vogt 1938: 337; Климов 1964: 118—119; Меликишвили 1965: 235; Джаукян 1967: 91; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 877] (согласно замечанию Ю.Покорного, индоевропейская глагольная база первоначально употреблялась лишь в точечном, т.е. недлительном значении, и только впоследствии приобрела дюративную семантику [Рокотню 1959: 658—659]).

Нельзя вместе с тем пройти мимо одной интересной особенности семантики соответствующей сванской основы, которая имеет коннотацию ‘прикреплять, укреплять’. Если перед нами не следствие случайной омонимии, то возникает вопрос об отношении всего относящегося сюда картвельского материала к др.-инд. *lagati* ‘прикрепляется, прилипает’ [ср. Maughofer 1968: 84], равно как и самой последней основы к индоевропейскому архетипу **legh-* ‘класть, ложиться’, который, как принято считать, не имеет своего продолжения в индоиранской ветви (объединяет картвельскую и древнеиндийскую основы и их вокализм). Ср. в этой связи рассуждение Ж.Одри, который, рассматривая исходную семантику и.-е. **sē-* ‘сеять, сажать, вдавливать’ (последняя коннотация характеризует лишь анатолийский), полагает, что «несмотря на численное преобладание значения ‘сеять’, исходным смыслом этого слова должно было быть ‘вдавливать’, поскольку ‘сажать’ и ‘сеять (зерно за зерном)’ означает ‘вдавливать’, и было бы непонятно, каким образом ‘сеять’ развилось в ‘сажать’ или ‘вдавливать’» [Одри 1988: 26].

Если др.-груз. *alag-* ‘тропа, стезя’ восходит, как иногда предполагают, к среднеперсидскому или армянскому источнику [ср. Андроникашвили 1966: 279; Ачарян 1971: 117], то оно не имеет отношения к рассматриваемой здесь глагольной основе. На семантическую проблематичность сопоставления с ней этого субстантива уже указывалось [Vogt 1968: 106].

Картв. **mkerd-* : *mkt̪d-* ‘грудь’
 ~ и.-е. **Kerd-* : *K̪t̪d-* (**k^(h)ert̪-* : *k^(h)rt̪-*)

Это соположение отражает один из наиболее древних и ярких лексических параллелизмов картвельских и индоевропейских языков. Картвельское слово является достоянием праязыкового уровня и, возможно, первоначально относилось к терминологии ритуала жертвоприношения животных.

Груз. *mkerd-* ‘грудь’

Мегр. *kidir*- то же

Сван. *mučod*-, *məčod*-, *məčwed*- то же

Слово широко документировано в древнегрузинских памятниках: ср. *icemda mķerdsa mas da itqoda*... 'бил себя в грудь и говорил...' Лк 18₁₃; *miegrdna igi mķerdsa Iesujssa*... 'припал (он) к груди Иисуса...' И 13₂₅. В нескольких падежных формах (род., твор. падежи) здесь оно еще выступает и в нулевой ступени огласовки (ср. род. пад. *mķrd-isa*), тогда как в современном языке оно уже принадлежит к числу лексем с так называемой нестягивающейся основой и отличается фактическим отсутствием производных.

В мегрельских формах, подобно некоторым другим аналогичным случаям (ср. комментарий к картв. **mčwer*- в III гл.), утрачен анлаутный консонант, давность которого удостоверяют сванские соответствия слова. Лазский эквивалент вытеснен новообразованием, производным от обозначения сердца. В фонетической истории мегрельского слова, в котором налицо также метатеза согласных, Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани постулируют промежуточную ступень **kird*- [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 287]. Исходной для мегрельской и сванской основ, по мнению этих авторов, служит форма архетипа в нулевой ступени огласовки.

В сванском, помимо реализации тенденции к образованию двусложной структуры слова, произошла характерная аффрикатизация абруптивного смычного. Долгота вокализма формы верхнебальского диалекта, по-видимому, обязана компенсации утраченного сонорного.

Целесообразно упомянуть точку зрения К.Х.Шмидта, допускающего, что мегрельская лексема заимствована из грузинского [Schmidt 1962: 124], что, впрочем, не препятствует реконструкции общекартвельского архетипа слова в виде **mķerd*- : *mķrd*- на базе сопоставления грузинского и сванского материала. Реконструкция исходной семантики картвельской лексемы не вызывает сомнений. Вместе с тем, о его первоначальной принадлежности к терминологии обряда жертвоприношения животных, т.е. к так называемой разделочной терминологии обряда жертвоприношения (о возможности переноса обозначений частей организма животного на человека см., например, [Adams 1982]) можно думать на основании отражения в картвельской традиции процедур приношения отдельных частей организма животного (прежде всего — печени, сердца, груди), широко распространенных в древности едва ли не по всему переднеазиатскому культурному региону.

Своим консонантизмом картвельский и индоевропейский архетипы не укладываются в схему звукосоответствий, предполагавшу-

юся В.М.Иллич-Свитычем для компонентов ностратического сравнения.

В специальной литературе картвельскую лексему принято сопоставлять с и.-е. **k̑erd-* : *k̑rd-*, о чем по существу догадывался еще М.Джанашвили [Джанашвили 1911—1913: 250]. Сомнения в ее исконности в этой связи высказывались и А.С.Чикобава. В дальнейшем это сопоставление повторялось в целом ряде других работ [ср. Климов 1964: 135—136; Меликишвили 1965: 225; Джаукян 1967: 78; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 878 и др.]. Картвельский архетип отмечен вторичным сонорным в начале слова. Неясно, однако, на чем может основываться мнение, согласно которому здесь мы имеем дело с производным именем с префиксальным элементом [Иллич-Свитыч 1981: 324] (ссылка автора в этой связи на одну из картвелистических работ — очевидное недоразумение).

Расхождение в семантике картвельского и индоевропейского слов не настолько существенны, чтобы усомниться в возможности их сопоставления. В последней связи целесообразно обратить внимание на грузинское сложение *gul-m̑erd-* 'грудь', где первый компонент — 'сердце': не исключено, что исторически оно относится к числу характерных грузинских сложений, впервые зафиксированных еще Н.Я.Марром и известных в науке в качестве композитов так называемого синонимического типа, первый из компонентов которых является исконной основой, а второй — заимствованной [см. Дзидзигури 1941].

Впрочем, в пользу возможности заимствования картвельского слова и непосредственно в общем значении части тела, безотносительно, например, к сфере ритуала, свидетельствует практика этимологических исследований, обобщенная в статье Г.Хаармана, фиксирующего заимствованный характер обозначения груди в кимрском и баскском языках [Haarman 1983: 135].

Картв. **otxo-* 'четыре'

~ и.-е. **ok̑to-* (**ok̑^(h)t^(h)o-*)

Наряду с пракартвельским обозначением шести (см. в предшествующем изложении) слово является одним из наиболее ярких и интересных совпадений картвельского материала с индоевропейским в такой сфере культурного словаря, каковой считаются числительные. Поскольку индоевропейский антецедент слова по существу нигде не выступает в несвязанном состоянии, этот параллелизм может служить свидетельством глубины исторических контактов между картвельскими и индоевропейскими языками:

Груз. *otx-* (диал. *voṭx-*) 'четыре'

Мегр. *otx-* то же

Лаз. *otxo-*, *ontxo-*, *otxu-* то же

Сван. *woḥtḥw-*, *woḥdḥw-* то же

Лексема несомненно является древнейшим достоянием картвельских языков. Она обильно документируется и в памятниках древнегрузинской литературы. Ср. *ganigves otxad naçilad...* 'разделили на четыре части...' Мф 19₂₃; *otx-ḡa ttue arian...* 'еще четыре месяца...' И 4₃₅. Здесь же известно множество образованных от нее производных [Абуладзе 1973: 332]. В новогрузинских диалектах встречается позднейшая форма числительного с начальным *v*, аналогичная ее сванским соответствиям.

В лазской форме слова перед консонантной группой возможно развитие сонорного. В числительном соблюдено закономерное фонетическое соотношение груз.-зан. *t* ~ сван. *št* (> *šd*), характерное для общекартвельского наследия.

Материал картвельских языков был генетически отождествлен еще пионером европейского кавказоведения Г.Розеном [Rosen 1845: 11] и с тех пор является общепризнанным достоянием общекартвельского словаря. Исследования последних лет позволили внести определенные коррективы в ранее реконструировавшиеся его архетипы **otx-* [Чикобава 1938: 215] и **o(s₁)tḥ(w)-* [Климов 1964: 150; Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 35 и 316] (вторичность наращения начального *w* сванских форм и срединного сонорного лазской была всегда очевидной). Так, с одной стороны, в свете важного наблюдения И.Г.Меликишвили, согласно которому в основе фонетического соотношения груз.-зан. *t* ~ сван. *št* лежит так называемая преаспирированная разновидность общекартвельского *t* [Меликишвили 1981: 70—78], возникли основания исключить из архетипа *s₁*, благодаря которому каноничность фонологической структуры целого ряда исконно картвельских основ ставилась по существу под сомнение. С другой стороны, были найдены убедительные аргументы в пользу исхода архетипа на *o*, принимавшегося во всяком случае для грузинско-занского состояния еще И.А.Джавахишвили [Джавахишвили 1937: 405].

Основания в пользу реконструкции в праформе конечного *o* можно усмотреть во всех языках. Так, об этом свидетельствуют формы числительного в территориально разобщенных и к тому же маргинальных лазском и сванском языках. Отражение исторического *o* в исходе основы в виде *w* налицо и в относительно поздних сванских заимствованиях, что указывает на недавнюю хронологию процесса. В мегрельском в пользу такого решения наряду с обычной формой этого числительного говорит наличие сложения *otxo-n-eḥ-* 'восемьдесят' (букв. 'четырежды двадцать') с первой основой, совпадающей с ее

лазским соответствием. На то, что утрата конечного *o* мегрельского слова не изолированный факт, указывают и другие примеры, и, в частности, история другого древнейшего картвельского индоевропеизма **ɣwino-* > мегр. *ɣvin-*. Его утрате должны были способствовать и некоторые особенности словоизменительной и словообразовательной систем этого языка. Так, с одной стороны, в отличие от лазского здесь сохраняется форма обстоятельного падежа с признаком *-o(t)*, функционирование которой обуславливало нежелательную омонимию с формой номинатива лексем с исходом основы на *o* (ср. *ɣkimi koneba otxo gortitia...* 'разделите мое имущество на четыре части...'). С другой стороны, вычленению языковым сознанием носителей языка редуцированной основы *otx-* должно было способствовать наличие здесь таких производных образований, как *otx-oʃ-* 'четыреста' (букв. 'четыре + сто') и *otx-olo* 'вчетвером' (< *otx-xolo*).

Наконец, указания в пользу реконструкции конечного *o* в основе этого числительного встречаем и в грузинском языке. Таковыми оказываются глосса *otxo-* 'игра в четыре бабки', засвидетельствованная в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 405], а также идентичное слово, по сей день употребительное в картлийском диалекте [Берозашвили-Месхишвили-Нозадзе 1981: 343]. Мотивацию утраты конечного вокализма в этом слове (он отсутствует уже в древнегрузинской форме) следует, вероятно, видеть в факте выравнивания с окружающими его числительными первого десятка, характеризующимися согласным исходом основы.

Известные из истории науки немногочисленные опыты этимологизации числительного на картвельской почве сохраняют ныне только исторический интерес. Так, Н.Я.Марр усматривал в грузинском слове, помимо его начального вокализма, трактовавшегося им в качестве префикса, некий «трехсогласный» корень *rtx^w*, отражения которого он был готов видеть в будто бы производных от него грузинских глаголах *bortqva-* / *bordɣva-* / *portxa-* 'ползать на четвереньках' [Марр 1925: 77]. В то же время его архетип **ortxu-/ortqu-*, предполагавшийся И.А.Джавахишвили, интерпретировался последним как исторический композит, состоящий из *or-* 'два' и несамостоятельного элемента *tqu-* по существу той же семантики, вычленявшегося им из грузинско-занского обозначения двойки [Джавахишвили 1937: 407].

С прогрессом современной теории картвельского корня стало очевидным несоответствие картвельского слова закономерностям фонологической структуры исконного материала (необычный вокализм, морфологически не интерпретируемый его начальный гласный), наводящее на мысль о его неисконном характере. Если принятая реконструкция картвельского архетипа корректна, то напрашивается

ется его сопоставление с индоевропейским обозначением восьми **oktō(y)*-, трактуемым многими авторами, начиная с К.Бругмана, в качестве формы двойственного числа с признаком *-o(y)* и предполагающим в соответствии с этим исходную простую основу со значением 'четыре' [см. Henning 1949; Барроу 1976: 244; Szemerényi 1989: 237].

Впервые сопоставление картвельского обозначения четырех с индоевропейским числительным 'восемь' было предпринято Фр.Боппом в контексте его гипотезы о картвельских языках как кавказской ветви индоевропейской языковой семьи [Bopp 1847: 37]. У Ж. ван Гиннекена соположение лазского *otxo-* с индоевропейским материалом оказалось включенным в широкую совокупность в лучшем случае малодостоверных лексических параллелизмов, способных, по его мнению, иллюстрировать реальность древнейшего воздействия «общекавказского» на индоевропейские языки [Ginneken 1938: 115—117]. Несколько позже оно было повторено А.Фреем [Frei 1944: 47] (указанием на последнюю статью автор обязан В.Бёдеру). Уже после нашей краткой публикации по поводу рассматриваемой здесь аналогии [Климов 1977] к этому же сопоставлению обратился В.Пизани, дополнивший его несколькими, на наш взгляд, менее выразительными афразийскими сопоставлениями [Pisani 1980: 47]. В настоящее время индоевропейские истоки картвельского числительного признаются также такими исследователями, как Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов [см. Гамкрелидзе-Иванов 1984: 879] и Ж.Шарашидзе [Charachidzé 1986: 219].

Существующее единственное альтернативное решение вопроса об отношении и.-е. **oktō(y)*- к картвельскому материалу, согласно которому само индоевропейское слово является трансформацией основы картвельского **mṭkaw-el-* 'пядь' и представляет собой, таким образом, древний картвелизм [Квезерели-Копадзе 1987: 16—17], наталкивается на слишком широкую совокупность препятствий как семантического (ср. невероятный переход значения 'пядь' > 'восемь'), так и фонетического порядка (ср. объяснение анлаутного вокализма слова в качестве позднейшего индоевропейского префикса), чтобы считать его сколько-нибудь удачным.

В связи с срединным спирантом картвельского числительного следует заметить, что он отражает собой развитие, аналогичное судьбе палатализованного и.-е. **k* в части самих индоевропейских языков (прежде всего — в кельтских и германских). Такой же рефлекс встречается и в некоторых других картвельских индоевропеизмах, среди которых можно упомянуть груз.-зан. **taxz-* : *txz-* 'сплетать, сочинять' (см. III главу).

Своеобразие обеих основ, равно как и картв. **usx(o)*- 'жертвенный бык' (см. ниже), заключается в становлении в них характерных для этих языков консонантных комплексов децессивного ряда.

Иногда считают, однако, что другой картвельский индоевропеизм среди числительных первого десятка, **eks₁n-* 'шесть', отражает палатализованное *k'* отличным образом (выше принята иная точка зрения, согласно которой индоевропейское обозначение шести связано с глагольной базой **ueks-*, **uks-* 'расти(ть)', где имеет место непалатализованное *k* [см. Nehring 1962; Szemerényi 1989: 236]). В случае адекватности первого взгляда одно из более или менее правдоподобных объяснений такого расхождения могло бы, вероятно, сводиться к различной хронологии усвоения обоих числительных, отражающей к тому же разные исторические этапы в развитии самой системы счисления (во всяком случае в картвельских данных есть основания видеть следы былой четверичной системы).

Исключительная давность рассматриваемого заимствования, безусловно, составляющего достояние пракартвельского словаря, не вызывает каких-либо сомнений. По-видимому, сам факт отмеченного параллелизма вместе с пережиточной авестийской формой *ašti-* 'ширина четырех пальцев' (как мера ширины последняя величина до настоящего времени достаточно известна в некоторых областях Передней Азии и Кавказа) в определенной степени подтверждает корректность обычной интерпретации индоевропейского обозначения восьми как исторической формы дуалиса архаичной простой основы со значением 'четыре', уже в древнюю эпоху повсеместно вытесненной продолжениями и.-е. **k^hetur-* или **meu-*.

Существенно заметить в этом контексте, что два других общекартвельских числительных более высокого порядка, **š(i)wid-* 'семь' и **arwa-* 'восемь', имеют своими вероятными antecedентами уже семитские, или непосредственные «азианические», прототипы [Klimov 1985: 206—207]. Исходя из такого отличия источников заимствования, естественно предположить, что в его основе должно было лежать историческое изменение самой ареальной конфигурации языкового ландшафта в смежном с картвельской языковой областью регионе в последующую эпоху.

Картв. **usx-* 'жертвенный бык'
~ и.-е. **uks-* (**uk^(h)s-*)

Рассматриваемая здесь картвельская лексема засвидетельствована в грузинском и сванском языках, что дает основания соотнести ее архетип с общекартвельским состоянием (по крайней мере на правах ареально ограниченной изоглоссы). Как отчетливо свидетельствует

сама семантика соответствующего архетипа, слово служит одним из характерных терминов, относящихся к сфере дохристианских ритуалов древних картвелов.

Груз. *uxx*- 'бык, корова (предназначенные на убой)'

Сван. *uxxwaj*- (лашх.) 'бык (жертвенный)'

Слово документировано в древнегрузинском и, в частности, неоднократно встречается в тексте Библии. Ср.: *uxxebi čemi ... damiklavš* 'тельцы мои ... заколоты' Мф 22₄; *daḱla qari igi uxsi tamatan šenman...* 'отец твой заколол откормленного теленка...' Лк 15₂₇. Как это явствует из последнего примера, лексема могла иметь и адъективное употребление, чем, вероятно, и обусловлен встречающийся иногда ее перевод — 'откормленный' [см. Абуладзе 1973: 433]. Характерно, что уже в древнегрузинском языке ее невозможно считать широко употребительной, поскольку по своей встречаемости она значительно уступает близкому ей по семантике *zuarak*-. В дальнейшем исконное значение этого слова затемняется настолько, что в Толковом словаре С.Орбелиани оно толкуется как 'корова, откормленная на убой' [Орбелиани 1966: 171]. На правах архаизма она, по-видимому, до настоящего времени встречается в отдельных горских диалектах: ср., например, рачин. *uxx*- 'нетель' [Беридзе 1912: 52; Глонти 1984: 527]. Во всяком случае на более широкое распространение термина в грузинских диалектах прошлого, по всей вероятности, указывает производное от него *sa-oxx-e-j* 'животное, предназначенное на убой', отмеченное на северо-востоке грузинской языковой территории в тушинском диалекте [Утургаидзе 1960: 209].

Если в ареале обоих занских языков, как того и можно было ожидать, эквивалент грузинской лексемы не прослеживается, то в сванском, напротив, ее соответствие по сей день представлено в нескольких диалектных разновидностях: ср. *uxxwaj* (лашх.), *uxxwäj* (в.-бальск.) и *wixxw*- (н.-бальск.), служащие обозначениями жертвенного быка до четырех лет (Март 1922: 10; Gudjedjiani-Palmaitis 1985: 262]. В лашхском диалекте зафиксированы также позднейшее производное *uxxwob*- 'праздник приношения жертвенного быка' и дальнейшие образования *uxxwobier* 'дни, посвященные празднику приношения в жертву быка' и *uxxwob-ladey* 'день соответствующего праздника', детальное описание которого обнаруживает ныне и заметный вклад со стороны христианских обычаев [Ониани 1979: 240—274].

Нетрудно показать, что все сванские вариации слова достаточно древние и так или иначе прошли, в частности, стадию умлаутизации. Так, н.-бальск. форма является конечным результатом фонетического процесса **uxx*- > **üxx*- > *wixxw*. О том же, возможно, говорит и глайд *w* других сванских форм, хотя высказывалось и мнение о зави-

симости сванского слова от грузинского источника [Кавтарадзе 1946: 147; ср. Керкадзе 1974: 38].

Рассматриваемая лексема обозначает, как свидетельствует современная этнология, одну из существенных реалий, отражающих древнейшие верования картвелов, и располагающую своими ближайшими параллелями едва ли не во всех традициях региона древней Передней Азии (как известно, следы ритуала заклания жертвенного быка, посвященного тому или иному божеству, довольно отчетливо представлены в различных областях Закавказья, будучи, в частности, документально зафиксированными в урартских эпиграфических памятниках). Наиболее убедительным свидетельством практиковавшегося в Грузии ритуала может служить находка в культовом сооружении комплекса III тысячелетия до н.э. в Квацхелеби скелета теленка, пронзенного стрелой [Киквидзе 1976: 190].

«К *wixw'*ам, — пишет в связи с соответствующим сванским обрядом В.В.Бардавелидзе, — относились как к священным животным с момента их появления на свет или посвящения. Их окружали определенными запретами. *Wixw'*а нельзя было помянуть дурным словом, замахнуться на него, тем более ударить чем-либо, ограничить его свободу, противостоять его желаниям. Он мог зайти в посевы, затоптать ниву, но ни хозяин и никто другой не смел пожаловаться на это. *Wixw'*а не холостили и не впрягали в ярмо. Предоставленный самому себе бугай дичал, нападал на людей, бодался и наносил им подчас тяжелые ранения. В то же время общество, в котором имелся *wixw'*, считало себя защищенным от злых духов. Хозяин стада, к которому он приставал, по народным представлениям был облагодетельствован этим, впредь его домашние животные были ограждены от болезней, падежа и всяких бед. Кроме того, *wixw'* способствовал размножению животных, увеличению удоя и всякого добра в хозяйстве...» [Бардавелидзе 1957: 199]. Во многом сходное представление о статусе такого бычка можно найти также в одном из описаний аналогичного абхазского ритуала, связанного с коровой, посвященной той или иной святыне. «Бычков, родившихся от такой коровы, приносили в жертву в честь фамильной святыни Адлейбовых. Однако они могли быть принесены в жертву только до первых случаев, т.е. чистыми. В отношении к ним требовалось соблюдение ряда запретов. Их нельзя было, например, холостить и использовать в хозяйстве. Их не резали также на мясо. Если они не использовались в качестве жертвенных животных, их обычно дарили родственникам или продавали посторонним на свадьбу или поминки. Продавая быка, заранее договаривались, что шкура, печень и сердце будут возвращены хозяевам. Адлейбовы строго следили за тем, чтобы проданное ими животное

было заколото, но не сохранялось для использования его в хозяйстве...» [Адлейба 1987: 118]. О том, что сходные представления могли быть свойственными в свое время и древним индоевропейцам, в некоторой мере свидетельствуют во многом сходные требования, предъявлявшиеся к жертвенным животным хеттами.

Если учесть, что наше слово относится к терминологии дохристианских верований картвелов, а также то обстоятельство, что сколько-нибудь заметное воздействие грузинского языка на сванский должно было начаться только в похристианскую эпоху, то скорее всего его следует признать древнейшим достоянием картвельских языков и возводящимся к праязыковому архетипу **ux-* (его дополнительную аргументацию см. в заключительной части словарной статьи).

Вместе с тем оно не укладывается в рамки схем звуковых соотношений между картвельскими и индоевропейскими языками в версиях ностратической гипотезы, принадлежащих В.М.Иллич-Свитычу и А.Бомгарду.

Еще задолго до разработки теории картвельского корня, выявившей очевидное несоответствие фонологической структуры рассматриваемой лексемы его канонической модели, был предложен опыт ее этимологического истолкования на картвельской почве. Он сводился к трактовке грузинской лексемы как исторического причастия отсутствия качества, образованного с помощью характерного для других подобных дериватов префикса *u-* от картвельской глагольной основы **s₁x-* в ее частном значении 'рождать во множестве (о животных)'. Однако такая трактовка слова, фактически восходящая к его членению, намеченному еще в начале века В.Беридзе [Беридзе 1912: 52], по справедливому замечанию И.И.Кавтарадзе, наталкивается при всей своей заманчивости на определенные трудности [Кавтарадзе 1946: 147].

Действительно, при ближайшем рассмотрении выясняется, что предложенному решению противоречат как семантическая, так и фонетическая сторона слова. Так, с точки зрения семантики существенно, что оно, как об этом свидетельствуют древнегрузинские и сванские данные, исторически связано с обозначением не коровы, а быка или подростшего бычка, во-первых, а также то, что глагольная основа **s₁x-* является плюральной, т.е. подразумевающей рождение некоторого множества животных, оказываясь, таким образом, неприменимой по отношению к корове, во-вторых. В то же время в формальном плане при пракартвельской основе **s₁x-* в сванском ожидался бы ее закономерный рефлекс в виде *ǰx-* (ср. груз. *масдар. sxta-* при мегр. *ǰxirma-*).

В этих условиях возникает возможность сопоставления общекартвельского архетипа **ux-* на правах древнего заимствования с одним из широко распространенных индоевропейских названий быка **uks-on-*, которое находит свои продолжения в др.-инд. *ukṣā*, авест. *uxšan-*, тохарском В *okso*, др.-в.-нем. *ohso*, др.-исл. *oxi*, кимр. *uch* и т.д., однако получает в индоевропеистике двоякую этимологию.

В одной части работ, отражающих индоевропеистическую традицию, эту лексему рассматривают в качестве именного производного от глагольной основы **ukʷs-* 'влажный, смачивать' [Pokorný 1959: 1118]. Однако охарактеризованные выше картвельские данные более интересны в свете известного уточнения истории слова, предполагающего первоначальную связь индоевропейского обозначения быка с другой основой. В виду имеется получившая за последнее десятилетие определенную поддержку гипотеза К.Кинле, согласно которой слово трактуется как производное от глагольной базы **uks-* 'расти(ть)' и первоначально должно было обозначать не племенного быка или осеменителя, а подросшего бычка, и лишь впоследствии оказалось сближено с базой **ukʷs-* [Kiehnle 1979]. Нетрудно заметить, что предложенное ею толкование лексемы возвращает нас, таким образом, к старому мнению А.Мейе, предполагавшего, что рассматриваемое обозначение быка может представлять собой древний эпитет типа 'взрачиваемый' [Meillet 1934: 393].

С таким решением как будто согласуются данные большинства конкретных ветвей индоевропейских языков и, в частности, засвидетельствованная семантика продолжения слова. Так, К.Кинле в ходе специально предпринятого ею филологического исследования обратила внимание на факт отсутствия в индоиранском материале бесспорных следов глагола 'прыскать, брызгать' и, напротив, зафиксировала широкое функционирование глагола 'расти(ть)' (ср. др.-инд. *vaks-* : *ukṣ-* при авест. *vaxš-* : *uxš-*). Например, в текстах Риг-Веды *ukšan-* фигурирует не как 'племенной бык', а как 'подросший бычок в возрасте между 5—9 годами, который используется как жертвенное и тягловое животное, а также выращиваемое на убой (Opfer-, Speise- или Zugtier)' [Kiehnle 1979]. Семантику индоарийского слова М.Майрхофер также передает как «Jungstier, Farren, nicht ganz erwachsener Stier, der seine Zeugungsfähigkeit noch nicht unter Beweis gestellt hat» [Mayrhofer 1988: 210]. Отмечают также, что германские когнаты лексемы почти всегда обозначают подросшего кастрированного бычка [Zimmer 1981: 85—86]. Сходная семантика 'тягловый вол (Zugochs)' приписывается также тохарскому соответствию слова [Windekens 1984: 97].

В связи со сказанным целесообразно подчеркнуть, что практика откармливания подросших бычков для последующего ритуального заклания являлась одним из характерных обычаев древних индоевропейцев [ср. Mauryhofer-Passler 1953: 182—183]. Зафиксирован факт распространения индоевропейского слова на правах культурного заимствования и в другие языки. Так, к древнему индоевропейскому источнику принято, в частности, возводить волж.-перм. **uška / oška* 'бык, бычок' [Joki 1973: 334]. Ср. также восходящее, как полагают еще со времен Б.Мункачи, к тохарскому В *okso* соответствующее тюркское слово.

Если приведенное индоевропейское слово первоначально действительно обозначало подросшего бычка, то картвельские данные не только в формальном, но и семантическом аспекте оказываются очень близкими к их предполагаемому здесь индоевропейскому антецеденту.

В связи большой давности этого заимствования можно привести несколько аргументов. Так, должно быть очевидным, что в семантическом плане уже сам характер обозначаемой им реалии свидетельствует о принадлежности лексемы к терминологии дохристианских верований картвелов (ср. более архаичную семантику картвельского слова, толкуемого, в частности, в верхнебабальском диалекте сванского как обозначение бычка, посвященного божеству грома [Gudjedjani-Palmaitis 1985: 262], по сравнению с упомянутым выше его финно-угорским аналогом). Не менее показательными представляются в этом отношении некоторые обстоятельства формального порядка. Во-первых, фонетическая история картвельской лексемы обнаруживает заметный параллелизм с процессами, отраженными в бесспорно общекартвельском индоевропеизме **otxo-* 'четыре': ср. спирантную передачу индоевропейского смычного, а также сходную метатезу в консонантном комплексе. Во-вторых, бросается в глаза, что по сравнению с наиболее близкими к слову индоиранскими формами в нем сохраняется свистящее *s*, хронологически предшествующее его шипящему аналогу, представленному в индоиранском материале, в котором в данной позиции происходил переход *s > š*.

Картв. **йу-* 'ярмо'
~ и.-е. (диал.) **йу-*

Лексема представляет собой картвельское звено широко распространенного в языках Евразии (индоевропейских, финно-угорских, нахско-дагестанских и некоторых других) обозначения важнейшего достояния земледельческой культуры древности. Глубокая давность знакомства картвелов с этим артефактом удостоверяется его наход-

кой на территории Восточной Грузии уже в комплексе XIX в. до н.э., хронологически близкого к пракартвельскому состоянию.

Груз. *uḡel*- 'ярмо, иго'

Мегр. *uḡi*- то же

Лаз. *uḡi*- то же

Сван. *ḡwa*-, *uḡwa*- то же

Слово широко документируется памятниками древнегрузинского языка. Ср. *aiḡet uḡeli ḡemi*... 'возьмите иго мое...' Мф 11²⁹; *ganapicxa uḡeli ese ḡuen zeda*... 'наложил на нас тяжкое иго' III Царств 12₄. Подобно современному языку, уже в древнегрузинском оно имело и значение упряжки или пары быков [ср. Абуладзе 1973: 435]. Уже в древнегрузинском отмечается наличие у лексемы нескольких производных [Абуладзе 1973: 435 и 491].

Мегрельское и занское продолжения архетипа закономерно отвечают грузинскому независимо от того, считать ли соотношение груз. *-el* ~ зан. *-u* в исходе слова регулярным фонетическим [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 88—94], или усматривать в нем всего лишь функциональное соответствие двух разных словообразовательных суффиксов [Чикобава 1942: 31]. Мегрельская форма лежит в основе абхазского *a-uḡi* 'ярмо'.

Среди остальных картвельских форм несколько особняком стоит их сванский эквивалент, обнаруживающий историческую долготу анлаутного гласного, а также специфический конец слова, возможно, обязанный заметной в этом языке тенденции к преобразованию односложной структуры в двусложную (ср. в этой связи историю картвельских обозначений шести и жертвенного быка в этой же главе).

Грузинская и мегрельская формы были увязаны еще в конце прошлого столетия [Чарая 1895: XII 113]. Сванский аналог отмечен О.Уордропом [Wardrop 1911: 63]. Далее см. [Чикобава 1941: 31; Климов 1964: 186].

В специальной литературе лексема неизменно трактуется в качестве общекартвельской, хотя фонетика ее исхода остается не вполне ясной. В пользу ее праязыковой соотнесенности косвенным образом свидетельствует общекартвельский характер рассматриваемого далее слова **ḡwed*-, служащего обозначением хозяйственной реалии, теснейшим образом связанной с ярмом — ремня и, прежде всего, привязи ярма. Если трактовать конечные *-el*/*-u* грузинской и занской форм, подобно другим эксклюзивным грузинско-занским словообразовательным общностям, в качестве инновации, то на наиболее ранний облик картвельского слова может претендовать его сванская разновидность (неясно, что заставляет иногда видеть в последней суффиксальное *-a* [Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 311]).

Фонологическая структура картвельского слова ввиду ее очевидного несоответствия обычной модели собственно картвельских основ (ср. его анлаутный вокализм) заставляет усматривать неисконный характер основы. Вместе с тем, ее разновидности не могут трактоваться как дескриптивные и на картвельской почве не этимологизируются.

Не останавливаясь на антиисторическом по своему существу решении, согласно которому рассматриваемые лексемы могут иллюстрировать генетическое единство картвельских и нахско-дагестанских языков [Bouda 1957: 204] (подобное допущение предполагает датировку факта распада соответствующего праязыкового состояния эпохой, когда еще невозможно говорить о появлении на Кавказе ярма), следует упомянуть несколько опытов их истолкования как культурных заимствований, предпринимавшихся, впрочем, за пределами картвельского языкознания и сохраняющих ныне лишь исторический интерес. Так, по соображениям фонетического и отчасти семантического порядка едва ли возможно согласиться с точкой зрения о зависимости этих слов от семитских обозначений колодки или кандалов типа ханаан. (Эль-Амарна) *hullu*, аккад. *ullu*, др.-евр. *'ol* [Иллич-Свитыч 1965: 364—365]. С другой стороны, мнение о том, что картвельские формы восходят к севернокавказской языковой среде, где налицо существенно отличные фонетически лексемы, имеющие, по всей вероятности, отглагольное происхождение (ср. их маркировку историческими классными показателями), вступает в противоречие с исторической лексикологией картвельских языков [ср., однако, Дьяконов 1982: 19]. Наконец, согласно третьей версии, их следует возводить к некоторому протоармянскому источнику [Герценберг 1987: 66], что наталкивается на непреодолимые трудности не только фонетического, но и хронологического порядка (арменизмы неизвестны не только в общекартвельском состоянии, но и в грузинско-занском).

В связи с несомненным культурным характером обозначения ярма необходимо учитывать прочно установленный исторической наукой факт значительно более высокой развитости земледельческой культуры в Закавказье по сравнению с Северным Кавказом на контролируемых этапах исторической эволюции общества. Следует подчеркнуть также, что картвелистике вообще неизвестны примеры лексических заимствований из каких-либо севернокавказских языков ни для грузинско-занского, ни, тем более, для пракартвельского состояния.

Близость основных картвельских форм слова к и.-е. **jug-o-* 'ярмо, иго' впервые была замечена М. Джанашвили [Джанашвили 1902: 29].

Впоследствии в картвелистической литературе утвердилась точка зрения, согласно которой они признаются одним из наиболее древних картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов, рассматриваясь как заимствование индоевропейского слова [ср. Чикобава 1942: 31; Климов 1964: 186; Меликишвили 1965: 215—216; Tsereteli 1966: 138; Charachidzé 1986: 219; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 11]. Последнее является именным производным от глагольной основы **jeug-* 'связывать, соединять' [Pokorny 1959: 508; Mann 1985: col. 454—455].

Интересно, что по крайней мере в одном существенном отношении особенно близким к предполагаемому индоевропейскому antecedенту слова является его сванский аналог. Такой чертой последнего является долгота его анлаутного гласного, способная указывать на количественную компенсацию утраченного в этой позиции этимологического *j* или *i*. Эта долгота говорит в пользу выведения сванской лексемы из общекартвельского архетипа и, следовательно, против допущения о ее заимствовании из какого-то иного картвельского языка.

Одним из аргументов, способных расположить к отклонению гипотезы о большой хронологической глубине заимствования картвельских обозначений ярма, может, вероятно, послужить рефлексация смьчного элемента индоевропейского архетипа слова их заднеязычным спирантом. Следует, однако, учитывать, что спирантное отражение исторического смьчного является закономерным для срединного положения в слове во всех, т.е. как западных, так и восточных, иранских продолжениях индоевропейской лексемы, что и определяет относительно конкретный источник рассматриваемого материала: ср. соответствующие иранские формы типа *juχ*, *jūχ*, *uχ*.

Если принять во внимание установленную в индоевропеистике глубокую давность расщепления праиндоиранского состояния на индийскую и иранскую ветви (согласно современным как лингвистическим, так и археологическим исследованиям, эта эпоха может хронологически соотноситься с периодом не позднее конца IV — начала III тысячелетия до н.э. [Girshman 1977: 45, 70, 73; Harmatta 1986: 76]), то возможность проникновения лексемы из некоторого древнейшего иранского источника еще в общекартвельское состояние представляется достаточно реальной.

Ввиду сказанного выше иногда отмечающийся в литературе параллелизм таких производных форм, как груз. *uχleul-* и мегр. *uχul-* 'пара, упряжка быков', с др.-инд. *yugala-* 'пара' остается чисто внешним (даже в самих картвельских языках соответствующие словообра-

зовательные процессы протекали несомненно независимо друг от друга).

В заключение целесообразно упомянуть, что распространению рассмотренного культурного слова в ряде языковых семей Евразии могла способствовать известная ритуальная роль ярма, которая была свойственна уже древнейшей индоевропейской традиции. Заметим также, что картвельские данные в сою очередь могут, по-видимому, послужить некоторым ориентиром в определении хронологии процесса спирантизации индоевропейских звонких смьчных в иранском ареале.

Картв. **γweb-* 'плести'

~ и.-е. *(H)*uebh-* (**Hueb*^(h)-)

Основа, по всей вероятности, представляет собой общекартвельское достояние. Поскольку она отражает одну из технологий, в высшей степени характерных для древнейшего ремесленного производства картвелов (ср. несколько семантически очень близких глагольных основ, реконструируемых для грузинско-занского состояния), она имеет основания рассматриваться — во всяком случае для соответствующей отдаленной эпохи — в качестве элемента культурного словаря.

Груз. *γob-* 'плести'

Мегр. *γob-* то же

Лаз. *γob-* то же

Сван. [*γweb-*] то же

Глагольная основа несомненно была известна и в древнегрузинском, где широко документировано именно производное от нее, характеризующееся суффиксом *-e*, *γobe-* 'изгородь (плетеная)': ср. *rajsa ganeyo žentwis γobe...* 'как ты расторг себе преграду...' Бытия 38₂₉; *klidesa žegenen, vitarca γobesa...* 'бросится от скалы как от преграды...' Исая 31₉. Этим же производным субстантивом основа представлена и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 253]. В новогрузинском снабженная превербом форма *gadaγobva* приобрела значение 'преграждать'.

В мегрельском и лазском основа имеет тот же облик: ср. масдар мегр. *γobia-* (и причастие прош. времени *doγobil-* 'сплетенный'). В обоих занских языках налицо и соответствие производной грузинской именной форме: мегр. *γober-*, лаз. *γobe(r)-*. Последнее образование, как не без основания замечает А.С.Чикобава, «по происхождению не должно быть причастием, хотя по своему строению и напоминает его: *-er* служит в занском показателем причастия прошедшего времени. Однако, если признать *γober-* причастием, тогда то же самое

образование мы имели бы и в грузинском, что не вяжется с грузинским словом» [Чикобава 1938: 146]. Проблема получает свое разрешение, если считать занские формы продуктом уподобления отглагольных имен на *-e*, закономерно повторяющих грузинский субстантив, причастию.

В сванском языке основа прослеживается только по именному корреляту глагола *γweb-* 'улей' (лексема, по-видимому, отражает практику плетения ульев у древних картвелов). Вокализм сванской основы множественного числа *γob-är* вторичен, о чем свидетельствуют как исконные, так и заимствованные субстантивы аналогичной структуры: ср. сван. *γwed-* 'ремень' ~ мн. ч. *γod-är*, *swet-* 'столб, колонна' ~ мн. ч. *soṭ-är*, *čwēr-* 'ворона' ~ мн. ч. *čōr-äl* и др.

В настоящее время признается общекартвельский характер рассматриваемой основы [ср. Климов 1964: 205; Чинчараули 1987: 54—55; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 350]. В праязыковое состояние эту глагольную базу следует, вероятно, проецировать в виде **γweb-* с характерным для фонологической структуры картвельского корня вокализмом. Огласовка глагольных основ *o*, характерная для дескриптивных — прежде всего, звуко-символических — глаголов, в других случаях должна восходить к бифонемному сочетанию *we*. Именно подобная фонетическая история характерна для ряда иных глагольных основ и, в частности, была продемонстрирована Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани на примере общекартвельской глагольной основы **čwēn-* 'казаться, показывать(ся)', дающей позднее в грузинско-занском ареале, в отличие от сванского, форму *čon-* [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 251—252].

В литературе известна попытка сблизить сванское слово с рутульским (один из лезгинских языков Дагестана) *γubaγ* 'оса' [Bouda 1957: 204], которую трудно признать сколько-нибудь удовлетворительной [ср. Деетерс 1957: 358].

Картвельская глагольная основа может быть сопоставлена с и.-е. *uebh-* [ср. Рокотпу 1959: 1114—1115; Mann 1986: col. 1496] или — с учетом ларингальной гипотезы — с **Huebh-* 'плести', где символом *H* обозначается предполагающийся в анлауте ларингальный. Для последнего архетипа см. [Benveniste 1935: 156; Schmitt-Brandt 1967: 147; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 585, 704, 884]. В этом случае основа оказывается в едином ряду с некоторыми другими картвельскими индоевропеизмами, обнаруживающими фонетическое соотношение картв. *γw* ~ и.-е. *H₂*- (ср. ниже картв. **γwed-*, **γwel-*, **γwi-* и **γwino-*). Такое соотношение при условии его адекватности уже само по себе могло бы удостоверить глубокую

давность функционирования глагольной основы на картвельской почве.

Бросается в глаза, что в плане семантики картвельская основа сближается с формами тех ветвей индоевропейских языков, в которых сохраняется архаическое значение 'плести', сместившееся в других случаях в 'ткать'.

Картв. **ɣved-* 'ремень, привязь (кожаная)'
~ и.-е. *(H)*ǵedh-*

По-видимому, общекартвельская лексема, обозначающая одно из древнейших достояний материальной культуры картвелов. Слово образует единое семантическое микрополе с общекартвельским обозначением ярма.

Груз. *ɣved-* 'ремень, пояс (кожаный)'
Мегр. *ɣved-*, *ɣvend-* 'ремень; подпруга седла'
Лаз. *ɣved-* 'ремень, пояс (кожаный)'
Сван. *ɣwed-* то же

В форме *ɣued-* слово хорошо известно уже из наиболее ранних памятников древнегрузинского языка, где оно обозначало как ремень, так и кожаную привязь ярма: ср. *႔e႑႔nes ɣuedni misni...* 'связали ремни их...' Син. мн. 11₄₃; *ubrɣana moɣebaj ɣuedtaj...* 'повелел он принести ремни...' [ср. Абуладзе 1973: 464]. Интересно, что в джавахском диалекте слово по сей день обозначает привязь ярма [Мартиросов 1984: 248].

В обоих занских языках слово обычно выступает в этой же форме, хотя в лазском оно не всегда известно в своем исходном значении. Следует подчеркнуть, что поскольку, как показывает и более широкий материал, фонетическое соотношение груз. *ve*. ~ занск. *ve* в предпоследнем слоге субстантивов с согласным исходом основы закономерно (ср. в настоящей монографии продолжения картв. **wel-* 'поле, равнина', **werɣ₁-* 'баран, самец'), не видно оснований считать мегр. и лаз. формы усвоенными из грузинского, как это, по-видимому, в свое время представлялось И.Кипшидзе [Кипшидзе 1914: 350]. В мегрельском зафиксирован и параллельный вариант с вставным носовым, от которого произведен деноминативный глагол *ɣvendua* 'хлестать ремнем'. О давности бытования лексемы в этом языке, возможно, свидетельствует наличие в Мегрелии идентичного топонима.

Аналогичное слово, известное и сванским диалектам, также производит впечатление достаточно древнего. Сванская форма его множественного числа *ɣod-är*, подобно целому ряду других примеров, вторична, будучи обязанной выравнивающему воздействию парадигмы субстантивов сходной фонологической структуры (так, заимство-

ванное из грузинского *swel-* ‘столб, колонна’ имеет форму плюралисиса *sof-är*). Ср. выше картв. **γweb-* ‘плести’.

Все картвельские формы были генетически отождествлены автором настоящей работы [Климов 1964: 208]. Реальность наличия соответствующего артефакта для общекартвельского состояния подтверждается данными археологии, согласно которым в Грузии эпохи бронзы среди домашних ремесел значительное место уже занимали выделка и обработка кожи, которая использовалась для изготовления поясов, шнуров разного назначения, привязи ярма и других предметов быта [ср. Пицхелаури 1979: 43].

Впервые картвельские формы были сопоставлены с и.-е. *Ϸedh-* ‘связывать, привязывать’ Г.Б.Джаукяном [Джаукян 1967: 97]. Известно, что континуанты архетипа этой глагольной базы несут в ряде индоевропейских языков семантику как ‘кожаный ремень’, так и ‘связывать, впрягать в ярмо’ [ср. Pokorny 1959: 1114; Mann 1986: col. 1497—1498]. Еще более велик соблазн прямого соположения картвельской лексемы с более ранним индоевропейским архетипом с анлаутным ларингальным, предполагаемым в работах ларингалистов. Если такое сопоставление корректно, то тем самым удостоверяется весьма глубокая давность заимствования этого слова.

Картв. **γwel-* : *γwl-* ‘скручивать(ся)’
~ и.-е. *(H)*Ϸel-*

В отличие от других приводимых в этой главе картвельских примеров с начальным сочетанием *γw* здесь идет речь о глагольной основе, не встречающейся, по-видимому, в несвязанном виде и вычленивающейся только в ее различных производных. Основа может отражать одну из технологий ремесленного производства древних картвелов.

Груз. [*γvel-* : *γvl-*] ‘скручивать(ся)’

Мегр. [*γul-*] то же

Лаз. [*γul-*] то же

Сван. [*γwe(n)-*] то же

В древнегрузинском эта база также прослеживается исключительно по ее дериватам. Грузинское диалектное (хевс., ингил., пшав.) *γul-* ‘род серпа’ [Глонти 1984: 596], возможно, является ее именным коррелятом.

В языках занской ветви, помимо отмечающихся ниже глагольных производных основы, с ней, вероятно, связаны мегр. и лаз. *γula-* ‘кривой’, а также мегр. *γuler* то же.

В сванском ее вероятный эквивалент иногда усматривают в субстантиве *γulāj* ‘колено’ [ср. Schmidt 1962: 117].

Общекартвельский характер этой основы предполагается, однако, прежде всего на основании констатации двух ее древних производных. С одной стороны, это общекартвельское сложение **ɣwlarɕ-* 'скручивать(ся), вить(ся)' (вероятно, из **ɣwel-rɕ-* с метатезой гласного, разбивающей невозможную в фонемной синтагматике картвельских языков последовательность сонорных), а с другой — грузинско-занское **ɣwl-ek-* : *ɣwl-k-* 'извиваться' [см. Климов 1985: 195; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 360]. В пользу глубокой давности функционирования основы в картвельских языках свидетельствует свойственное ей аблаутное чередование.

В принадлежности глагола с такой семантикой к фонду культурного словаря можно, видимо, усомниться. Однако, как уже говорилось в I главе, он вполне может оказаться заимствованным в условиях некоторой нововведенной технологии производства веревки или пряжи.

Индоевропейским антецедентом этой основы может быть глагольная база **uel-*, **uelə-*, **ulə-* 'крутить(ся), вращать(ся)', широко представленная в большинстве ветвей индоевропейских языков [ср. Pokorný 1959: 1140; Машп 1986: col. 1508]. Представителями ларингальной теории база реконструируется с начальным ларингалом [ср. Adrados 1961: 88 и 291; Гамкрелидзе 1960: 36—37].

Картв. **ɣwi-* 'можжевательник'

~ и.-е. *uei-* (**Huei-*)

Картвельское слово представляет собой обозначение реалии, имевшей в отдаленном прошлом на Кавказе важнейшее ритуальное значение. Основания рассматривать его вместе с другими ингредиентами древнейшего пласта картвельских индоевропеизмов мы видим не только ввиду единообразной с ними рефлексации начального и.-е. **u* (или **Hu*), но и вследствие наличия во всех картвельских языках производной от него глагольной основы.

Груз. *ɣvia-*, *ɣviva-* 'можжевательник'

Мегр. [*ɣviɣv-*] то же

Сван. *ɣ(w)iv-* то же

Лексема зафиксирована еще в древнегрузинском, где она засвидетельствована как в особенно архаичной форме *ɣwi-*, так и в виде *ɣwiv-*: ср. *ɣwivisa* (/ *ɣwiisa*) *çil murti aɣmogicendes...* 'вместо крапивы вырастет мирт...' Исайя 55₁₃. Во второй форме она встречается, например, в памятнике XIII века «Абдулмесиани». Обе приведенные выше вариации слова находим и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 250 и 260]. При анализе истории грузинских форм справедливо указывают на позднейшее присоединение аффиксально-

го -а к основе с конечным *v* [Манджгаладзе 1956: 181], которое также не считают этимологическим. В кизиксом диалекте налицо очень поздняя форма лексемы — *γvio-* (< *γviva-*) [Глonti 1984: 588].

Засвидетельствованные в мегрельском формы *γvia-* и *xvia-* являются, по-видимому, грузинизмами и при реконструкции архетипа не должны учитываться (на исконность претендует более распространенное здесь обозначение можжевельника *šker-*).

Из грузинского лексема проникла в бацбийский язык.

Значительная давность бытования этого слова на картвельской почве подтверждается существующими едва ли не во всех языках продолжениями производной от него глагольной основы **γwiw-* 'тлеть, мерцать' (ср. груз. *γviv-* при мегр. *γvivv-*, лаз. *тγ-*, в принадлежности которого сюда остаются серьезные сомнения, а также сван. *γ(w)iw-*), соотносимой с общекартвельским состоянием [Климов 1964: 203; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 348]. Семантическим основанием наличия такой связи служит то известное из этнологии обстоятельство, что тление можжевельника некогда широко использовалось как на Кавказе, так и в других регионах Евразии в целях ритуального окуривания (см. ниже).

Специфика фонологической структуры картвельского корня, в частности, необычный для исконных односложных форм вокализм, позволяют считать ее неисконной. Усматривавшуюся в одной из работ связь слова с абх. *а-тγ* 'колючник' трудно принять не только по фонетическим, но и по семантическим причинам. Принятию значительно более интересного предположения Гр.Ачаряна о зависимости грузинского субстантива от арм. *gi* 'можжевельник' [Ачарян 1971: 554; ср. Bouda 1950: 304] препятствует фонетическая сторона материала, поскольку согласный армянского слова не передавался на картвельской почве консонантным комплексом.

В этих условиях более вероятной представляется зависимость картвельской лексемы от значительно более древней индоевропейской базы **γei-* или **Нγei-* 'гнуться, виться', послужившей со своими различными распространениями основой множества слов, обозначающих как соответствующие действия, так и реалии [ср. Pokorny 1959: 1120—1122; Mann 1986: col. 1505]. Если начальная последовательность *γw*, подобно приводимым выше примерам отвечает индоевропейскому (*Н*)*γ*, то вокализм лексемы соответствует, как и в другом приводимом в настоящей работе материале, индоевропейскому *ei*: ср. картв. **γwino-*, **li-*, **lip-*.

Избыточный сравнительно с индоевропейской основой конечный вокализм картвельских форм несомненно вторичен и является если не диминутивным аффиксом, то фонетически обусловленным эле-

ментом, служащим для суперации нетипичной для этих языков односторонней фонологической структуры (ближайшую аналогию см. далее под **li-* 'тина, ил').

Изучение истории названия можжевельника в языках различных семей позволяет констатировать, что оно распространялось по обширной территории Евразии именно как «культурное слово», вырвавшееся из-под контроля закономерностей, действующих в пределах генетически единой языковой группы [Топоров 1980: 116]. Очевидным экстралингвистическим основанием, определяющим подобное поведение лексемы, является, по всей вероятности, широко известные свойства обозначаемого ею кустарника, находившего в течение длительного времени применение в различных обрядах очищения и служившего поэтому предметом почитания.

Это качество можжевельника еще в относительно недавнем прошлом было хорошо известно на Кавказе и, в частности, в Грузии. Так, в первой половине прошлого столетия В.Савинов отмечал, что «горцы Абхазии весьма уважают можжевельник, собирают его, хранят в домах своих и верят, что он имеет силу прогонять нечистых духов и может послужить предохранительным средством от наговоров... С ними (т.е. с деревьями семейства кипарисовых) связывается символика смерти и ее преодоления как начала вечной жизни. В древности был известен обычай сжигания можжевельника при похоронах и устилания им пути умершего. Сжигание можжевельника (а также кедра и кипариса) проводилось с целью ритуального окуривания и благовоного каждения. Ритуальное значение, придаваемое этим растениям, основывается ... на таких их свойствах, как вечнозеленость, хвойность, характерный бальзамический запах (особенно при сжигании)...» [Акаба 1984: 64].

Заемствование слова из индоевропейского источника вполне правдоподобно, поскольку известно, что можжевельник служил предметом почитания и у древних индоевропейцев [Schrader 1901: 612].

Картв. **zwino-* 'вино'
~ и.-е. **weino-*

Обозначение вина — одна из наиболее ярких и древних принадлежностей культурного словаря картвельских языков, находящая свои многочисленные параллели не только в индоевропейском, но и в ряде других языковых семей Евразии — в семитских, нахско-дагестанских, финно-угорских и некоторых других языках, а также послужившая поводом к широкой дискуссии в науке. Неугасающий интерес к происхождению этого параллелизма обусловлен тем, что от его адекватной трактовки зависит решение ряда других вопросов как

собственно лингвистического, так и экстралингвистического порядка.

Груз. *ɣvino-* 'вино'

Мегр. *ɣvin-* то же

Лаз. *ɣvin-*, *ɣin-* то же

Сван. *ɣwinäl-* то же

В форме *ɣvino-* лексема широко документирована и древнейшими письменными памятниками грузинского языка, в частности, многократно повторяется в тексте перевода Библии: ср. *ɣvino da tap-luči ara suas...* 'не будет пить вина и сикера...' Лк 1₁₅; *gemoixila ... cqali igi ɣwinod gardakceuli* 'отведал (он) ... воды, сделавшейся вином' Ин 2₉. Здесь же известны и несколько ее производных [ср. Абуладзе 1973: 464]. По новогрузинским диалектам слово представлено единообразно (едва ли не единственное исключение составляет ингил. *ɣünej*). Особенностью его склонения здесь является исчезновение — вопреки действующему в других случаях правилу — конечного гласного основы в генитиве и инструменталисе.

Занские формы характеризуются отсутствием конечного вокализма, с чем сталкиваемся и в ряде других примеров: ср., в частности, картв. **otxo-* 'четыре'. В лазском иногда встречается форма без *v* [Марр 1910: 201].

В сванском слово представлено диалектными разновидностями — *ɣwinäl-* (в.-бальск.), *ɣwinal-* (н.-бальск. и лент.), *ɣwinel-* (лашх.). В языке сванской поэзии оно имеет формы *ɣwinal-* / *ɣwinäl-* (см. Сван. поэзия 10₃₅, 49₁₂, 148₂₆ и др.). Сравнение их с остальным картвельским материалом показывает, что к исторической основе лексемы здесь присоединен словообразовательный элемент — суффикс диминутива.

В целом картвельские факты приводят к реконструкции праязыкового архетипа, фонологическая структура которого явно необычна в аспекте вокализма. Подобно некоторым другим случаям, в занских языках и в сванском древний ауслатный гласный основы утрачен.

В глубокой давности бытования слова на картвельской почве, по видимому, не следует сомневаться, поскольку на нее указывают как некоторые собственно лингвистические, так и некоторые экстралингвистические свидетельства. Так, сванское обозначение вина, вызывавшее в этом отношении сомнения [ср. Климов 1964: 204], едва ли является позднейшим заимствованием из грузинского или мегрельского, так как оно выступает ныне лишь в форме, содержащей окаменелый исторический аффикс диминутива, оказываясь в едином ряду с группой исконно сванских лексем аналогичной структуры (ср. *daqəl-* 'коза', *došdul-* 'луна', *dudul-* 'сосок груди', *udil-* 'сестра', *žəmil-*

‘брат’ и некоторые другие). Об этом же, возможно, косвенно говорит наличие общекартвельского глагола **ter* : *tr*- ‘пить хмельное, пьянеть’ (ср. сван. причастие *mā-tr-e* ‘пьющий (вино)’), а также несколько других картвельских терминов виноделия, таких, как **ckend*- : *cknd*- ‘осаждать(ся), фильтровать(ся)’, **ç₁nex*- : *ç₁nix*- ‘давить виноград’, *(*s*)*a-ç₁nex-el*- ‘давиляня’, **tx̣e*- ‘осадок вина (в сосуде)’, **z₁mar*- ‘уксус’, восходящих во всяком случае к грузинско-занскому состоянию (следует учитывать, вместе с тем, что ареал распространения сванского языка в прошлом располагался несколько ближе к историческим центрам производства вина в Закавказье). Наконец, о том же должна говорить принадлежность слова к рассмотренной выше серии лексем культурной окраски, характеризующихся единой рефлексацией начального индоевропейского (*H*)*u* последовательностью *uw*.

С точки зрения хронологии знакомства картвелов с самой обозначаемой словом реалией существенно заметить, что, как это наблюдается и в других регионах мира, оно происходит здесь еще до интродукции культуры виноградарства. Археологические исследования показали, что вино было в Закавказье известно уже на рубеже III и II тысячелетий до н.э. К периоду поздней бронзы, т.е. ко второй половине II тысячелетия, относятся находки крупных глиняных амфор и чаш в Уплис-цихе, Триалети и в других местностях Грузии. Поскольку предметы, связанные с виноделием, обнаружены для II тысячелетия до н.э. только в сооружениях культового назначения, принято считать, что первоначально вино использовалось здесь исключительно как священный ритуальный напиток во время священнодействий или культовых трапез и лишь значительно позднее получило более широкое применение [ср. Киквидзе 1976: 239].

В гипотезах происхождения рассматриваемого картвельского материала, особенно в связи с его явными аналогиями в индоевропейских языках (что было впервые замечено еще Фр.Боппом, усматривавшим родство обеих языковых семей [Ворр 1846: 284; Ворр 1847: 28]), нет недостатка. Если оставить в стороне мнение Г.Гюбшмана, который находил, что картвельские формы лишь случайным образом близки к армянскому *gini*, являющемуся закономерным продолжением лежащего в его основе индоевропейского архетипа [Hübshmann 1897: 397], а также известный тезис Н.Я.Марра, согласно которому распространенное во многих языках обозначение вина является плодом словотворчества яфетидов [Марр 1933: 141], то с момента констатации этого параллелизма уже длительное время сосуществуют две основные точки зрения на его происхождение. Одна из них считает картвельские лексемы заимствованными из индоевро-

пейского источника, вторая же скорее предполагает обратную зависимость.

Так, картвельские названия вина уже давно служили одним из аргументов для обоснования гипотезы «средиземноморского» происхождения их индоевропейских и семитских аналогов [ср. Ipsen 1924: 227; Lafon 1934: 42]. Позднее Г.В.Церетели прямо высказывался в пользу зависимости последних от занского (мегрельско-лазского) слова [Церетели 1947: 19]. Еще позже И.Гофман писал, что соответствующие индоевропейские лексемы восходят к несколько неопределенному «малоазийско-кавказскому» источнику [Hoffmann 1950: 228].

Однако всегда было значительно большее число сторонников точки зрения индоевропейского происхождения картвельских слов. Одним из первых авторов, сформулировавших такой взгляд, был Фр.Бопп, недвусмысленно охарактеризовавший грузинское обозначение вина как слово «очевидно индоевропейского происхождения» [Ворр 1847: 28]. В начале XX столетия А.Мейе, считавший, что индоевропейские аналоги этих слов восходят в конечном счете к некоторому «средиземноморскому» источнику, допускал для картвельских лексем армянское посредство [Meillet 1908: 163]. Вслед за Гр.Ачаряном [ср. Ачарян 1971: 559] и некоторыми другими авторами В.М.Иллич-Свитыч также полагал, что они скорее всего заимствованы из протоармянской формы, к которой восходит и арм. *gini* [Иллич-Свитыч 1964: 5].

В настоящее время эта точка зрения обычно обходится без апелляции к армянскому слову. Так, рассматривая индоевропейскую лексику виноградарства и виноделия, В.И.Георгиев пишет, что «основное значение всех этих слов ясно: они происходят от индоевропейского корня **uei-* 'вить, виться'. Их образование также ясно с точки зрения словообразования индоевропейских языков. Они имеют многочисленные соответствия во всех индоевропейских языках. Следовательно, заимствование этих слов из какого-нибудь неиндоевропейского языка исключено. Фонетические особенности армянского слова *gini* (< и.-е. **uoini̯io*), албанского *venë*, тоск. *verë* (< и.-е. **uoinā*) позволяют с большой вероятностью рассматривать их как унаследованные из индоевропейского языка-основы, а не как заимствования» [Георгиев 1958: 266]. В дальнейшем за очевидный индоевропейский характер картвельских слов высказывались автор настоящей работы [Климов 1964: 203—204], В.М.Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1964: 8, сн.12], Г.А.Меликишвили [Меликишвили 1965: 214—215], Г.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 881]. Несколько лет тому назад всестороннее обоснование индоевропей-

ского характера этого слова предпринял Ю.В.Откупщиков [Откупщиков 1985] (остается неясным, чем обусловлено недавнее высказывание А.Дибольда о том, что за обозначением вина во многих индоевропейских языках стоит старое средиземноморское культурное слово [Diebold 1992: 334], идущее вразрез с господствующим в индоевропестике представлением).

Картвельское слово не может, однако, восходить к формам исторически засвидетельствованных индоевропейских языков и, в частности, к, казалось бы, наиболее вероятным с точки зрения соответствующего культурно-исторического контекста анатолийскому или армянскому источникам. Должно быть очевидным, что обозначения вина в анатолийских языках — хеттск. *wiyana*, иероглиф. хеттск. *wiāni(a)*, лувийск. *winiyanti* (ср. Hellinger 1963: 80) — слишком далеки от картвельских форм фонетически. Вместе с тем в специальной литературе неоднократно указывалось на невыводимость рассматриваемого слова и из армянского. Так, картвельская начальная последовательность *шw*, как справедливо отмечают исследователи, не может отражать армянского *g* [Deeters 1938: 139—140; Vogt 1938: 334]. Нетрудно заметить, что встречающаяся иногда апелляция к протоармянскому *γ* является по своему существу способом избежать реальные фонетические трудности, возникающие при попытке доказательства армянского происхождения картвельского слова (необходимо подчеркнуть к тому же, что спирант *γ* возникает в армянском очень поздно — лишь в XI веке, в то время как процесс сдвига $w > g$, как полагают, должен был осуществиться здесь задолго до начала значительно более ранних армяно-хурритских контактов [ср. Diakonoff 1985: 600—601]). Как это вытекает из современных представлений о хронологии картвельско-армянского языкового взаимодействия, армянский язык распространялся в сопредельном с кавказским ареале сравнительно поздно — примерно с VII—VI вв. до н.э. [ср. Джаукян 1973: 92—93], т.е. в эпоху, когда картвельская (грузинско-занская) терминология виноградарства и виноделия уже давно должна была сложиться.

Картв. **схwi-* ‘шип, острие’
~ и.-е. **sk(h)wi(i)-*

Одна из сравнительно немногочисленных лексем, не получивших своего отражения в грузинском материале. Поскольку в одном из двух картвельских языков основа слова прослеживается по предположительному его производному, должно быть очевидным, что сама общекартвельская праформа характеризуется значительной степенью проблематичности.

Мегр. [схве-] 'шип'

Сван. *схwi-*, *схи-* 'жало (насекомого), стрела, пуля'

Ни в современном грузинском, ни в памятниках древнегрузинской литературы слова не видно.

В мегрельском оно предположительно вычленено В.М.Иллич-Свитыгчем в составе адъектива *о-схвасхв-in-aia* 'колющий, жгучий' [ср. Кипшидзе 1914: 372], где в роли производящей основы допустимо усматривать историческое *схве-* (с редупликацией), а в качестве словообразовательного средства — типично мегрельскую коаффикацию *о-* — *-in-aia*, засвидетельствованную и в ряде других случаев (ср. *о-γur-in-aia* 'волчок').

В сванских диалектах лексема выступает как самостоятельно, так и в составе композита: ср. *схwi-xemd-* (в.-бал.), *схwla-gemet-* (лашх.) 'стрела и лук', широко встречающиеся в произведениях сванского фольклора. Значение 'пуля' здесь явно вторично. Н.Я.Мартр усматривал в сванском слове этноним скифов и сближал его одновременно с груз. *тqvia-* 'свинец, пуля' [Мартр 1922: 80; Мартр 1935: 36], для чего не видно оснований.

Выведение общекартвельского архетипа возможно при условии действительно редуплицированной структуры мегрельского слова (в этимологических словарях картвельских языков оно не приводится).

Идентификация картвельских данных и их сопоставление с индоевропейским материалом принадлежит В.М.Иллич-Свитыгчу, трактовавшему их в качестве ностратического наследия [Иллич-Свитыгч 1971: 197]. И.-е. архетип **sk(h)ui(i)-* (у В.М.Иллич-Свитыгча **skuei(H)-*) 'игла, колючка растения' находит свои продолжения в кельтских, балтийских и славянских языках, где он представлен, в частности, русским *хвоя* [Рокотну 1959: 958]. Поскольку сопоставленные праформы не обнаруживают ожидавшегося при этом закономерного фонетического соотношения с их предполагаемым прототипом (ср. метатезу и образование гармонического комплекса согласных в картвельском), рассматриваемый параллелизм трактуется здесь в качестве ареального явления, а не генетически переданного наследия.

Глава III.

ИНДОЕВРОПЕИЗМЫ ГРУЗИНСКО-ЗАНСКОГО ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ

В настоящее время достаточно очевидно, что взаимодействие индоевропейских и картвельских языков не ограничивается рамками некоторой древнейшей поры и продолжается на протяжении едва ли не всех последующих эпох вплоть до исторически засвидетельствованного периода. Предметом рассмотрения в настоящей главе служат картвельские индоевропеизмы, усвоение которых, судя по совокупности характерных для них признаков как формального, так и содержательного порядка, должно было соотноситься с эпохой грузинско-занского языкового единства, т.е. с периодом не позднее конца II тысячелетия до н.э.

На современном этапе разработки проблематики имеются основания с большей или меньшей степенью достоверности говорить о принадлежности к этому пласту примерно сорока слов или основ, около половины из общего числа которых были уже выявлены предшествовавшей традицией. Их подавляющее большинство, как того и можно было ожидать, составляют субстантивы. Далее здесь находим около пятнадцати глагольных основ. И, наконец, сюда же следует отнести три-четыре лексемы, в большей или меньшей мере характеризующиеся чертами именного синкретизма (как свидетельствуют данные сравнительной грамматики картвельских языков, факт формирования лексико-грамматического класса имен прилагательных для грузинско-занского состояния не должен вызывать каких-либо сомнений [ср. Климов 1992₂]).

Относящийся к этому лексическому пласту материал, подобно рассмотренному в предшествующей главе, как правило, также представлен по конкретным языкам в соответствии с характерными формулами фонологических корреспонденций. В некоторых примерах в этом материале наблюдается фонетически закономерное соотноше-

ние идентичности форм, заметно затрудняющее обоснование столь значительной давности функционирования лексемы или основы в картвельском ареале. В подобных случаях приходится прибегать к аргументации, учитывающей как его семантическую специфику, так и его ареальную закреплённость. Лишь одна из входящих сюда лексем — обозначение жабы — оказывается представленной ныне только в языках занской ветви, однако при сопоставлении с ее предполагаемым индоевропейским антецедентом она обнаруживает реализацию характерных для исторической фонетики картвельских языков закономерностей (в частности, в виде так называемого занского передвижения гласных). Иначе говоря, речь идет о таком материале, индоевропейский прототип которого выявляет облик, ожидавшийся для потенциального грузинского соответствия занскому материалу, что дает известные основания проецировать его в грузинско-занское состояние.

Представляется, что семантическая сторона реконструируемых при этом грузинско-занских архетипов удовлетворительно отвечает ступени общественного и культурного развития картвельских племен в ту отдаленную эпоху, по существу соответствующую периоду средней и поздней бронзы на Кавказе. Здесь, в частности, возможна констатация нескольких семантических полей культурного словаря, предоставляющих возможность воспользоваться известными преимуществами групповой реконструкции. Среди этих полей видное место принадлежит лексике земледелия, скотоводства, ремесленного производства (как известно, именно к этому времени относят окончательное отделение ремесла от земледелия в Закавказье), а также металлургии. Единственную группу индоевропеизмов, в сущности, лишенных оттенка культурности, здесь составляют обозначения нетипичных для кавказской действительности атрибутов природы, соотносимых с низменной и болотистой местностью и наиболее характерных для Колхиды в западной части Закавказья, проникновение в которую картвелов в этот период не может подвергаться сомнениям.

Далее здесь должна быть отмечена весьма заметная по своему составу семантическая группа лексем и основ, соотносящаяся уже с этапом довольно развитой земледельческой культуры, и, что существенно — тяготеющей к более низким, в частности, равнинным районам Закавказья. Она представлена такими характерными единицами, как **gwal-* 'стоять (о засухе)', **wel-* 'долина, равнина', **kreb-* : *kṛb-* 'срывать, собирать (плоды)', **s₁uš-* 'иссушать (землю), заживать (о ране)', **puṭur(o)-* 'гнилой, гниль (о плодах, деревьях)'.

С культурно-исторической точки зрения, в высшей степени интересной подгруппой этого же круга слов являются несколько обозна-

чений атрибутов виноградарства и виноделия (в аспекте высотности этой культуры необходимо учитывать, что зона произрастания сортов культурного винограда в Закавказье, по-видимому, не превышает 800—1000 метров над уровнем моря). Если отвлечься от малодоказательных в этом отношении находок в археологических комплексах виноградных косточек переходной фазы развития, а также от длительного промежутка времени, необходимого для отчетливого становления различных видов культурного винограда в этом регионе, то следует признать, что к концу II тысячелетия до н.э., т.е. в поздне-бронзовую эпоху, эта культура уже достигала здесь достаточно высокого уровня своего развития. Как известно, последнее обстоятельство наиболее очевидным образом вытекает из обнаружения в археологических комплексах того времени древнейшего инструмента подрезки лозы — специальных серпов — и семян, а также, по крайней мере, двух разновидностей культурного винограда. Ингредиенты этой лексической группы представлены в настоящей главе такими грузинско-занскими архетипами, как **guda-* ‘бурдюк (из кишок)’, **wenāq-* ‘лоза (виноградная)’, **sxal-* : **sxl-* ‘срывать(ся), оступаться’, **çkënd-* : **çknd-* ‘осаждать(ся), фильтровать(ся)’. Степень выработанности этой терминологии для столь отдаленной эпохи отчетливо подтверждается также теми ее составляющими, которые имеют собственно картвельское происхождение и должны восходить к исторически нейтральной категории исконного словаря.

К разряду скотоводческой лексики здесь должны быть отнесены прежде всего такие грузинско-занские лексемы, как **dola-* ‘безрогий’, **werz₁-* ‘самец, баран’, **tel-* ‘поросенок (молочный)’, **pōlo-* ‘копыто (непарное)’, **kursl-* ‘пята животного’, **γor-* ‘свинья’, а также, возможно, **γoγo-* ‘теленок буйвола’. Далее к этому разряду принадлежат две глагольные основы, передающие разновидности звуковоспроизведений домашних животных — **pruṭ-* : **prṭw-* ‘фыркать (о лошади)’³ и **γru(n)ṭ-* ‘хрюкать’, явно выпадающие из соответствующей ареальной нормы подобных образований, господствующей в других автохтонных языках Кавказа, и находящие свои прямые аналогии в индоевропейском корнеслове. Встречаем здесь и две глагольные основы, отражающие практику переработки первичной сельскохозяйственной продукции у древних картвелов — **dγweb-* ‘сбивать масло’ и **γery-* ‘молоть (грубо, крупно)’. Наконец, с немалой долей условности сюда

³По-видимому, к этой основе на правах закономерного апофонического производного восходит груз.-зан. **pirṭw-* ‘легкие’. Поэтому мы воздерживаемся от принятия высказывавшегося в специальной литературе мнения о непосредственной зависимости последнего от и.-е. **pleutiō-* ‘легкие’ (к глагольной базе **pleu-* ‘плавать’) [ср. Меликишвили 1981: 72—73].

же можно отнести груз.-зан. **mēl*- 'лиса', служащее названием одного из наиболее серьезных врагов животноводства, практиковавшегося древними картвелами к концу эпохи бронзы.

Дальнейшее подразделение пласта грузинско-занских индоевропеизмов составляет материал, образующий обозначения некоторых технологий ремесленного производства в Закавказье того времени. Таковыми представляются такие глагольные основы, как **band-* 'связывать, сплетать', **bandγ-* 'сплетать, связывать', **txaz-* : *txz-* 'плести, сочинять' (реконструируемая семантика трех этих основ, по-видимому, еще не дает оснований констатировать факт их реальной синонимичности), а также **lip-* 'мазать(ся), скользить'.

К терминам металлургического производства, имеющим индоевропейское происхождение, здесь следует, вероятно, отнести два субстантива — **plenz₁*- 'медь, бронза' и **qu(w)a-* 'обух (топора), рукоять (мотыги)'.

Обращает на себя внимание принадлежность к рассматриваемому лексическому фонду трех грузинско-занских обозначений птиц, возможно, занимавших определенное место в мировоззрении древних картвельских племен — **kakab-* 'куропатка', **opor-* 'удод' и **ç₁ero-* 'журавль'. Уместно заметить, что все они являются обозначениями птиц, характеризующихся преимущественно равнинной средой обитания.

Со снижением высотности зон среды обитания древних картвелов, по всей вероятности, связан такой материал, как **gwal-* 'стоять (о засухе)', **wel-* 'долина, равнина', **mtwer-* 'пыль, пыльный вихрь' и **s₁uš-* 'иссушать' (другие лексические факты этого рода см. в следующей главе). Бросается в глаза, что именно эта лексическая группа оказывается представленной, как правило, неисконным материалом — в частности, тюркским — и в нахско-дагестанских и абхазско-адыгских языках, в истории носителей которых в значительно позднюю эпоху происходило аналогичное изменение среды обитания.

Наконец, еще одну специфическую группу грузинско-занских индоевропеизмов составляют обозначения совершенно нехарактерных для кавказской действительности атрибутов низменной и, более того, болотистой местности, с некоторой долей условности квалифицируемые в настоящей монографии в качестве колхидской лексики (набор обозначаемых в ней реалий и понятий особенно типичен для Колхиды). Ее ингредиентами здесь являются: **li(a)-* 'ил, тина', **rabo-* 'канавы, ров', **z₁webu-* 'жаба', **çumb-* 'промокать, пропитываться влагой'. Как можно судить по материалу, представленному в следующей главе, налицо и некоторые другие составляющие этой характерной категории, зафиксированные по языкам без видимой дифференци-

рованности их фонетического облика или даже лишь в одном из картвельских языков, что затрудняет их проекцию в грузинско-занское состояние. На современном этапе исследования мы, однако, воздерживаемся от возможной более конкретной экстралингвистической интерпретации колхидской лексики. Заметим только, что согласно археологическим исследованиям процесс заселения человеком Колхидской низменности должен был начаться со второй половины III тысячелетия до н.э. (в низинах Рионского и Ингурского бассейнов в значительном количестве засвидетельствованы окруженные рвами жилые холмы, относящиеся к этой эпохе). И хотя к концу бронзового века жизнь, как полагают, здесь затухает [Джапаридзе 1976: 326], со времени резкого расширения использования железа и связанного с ним подъема железоделательного производства, т.е. после XII в. до н.э., можно уже более или менее уверенно говорить о картвелах в Колхидской низменности.

О том, что и два с лишним тысячелетия тому назад экологическая обстановка в Колхиде не отличалась от современной, свидетельствуют древнегреческие авторы. В частности, у Гиппократ (IV в. до н.э.) встречаем следующую характеристику условий жизни в Колхиде. «Что касается местности по Фазису (т.е. Риону — Г.К.), то страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей. Люди проводят свою жизнь в болотах, их деревянные или тростниковые хижины построены на воде; они мало ходят пешком, только в городе или на рынке, а обыкновенно разъезжают на однодеревках вверх и вниз по каналам, которых там множество... Произрастающие там плоды все плохо удаются, отличаются дряблостью и вследствие изобилия воды не спеют как следует; поэтому они и не созревают. Поднимающийся от вод густой туман окутывает всю страну...» [Латышев 1947: 295]. С такой обстановкой согласуется и то обстоятельство, что центральные районы древней Колхиды на протяжении длительного времени чрезвычайно бедны археологическими памятниками. Так, например, еще в III тысячелетии до н.э. Колхида оставалась в стороне от ареала распространения памятников как майкопской, так и куро-араксской культуры раннебронзового века. Не менее показательным в этом отношении представляется и то, что сложившийся с XII века до н.э. в Колхиде крупный центр железопроизводства, насчитывавший до четырехсот объектов, располагался уже в предгорной полосе Колхиды [Хахутаишвили 1987: 40].

Наконец, к числу индоевропеизмов грузинско-занского хронологического уровня относится и некоторый иной материал, соотношение которого с той или иной из перечисленных семантических групп

вызывает затруднения: ср. **diga-* / *tiqa-* 'глина, почва', **kwer-* 'круглый', **tep-* : *tp-* 'греть(ся)', **o(m)pe-* 'пупок', **γrma-* 'яма, дыра'.

Усвоение двух из отмеченных выше лексем — обозначений лисы и жабы — было, вероятно, связано с табуированием соответствующих исконных картвельских слов. Как предполагал в свое время А.Мейе, именно в этих двух семантических точках на том же основании замена исконного материала имела место и в истории самих индоевропейских языков [Meillet 1906: 15]. В значительно более позднюю эпоху на аналогичном основании в грузинском и в обоих занских языках было воспринято армянское обозначение волка (ср. сохранение его вероятного исконно картвельского названия в сванском).

Рассматриваемый здесь материал содержит довольно выразительную совокупность иллюстраций основных закономерностей сравнительной фонетики картвельских языков. В частности, он подтверждает вторичность занских рефлексов пракартвельского вокализма по отношению к грузинским, т.е. реальность так называемого занского передвижения гласных (**e* > *a*, **a* > *o*). Далее здесь налицо три или четыре примера развития занских шипящих рефлексов одной серии праязыковых свистящих спирантов и аффрикат (**s*₁ > *š*, **ç*₁ > *č*, **ʒ*₁ > *ž*). Один из последних — глагольная основа **s*₁*uš-* 'иссушать (землю), сохнуть, заживать (о ране)' — демонстрирует к тому же и первичность грузинских шипящих согласных на месте их сложных занских соответствий, характеризующихся развитием самостоятельного заднеязычного сегмента. Один пример (груз.-зан. **γor-*) свидетельствует о вторичности занской аффрикаты *ž* на месте груз. *r* в исходе именной основы. Таким образом, значение древнейших индоевропейских заимствований для сравнительной фонетики картвельских языков заключается в том, что они удостоверяют адекватность целого ряда ее принципиальных положений.

В рассматриваемом здесь материале, особенно при его сопоставлении с некоторыми фактами, приведенными в предшествующей главе, заметна существенная вариативность в передаче одних и тех же фонем индоевропейских слов. Так, например, индоевропейскому палатальному *k̂* в картвельских заимствованиях отвечают то *x* (ср. **otxo-* 'четыре', **txaz-* : *txz-* 'сплетать, сочинять'), то *k* (ср. **kursl-* 'пятка, нижняя часть ноги'), то *k̂* (ср. **mkerd-* 'грудь'), а индоевропейское *s* отражается в них то как *s* (ср. **ux(o)-* 'жертвенный бык', **sxal-* : *sxl-* 'срывать(ся), оступаться'), то как *s*₁ (ср. **eks₁w-* 'шесть', **s₁uš-* 'иссушать, заживать (о ране)'), то как *ç* (ср. **çkend-* : *çknd-* 'осаждать(ся), фильтровать(ся)'), **çumb-* 'пропитываться влагой, промокать'), то как *ʒ*₁ (ср. **werʒ₁-* 'самец, баран'). Это обстоятельство, конечно, нуждается в каком-то объяснении и в соответствующих условиях может за-

ставить отказаться от части сопоставлений. В настоящее время следует учитывать то значительное временное расстояние, которое может отделять эти факты друг от друга. Далеким не тождественным может оказаться источник этих заимствований. Было бы преждевременным говорить и о позиционной специфике части этих рефлексов. Строго говоря, нерешенным остается также вопрос, насколько различны фонетически фонемы s и s_1 пракартвельской фонетической системы.

На фоне весьма заметной нестабильности картвельского материала в отражении индоевропейских фонем особое внимание обращают на себя отдельные соотношения, иллюстрируемые большим числом примеров. Если в предшествующей главе мы останавливались в этой связи на фонологической корреспонденции картв. $\gamma \sim$ и.-е. $(H)\mu$ в начале слова, то данные этой главы создают почву для подобного комментария относительно соотношения картв. $\gamma \sim$ и.-е. gh , которое наблюдается как в начале, так и в середине слова и поддерживается в нижеследующем изложении несколькими примерами — ср. груз.-зан. * $\gamma e\gamma$ - 'молоть (грубо, крупно)', * γor - 'свинья', * $\gamma o\gamma o$ - 'теленки буйвола', * $\gamma \eta ta$ - 'яма, дыра', а также рассматривавшимся в предшествующей главе картв. * $di\gamma om$ - / $di\gamma wam$ - 'чернозем'.

Нельзя не заметить, что эти примеры, не укладываясь в схему звукосоответствий между индоевропейскими и картвельскими языками, строившуюся В.М.Иллич-Свитычем в рамках его версии ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 149], удовлетворяют фонологической корреспонденции картв. $\gamma \sim$ и.-е. g/gh , намеченной в варианте ностратики, развиваемой А.Бомгардом [Bomhard 1990: 354]. Однако, даже соглашаясь с последним автором, в нашем материале невозможно усмотреть наследия, восходившего бы к некоторому предполагаемому их общему прасостоянию. Помимо нескольких лексем очевидной культурной окраски, образующих здесь определенное внутреннее единство и едва ли соответствующих уровню развития общества, реально допустимому для эпохи ностратического единства (ср. в этой связи проекцию в эпоху не позднее IX—VIII тысячелетий до н.э. уже праафразийского состояния [Дьяконов-Порхомовский 1973: 74]), здесь встречаем лексему * $\gamma \eta ta$ -, по-видимому, обнаруживающую известный индоевропейский словообразовательный элемент, особенно характерный для определенного «диалектного» ареала (уместно, впрочем, отметить и чрезвычайно широкую свободу межязыковых сопоставлений, которую предоставляет лингвисту намеченная А.Бомгардом схема звукосоответствий между компонентами его построения).

Между тем, фонетическое соотношение картв. $\gamma \sim$ и.-е. gh представляет интерес не только с точки зрения установления того индоевропейского диалектного ареала, с которым в глубоком прошлом соприкасалась картвельская языковая область, но, возможно, и в плане определения реального фонетического качества индоевропейского звонкого аспирированного. Естественно думать, что уже в самом факте отличия рефлексации и.-е. gh от отражения индоевропейского простого звонкого, не дающего в картвельском материале спиранта (для рассмотренного во II главе картвельского * $\mu\gamma(o)$ - 'ярмо, иго' предполагается антецедент типа иранского, т.е. с уже спирантизированным консонантом), можно усмотреть некоторое указание на характер «диалектной» зоны, контактировавшей некогда с картвелоязычным ареалом.

Значительно сложнее ответить в настоящее время на вопрос о конкретном фонетическом качестве индоевропейского звонкого аспирированного gh , которое, как предполагают некоторые авторы, могло иметь спирантную реализацию. Так, если Т.Я.Елизаренкова отмечает, что в части современных индоарийских языков все звонкие придыхательные в анлауте слова могут произноситься как спиранты, то такими исследователями, как А.Вальде, Э.Прокош, Й.Кноблех, О.Семереньи и др., спирантная реализация звонких придыхательных допускается, что существенно в нашем случае, и для позднего индоевропейского состояния [Эдельман 1984: 19—20].

В этих условиях естественна постановка вопроса о конкретной языковой среде, в которой мог иметь место фонетический переход $gh > \gamma$ в нашем материале. Вполне правдоподобно предположение, согласно которому он должен был происходить на собственно картвельской почве, поскольку ни для пракартвельского, ни для грузинско-занского состояния не приходится говорить о серии звонких придыхательных согласных (ср. в этой связи приводимый в этой главе случай передачи индоарийского dh характерной для фонемной синтагматики картвельских языков последовательностью $d\gamma$). Однако при современном состоянии изученности вопроса нельзя не считаться и с возможностью достаточно ранней реализации этого процесса уже в каком-то ареале праиндоевропейского (скорее всего таковым мог быть индоиранский, в котором он происходил либо на фонетическом, либо на фонологическом уровне).

Тем более трудно судить о том, образуют ли аналогию этому процессу отдельные случаи соотношения и.-е. $k(h) \sim$ картв. x в материале древнейшего и грузинско-занского пласта картвельских индоевропейцев (особенно если учесть недостаточно ясную хронологиче-

скую приуроченность серии глухих придыхательных в самом индоевропейском).

В большинстве случаев сколько-нибудь конкретный источник фигурирующего в этой главе материала неопределим. Заметное исключение в этих условиях образуют шесть примеров (один субстантив и пять глагольных основ), которые по совокупности формальных и, отчасти, семантических признаков скорее всего должны быть охарактеризованы как восходящие к языкам индоарийского круга. Сюда относятся груз.-зан. **bandγ-* 'сплетать, связывать', **gwal-* 'стоять (о засухе, жаре)', **guda-* 'бурдюк, сума', **sxal-* 'срывать(ся) с места, оступаться', **s₁uš-* 'иссушать, сохнуть', **pruʃ-* : *prʃw-* 'фыркать (о лошади)'. Есть основания думать, что эти факты идут из языка переднеазиатских (месопотамских) арийцев, появляющихся на арене истории в начале II тысячелетия до н.э. и сходящих со сцены к середине этого же тысячелетия [ср. Климов 1993: 40—49]. В следующей главе приведен еще некоторый материал такого рода, грузинско-занскую древность которого пока трудно обосновать. Для одной глагольной основы — **band-* 'связывать, сплетать' — вероятен древнеиранский источник. Еще один архетип — **dola-* 'безрогий' — странным образом близок к балтийскому материалу.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что отдельные из рассматриваемых в этой и, отчасти, в предшествующей главе лексемы проникли и в уральские (прежде всего — финно-угорские) языки. Ср. ф.-у. **saš-* 'сохнуть' (< и.-е. **saus-* то же), ф.-у. **uška-* 'бык, вол' (< индоир. **ukšā* то же), ф.-у. **warsa-* 'жеребец' (< индоир. **uarša-* 'самец домашнего животного'). В плане хронологии заимствования сравнение уральских форм с соответствующими картвельскими пока не позволяет прийти к сколько-нибудь однозначным выводам. Если исключительная архаичность таких рассмотренных во II главе форм, как **otxo-* 'четыре' и **eks₁w-* 'шесть', достаточно очевидна, то ряд фактов, отмечаемых в этой главе, выглядят моложе уральских индоиранизмов.

Наконец, в методическом аспекте целесообразно заметить, что приводимые здесь глагольные основы как будто позволяют указать на один дополнительный критерий идентификации неисконного материала, а именно — на нехарактерные для фонологической синтагматики картвельских языков консонантные последовательности, образующиеся в форме нулевой ступени аблаутного чередования. Имеются в виду последовательности *txz-*, *sxʃ-*, *ʃp-*, *ʃkɳd-* (ср. также *lg-* во II главе), вызывающие к жизни тенденцию к их суперации. Менее ярки в последнем отношении последовательности *ʃʃp-* и *ʃrd-*, наличные в основах, приводимых в IV главе,

поскольку их частичные аналогии засвидетельствованы и в исконном материале.

Картв. **band-* 'сплестать, связывать'

~ и.-е. (диал.) **band-*

Эта глагольная основа, отражающая одну из характерных отраслей ремесленного производства древних картвелов, восходит по крайней мере к грузинско-занскому состоянию.

Груз. *band-* 'сплестать, связывать, скреплять'

Мегр. *bond-* то же

В древнегрузинских памятниках основа, по-видимому, не прослеживается. В Толковом словаре С.Орбелиани она представлена производным *bandul-* (историческим причастием прош. времени с суффиксом *-ul*), обозначающим типичный атрибут старого горского быта — род лаптей со сплетенной из веревочек кожаной подошвой, предназначенных для хождения по заснеженным горам [Орбелиани 1965: 98]. Заслуживает упоминания, что эта реалия была описана еще в античное время Страбоном. В современном языке последняя лексема является диалектным достоянием, характеризующим преимущественно горную зону. В составе глагола основа налицо, например, в хевсурском *bandva-* 'сплестать, связывать', а также в гурийском диалекте, где имеет вторичную семантику 'несвязный разговор'. В других грузинских диалектах она выступает лишь в упомянутом производном [ср. Глonti 1984: 58]. Значение последнего 'валенки', отмеченное в имерском, вторично.

В мегрельском эта глагольная база прослеживается только по именному корреляту *bond-* 'плетенка, плетеный висячий мостик (через протоку)', являющемуся одним из характерных элементов колхидского словаря (в виду имеется широко распространенный в прошлом в Западной Грузии род живой переправы, соорудившейся посредством прочного сплетения через водный поток вьющихся растений, преимущественно — виноградной лозы).

Принадлежность сюда же основы сванского глагола *li-bānd-e* 'штопать, зашивать дыры', принимающаяся иногда исследователями [ср. Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 44], вызывает некоторые сомнения, поскольку, согласно правдоподобной альтернативной точке зрения, она зависит от груз. *blānd-va* 'латать, сшивать небрежно', обнаруживая долготу вокализма, компенсирующую утрату сонорного [Газделиани 1990: 26—27]. Несмотря на определенный соблазн усмотреть в сванской базе отражение приспособленности древних картвелов к горной экологической среде обитания, последнее обстоятельство дает основания воздержаться от проекции архетипа основы в общекарт-

вельское состояние, ограничившись его соотношением с уровнем грузинско-занского единства.

Картвельская основа была сопоставлена В.М.Иллич-Свитычем с и.-е. (диал.) **band-* 'связывать' на правах древнего заимствования [Иллич-Свитыч 1971: 194]. Нетрудно заметить, что она образует некоторую параллель к рассматриваемому далее груз.-зан. **bandɣ-* 'связывать, сплестать' (см.), предполагающему несколько иной индоевропейский прототип. В свете предлагаемого в последнее время значительного удревнения процесса дивергенции индоиранской языковой общности [ср. Harmatta 1981: 79] постулатия для настоящего случая некоторого древнеиранского источника представляется вполне реальной.

Картв. **bandɣ-* 'связывать, сплестать'
~ и.-е. (диал.) **bandh-*

Один из картвельско-индоевропейских параллелизмов в глагольном словаре. Подобно предшествующей, эта основа отражает ее диалектный источник, допускающий определенную конкретизацию. Наряду с несколькими другими семантически однородными глагольными базами она обозначает одну из важнейших технологий ремесленного производства древних картвелов. Реконструируется для грузинско-занского состояния.

Груз. *bandɣ-* 'связывать (сеть, ткань, паутину)'
Мегр. *bondɣ-* то же

В древнегрузинском основа, по-видимому, не засвидетельствована. Ныне она имеет наибольшее распространение в западногрузинских диалектах — гурийском, имерском, рачинском. В двух последних известны также коррелятивные именные образования *bandɣ-* и *pantɣ-* 'паутина' [Глонти 1984: 58 и 534], второе из которых отражает характерную для картвельских языков закономерность трансформации консонантного состава слова, передающую ослабленный или поверхностный способ производимого действия. Семантика этой основы охватывает фактически довольно широкую совокупность значений: 'связывать (сеть, ткань, паутину), сплестать, вить (гнездо)' и т.п.

В мегрельском основа выступает в глаголе *go-bondɣ-ua* 'связывать сеть, сплестать паутину', от которого произведено причастие прошедшего времени *go-bondɣ-il-* 'сплетенная (о паутине)'. В лазском основа, по всей видимости, отсутствует (сопоставление грузинского и занского материала см. в [Жгенти 1940: 227]).

Закономерно дифференцированный вокализм приведенного материала свидетельствует о давности бытования основы в картвельских языках и позволяет реконструировать ее грузинско-занский ар-

хетип в виде **bandy-*. Однако в схемы фонетических соотношений между индоевропейскими и картвельскими языками, намечавшиеся в обеих основных версиях ностратики, основа не укладывается.

Подобно предшествовавшему случаю, очевидна близость материала к и.-е. **bhendh-* 'связывать, вязать', широко представленному в различных ветвях индоевропейских языков [см. Rokoṅny 1959: 127; Mann 1984: col. 72]. Однако он особенно близок к индоевропейской диалектной (индоарийской) форме *bandh-* 'связывать' [см. Maughofer 1960: 406—407], отмеченной характерными признаками свершившихся в ней фонетических преобразований: ср., с одной стороны, сдвиг *e > a* в вокализме, а с другой — переход *bh > b* в консонантизме, отражающий реализацию закона Грассмана.

Картвельскую основу, таким образом, естественно считать вкладом индоарийской речи, распространенной, как предполагают, по крайней мере с первой половины II тысячелетия до н.э. в Передней Азии [ср. Maughofer 1966; он же 1974; Kammenhuber 1968]. Вместе с рассматриваемыми в этой же главе глагольными базами **band-*, и **tax-* : *txz-*, не говоря уже об исконных основах аналогичной семантики, она может свидетельствовать о той важнейшей роли, которая принадлежала в хозяйстве древних картвелов вязанию и плетению.

Картв. **gwal-* 'стоять (о засухе, жаре)'

~ и.-е. (диал.) **gwal-*

Глагольная основа, отражающая весьма характерный атрибут климата равнинной зоны крупных речных долин Центральной и Восточной Грузии, немаловажный с точки зрения практики оседлого земледельческого хозяйства древних картвелов. Основа является грузинско-занским достоянием.

Груз. *gval-* 'стоять (о засухе, жаре)'

Мегр. *gol-* то же

Эта глагольная база — как правило, в составе масдара — хорошо известна из памятников древнегрузинской литературы: ср. *da esevitari ege gualvaj...* 'и такая засуха...' Син. мн. 67₃₇ [ср. Абуладзе 1973: 97]. Толкуется она и в словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 76]. Широко представлена и по новогрузинским диалектам. В части их основа имеет упрощенный вид *gol-*: ср. тиап., кизик. *gova-* [Глonti 1984: 159]. Из грузинского она проникла в бацбийский и удинский языки, а также в некоторые из цезских, например, в бежтинский.

Закономерным мегрельским эквивалентом основы служит форма *gol-* со стяжением (независимым от аналогичного явления в восточногрузинском ареале), выступающая в современном языке в связанном состоянии с распространением *-op*: масдар *golopa-* при форме

настоящего времени *golopans* 'стоит засуха, жара' [Кипшидзе 1914: 218]. Форма *масдара* здесь антонимически противопоставлена лексеме *ჯორა-* 'сырая погода, период дождей', по аналогии с которой она и приняла свое распространение.

Груз. и мегр. основы впервые были отождествлены И.Кипшидзе [Кипшидзе 1914: 218] и в дальнейшем признавались когнатами [ср. Deeters 1926: 71; Чикобава 1938: 142; Мачавариани 1965: 91 и др.].

В лазском и сванском языках эквиваленты не засвидетельствованы. В первом таковой, видимо, вытеснен тюркизмом. В то же время приводимый в одной из работ сванский субстантив *na-gwal-ew* 'сушь' [Schmidt 1962: 100], как показывает его словообразовательная структура, является очевидным грузинизмом.

В качестве грузинско-занского архетипа основы реконструируется **gwal-* [Климов 1964: 60; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 76]. Само понятие, передаваемое этой глагольной базой, должно было стать достаточно актуальным для древних картвелов с того времени, когда они начали спускаться в речные долины Закавказья. Оно особенно существенно с точки зрения практики практики оседлого земледельческого хозяйства, и поэтому естественно думать, что индоевропейская база могла быть усвоена в период интенсификации культуры земледелия, соотносимой с эпохой грузинско-занского языкового единства (упомянем в этой связи исторически сложившееся в равнинной части Грузии и понятие так называемого «верхнего ветра», имеющего западное направление и приносящего тепло и сухость, противоположающееся понятию «нижнего ветра» восточного направления, приносящего изобилие влаги). Отсюда оказывается закономерным, что рассматриваемая основа является общей лишь для грузинского и языков занской ветви.

О достаточной давности функционирования лексемы на картвельской почве может косвенно свидетельствовать широко популярный в картвельском фольклоре мотив ниспослания злыми силами на землю беспощадной засухи. Об этом же говорят распространенные в различных районах Грузии и восходящие к языческим временам обычаи преодоления засухи посредством различных манипуляций с плугом [ср. Джавахишвили 1930: 267]. Однако наиболее объективным свидетельством этого обстоятельства являются указания грузинских археологов на то, что совместные находки пшеницы и ячменя иллюстрируют целенаправленную борьбу древних земледельцев Грузии с засухой при помощи смешанных посевов [Кушнарева-Чубинашвили 1976: 53].

Аналогичным образом, но уже в исторически позднее время, с постепенным «сползанием» в речные долины Закавказья, с картвель-

ским обозначением явления знакомились другие горцы Кавказа. Так, в частности, бацбийцы должны были усвоить лексему вместе со своим переселением в долину Алазани в XVI столетии, к которому, как полагают, относится процесс особенно интенсивного заимствования грузинизмов в их язык [Дешериев 1955: 6]. Еще позже слово должно было проникнуть в цеские языки, носители которых впервые появились в своей равнинной закавказской диаспоре — в Кахетии — примерно на рубеже XVII и XVIII столетий.

Основа сближается с диалектной индоевропейской глагольной базой **gual-* ‘пылать, жарить’ (**g(e)ulo-* ‘пылающий уголь’) [Pokorny 1959: 399], закономерные продолжения которой представлены в нескольких ветвях: ср. др.-ирл. *gūal-* ‘уголь’, др.-в.-нем. *kol, kolo* то же и особенно близкое к ней как в фонетическом, так и семантическом плане др.-инд. *jvālati* ‘пылает, горит’ [Schulze 1934: 479; Maughofer 1956: 450]. Именно с последней формой впервые и сопоставил картвельский материал М. Джанашвили [Джанашвили 1902: 31]. Качеством своего начального согласного основа не укладывается в схему фонетических соотношений, намечавшуюся для индоевропейских и картвельских языков В.М.Иллич-Свитычем в его версии ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 147].

Картв. **guda-* ‘бурдюк, сума’
 ~ и.-е. (диал.) **guda-*

Один из важнейших составляющих элементов лексики ремесла, восходящий к грузинско-занскому состоянию. Слово принадлежит к фонду древнейшего культурного словаря Евразии, объединяющего не только индоевропейские и картвельские, но и некоторые семитские языки.

Груз. *guda-* ‘бурдюк, сума’
 Мегр. *guda-* то же
 Лаз. *guda* то же

Лексема широко документирована и в наиболее ранних памятниках древнегрузинской литературы, в частности, в тексте перевода Библии, где имеет этот же семантический объем: *nuca guda moigot!* ‘не берите с собой сумы!’ Мф 10₁₀; *štađva igi orta gudata...* ‘положил (он) его в две сумы...’ IV Царств 5₂₃ [ср. Абуладзе 1973: 98]. В Толковом словаре С. Орбелиани она объясняется как обозначение кожаного местоположения и сопровождается ее отдельными производными [ср. Орбелиани 1965: 178; Орбелиани 1966: 26]. В этой же форме слово заимствовано в бежтинском и бацбийском языках.

Занские эквиваленты закономерно идентичны грузинскому [Чикобава 1938: 93].

Исходя из общепринятого мнения И.А.Джавахишвили о том, что бурдюк является одним из древнейших атрибутов материальной культуры картвелов [Джавахишвили 1964: 66], имеются основания проецировать употребление слова во всяком случае в грузинско-занское состояние. Однако его сванский аналог *gudra*- производит впечатление заимствования из другого картвельского источника в более позднее время. Вставкой своего «лишнего» сонорного он скорее всего обязан подключению его в единый ряд с серией сванских субстантивов с деривационным суффиксом *-ra*, обозначающих, в частности, и другие артефакты.

Сопоставление грузинской и занской лексем связано еще с именем Н.Я.Марра, который приводил и сванское слово, переводившееся им как 'кожаный мешок' [Marr 1915: 773]. В дальнейшем оно повторяется в других работах [Чикобава 1938: 93 и 167; Климов 1964: 66].

Обозначаемая словом реалия по сей день весьма характерна для Закавказья, а отчасти и для Северного Кавказа, где она продолжает использоваться в своих традиционных функциях. Ср. груз. *γviniš guda*, лаз. *γiniš guda* 'винный бурдюк', с одной стороны, и груз. *gudiš qveli*, мегр. *gudaš vali* 'сыр из бурдюка', с другой. В частности, она хорошо известна и произведениям грузинского и мегрельского фольклора.

В картвельском корнеслове лексема стоит изолированно, принадлежит к довольно широкой группе слов с фонологической структурой типа *CuCa-*, имеющих обычно неисконный характер. При отсутствии у нее здесь этимологии, она и теперь ложится в основу единичных производных. Широкое и давнее распространение разновидностей самой реалии не только на Кавказе и Ближнем Востоке, но и в большом ареале южной Европы (особенно на Балканах, в Италии и Испании), а также то обстоятельство, что большинство синонимов этого достояния культурного словаря оказывается заимствованиями (исключение составляет лишь груз. *txier-*, встречающееся в древнегрузинских письменных памятниках и явно восходящее к *txa-* 'коза' [ср. Marr-Brière 1931: 640; Vogt 1954: 546]), позволяют прийти к заключению, что картвельская лексема скорее всего является древним культурным заимствованием.

На вероятные индоевропейские аналогии слова в специальной литературе уже неоднократно обращалось внимание [Джаукян 1967: 64; Керкадзе 1974: 118; Климов 1981]. При этом указывается на продолжения индоевропейского **gudo-m* 'кишки, внутренности', представленные др.-инд. *gudá-ḥ* (реже *gudá-m*) 'прямая кишка', др.-макед. *γoδa* 'кишки, внутренности', др.-в.-нем. *kūt* 'кишки, потроха' [ср. Pokorny 1959: 393; Mayrhofer 1955: 339; Mann 1985: col. 302]. Хотя

эти континуанты прослеживаются в настоящее время лишь в трех или четырех ветвях индоевропейских языков, исконность здесь слова не вызывает сомнений — оно увязывается с глагольной базой *gū- : gēi- ‘изгибаться, гнуться’. А.С.Мельничук рассматривает их в качестве примеров древнейших необусловленных фонетической позицией отношений параллелизма гласных *o* и *u* в однокоренных словах исторически засвидетельствованных индоевропейских языков [Мельничук 1979: 9]. Должно быть очевидным, что картвельский материал не может зависеть от арм. *gədak* / *gudak* ‘шапка (кожаная)’, которое отнюдь не продолжает индоевропейский архетип, а скорее всего само является заимствованием из некоторого древнего переднеазиатского источника.

В пользу корректности сопоставления картвельских и индоевропейских фактов свидетельствует и то обстоятельство, что промежуточные звенья в семантике слова можно найти в германских языках, где оно, наряду с его значениями ‘кишки, потроха’, имеет еще значение ‘сумка, кошелек’. Экстралингвистической предпосылкой реальности такого семантического развития может служить широко известная практика изготовления определенных разновидностей бурдюков не из кожи, а из кишок скота (подобная традиция и поныне сохраняется в некоторых наиболее замкнутых регионах Ближнего Востока [ср. Наумкин-Порхомовский 1981: 17]).

Соображения семантического порядка подсказывают гипотезу о проникновении слова из индоевропейских языков в картвельские: если в первых — это прежде всего принадлежность номенклатуры частей организма, обнаруживающая свое отглагольное происхождение, и лишь затем — обозначение производимого артефакта, то в последних слово имеет лишь узкое, специализированное значение некоторой культурной реалии. Для конкретизации возможного пути его проникновения следует учесть то обстоятельство, что историческая индоевропейская основа на *o* здесь оказалась трансформированной в основу на *a*, что наряду с особенностями консонантизма указывает на вероятный индоиранский источник.

В заключение следует заметить, что интересные семитские параллели рассмотренному слову указаны в одном из исследований Й.Губшмида, трактующего его в качестве древнего «восточного» заимствования. По его мнению, картвельская лексема неотделима от аккад. *gūdu*, а также араб. *gowdā* ‘бурдюк для воды’ [Hubschmied 1955: 132—133]. В литературе предлагалось и прямое соположение соответствующего индоевропейского и семитского материала, встречающегося, в частности, у Л.Бруннера, рассматривающего его, впрочем, в рамках поддерживаемой им гипотезы индоевро-

нейско-семитского родства как их общее наследие [Brunner 1969: 153].

Картв. **diqa*- 'глина, почва'

~ и.-е. **deigho*-

Перед нами обозначение одного из важнейших видов сырья, использовавшегося в строительной, гончарной и прочей производственной практике древних картвелов. Лексема проецируется в эпоху грузинско-занского языкового единства.

Груз. *tixa*- 'глина'

Мегр. *dixa*-, *dexa*- 'почва, земля' > 'место'

Лаз. *dixa*-, *ndixa*- 'почва, земля'

Слово широко документировано в памятниках древнегрузинской литературы, где выступает в виде *tiqa*-: ср. *da šekmna tiqaj nerçqwisagan...* 'и сделал брение из плюновения...' Ин 9₉; *hscxo tiqa igi tualta mis brmisata...* 'помазал (он) брением глаза слепому...' Ин 9₆. В древнегрузинском оно обозначало и грязь [Абуладзе 1973: 181], в связи с чем здесь имеется и производное *tiqovan*- 'грязный'. В новогрузинской форме отражен характерный фонетический переход *q* > *x*.

В занских языках фонетическое варьирование лексемы ограничено вокализмом первого слога и возможным наращением носового сонорного в его анлауте. В мегрельском она выступает также в качестве второго компонента обозначений различного вида почв с примесью глины: ср. *dixa-čubur*- 'белая земля' (употребляется вместо мыла при мытье головы) и гурийский и имерский мегрелизм *dixa-šxo* 'род плодородной красноватой почвы'. Значение 'место' мегрельской формы явно вторично. В атинском диалекте лазского значение 'земля, почва' закреплено за *leța*- [Март 1910: 139].

Картвельский материал был генетически отождествлен еще А.Цагарели [Цагарели 1880: 35; ср. также Tseretheli 1959: 80; Климов 1964: 94—95; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 105]. В реконструкции фонетики архетипа лексемы возможны два решения: при допущении процесса регрессивной ассимиляции в грузинском слове приходим к исходному **diqa*- и, напротив, при принятии регрессивной диссимиляции в занском приходим к **tiqa*-. Есть основания полагать, что мегрельское слово первоначально обозначало глину. Об этом говорят не только приведенные выше названия различных видов почв с примесью глины, но и то обстоятельство, что лишь с освоением носителями занской речи Колхиды могли создаться условия для переноса старого обозначения глины на местные виды почвы (напротив, невероятным был бы сдвиг семантики 'земля' > 'глина' в грузинском).

Своим согласным второго слога картвельский архетип нарушает схемы фонологических корреспонденций между картвельским и индоевропейским, намечавшиеся как В.М.Иллич-Свитыгчем, так и А.Бомгардом в рамках их версий ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыгч 1971: 148; Bomhard 1990: 353].

Хотя этот архетип непосредственно не сопоставим с и.-е. **dheigho-* 'глина', он находит свои формальные аналогии в широко представленных в различных ветвях индоевропейских языков его продолжениях. Ср., в частности, особую фонетическую близость к нему форм, засвидетельствованных в греко-арийской ветви, например, греч. *τεῖχος*, мн. ч. *τεῖχεα* 'стена' и др.-инд. *dēha-* [ср. Pokorny 1959: 244—245; Маш 1984: col. 180]. Подобно нескольким другим случаям, этот архетип обнаруживает *a* в исходе основы на месте и.-е. **o* (ср. **guda-*), что также указывает на его зависимость от определенного источника. Как и в других примерах, и.-е. дифтонг *ei* передается здесь монофтонгом.

Огромная роль глины в хозяйственной жизни древних картвелов хорошо известна. Уже на развитой ступени раннебронзового века она (глинобит, армированная плетенкой глина, сырцовый кирпич) широко использовалась в Закавказье в строительном деле, изготовлении очага, производстве керамики [ср. Джавахишвили 1973]. В эпоху грузинско-занского единства эта практика получила свое дальнейшее развитие. Глина использовалась в это время для изготовления различной посуды, для облицовки деревянных конструкций и жилищ, для строительства очагов и жертвенников. Из нее делались печи для выпечки хлеба, маслобойки, различные статуэтки, печати и т.п. Поэтому, когда в индоевропейских языках среди специальных слов, относящихся к тем же видам производства, встречаем «прежде всего **a^(h)eig^(h)-* в специализированном значении 'глина, материал для гончарного производства', а также 'сооружение из глины, глинобитная стена' и **a^(h)eig^(h)-* в глагольном значении 'месить глину, лепить'» [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 707], то возникает соблазн сопоставления с ними аналогичного культурного термина картвельских языков.

Картв. **dola-* 'безрогий (бык)'

~ и.-е. (диал.) **dōlo-*

Один из характерных ингредиентов культурного словаря, отражающий лексику скотоводства у древних картвелов. Слово тяготеет к скотоводческой терминологии и хотя не относится к числу широко известных, встречается в разных областях Грузии.

Груз. *dola-* 'безрогий'

Мегр. *dulu-*, *ṭulu-* 'то же'

В древнегрузинских памятниках лексема не встречается, хотя давность бытования слова на картвельской почве не вызывает сомнений. Так, в грузинском языке оно налицо как в западных диалектах, например, в гурийском, так и в восточных — пшавском, хевсурском и др. Ср. также производное гурийск. *dulia-* 'бык со сломанными рогами' и месх. *doloḡa-* 'короткие рога крупного скота', содержащие известные словообразовательные элементы *-ia* и *-(i)ḡa* [Глonti 1984: 209, 210, 214]. О том же свидетельствует фиксация слова в Толковом словаре грузинского языка С.Орбелиани, избилующем древнегрузинскими глоссами [Орбелиани 1965: 226].

Еще более существенно то обстоятельство, что грузинская и мегрельская формы обнаруживают закономерное фонетическое соответствие, позволяющее реконструировать для них единый архетип **dola-*: для грузинско-занских общностей атрибутивной семантики в мегрельском в соответствии с занским передвижением гласных характерен переход ауслатного *a > o*, которое в соседстве с предшествующим *l* сдвигается в более узкий гласный (для других примеров подобного сдвига ср. мегр. *ḡalu-* 'ручей, овраг' при груз. *ḡelo-* 'овраг, балка', предполагающие груз.-зан. **ḡelo-*, а также лаз. *ḡvalu-* 'конский щавель' при груз. *ḡolo*, восходящие к груз.-зан. **ḡolo-*).

В лазском лексема, вероятно, вытеснена поздним тюркским заимствованием.

Грузинская и мегрельская лексемы, по-видимому, впервые сопоставленные С.М.Жгенти [Жгенти 1953: 140], стоят в картвельском корнеслове изолированно и не этимологизируются. Отсутствие их сванского эквивалента не позволяет проецировать их праформу в общекартвельское состояние, чего, впрочем, и трудно было бы ожидать в условиях вероятной несформированности лексико-грамматического класса имен прилагательных в соответствующую эпоху. Несомненный культурный оттенок слова, равно как и нехарактерный для несимволического исконно картвельского корня вокализм *o*, дают основания усматривать в этой лексеме древнее заимствование.

Приведенные картвельские обозначения безрогого скота обнаруживают далеко идущую формальную и семантическую близость к «диалектному» индоевропейскому материалу, представленному такими балтийскими формами, как лит. *duōlas* 'безрогий' (ср. также *duōlis*, *-ė* 'безрогий бык, корова') и лтш. *duōļš* 'безрогий' (ср. соответственно *duōlis*, *-e*), которые рассматриваются в одном из исследований А.Сабалаяускаса [Сабалаяускас 1964: 61]. Следует отметить в этой связи, что грузинское слово может, подобно его балтийским аналогиям, иметь не только адъективную, но и субстантивную семантику.

Касаясь балтийских фактов, следует отметить отсутствие их однозначной этимологической трактовки в специальной литературе. Так, с одной стороны, допускается, что они могут быть собственно балтийскими образованиями, построенными (в качестве *Dehnstufe*?) на базе глагола, ср. лит. *dĩlti* 'стираться, сниматься, исчезать, проходить', а с другой стороны, не исключается и возможность их усвоения из прибалтийско-финского источника, каковым представляется эст. *tohl* 'мягкое вещество рогов, ногтей' [Сабаляускас 1964: 61; Fraenkel 1955—1962: 111].

Ввиду далеко идущей общей близости картвельских фактов к балтийским (особенно на фоне некоторых других фиксируемых индоевропейских «диалектизмов» и с учетом их очевидной принадлежности к числу заимствуемых) кажется допустимой их квалификация как старых индоевропейских. Поскольку усвоение грузинско-занского архетипа из собственно балтийского источника невероятно, можно думать, что рассматриваемый параллелизм отражает какие-то индоевропейско-картвельские контакты, восходящие к ареальному взаимодействию обеих языковых семей в глубоком прошлом [ср. Климов 1989₁: 50].

Картв. **dʒweb-* 'сбивать масло'
~ и.-е. **dheubh-* : *dhubh-*

Один из важных терминов сельскохозяйственного производства, связанных с переработкой первичных продуктов скотоводства у древних картвелов. Реальность его функционирования уже в грузинско-занском состоянии поддерживается многочисленными находками маслоек в Центральной Грузии еще в археологических комплексах III тысячелетия до н.э.

Груз. *dʒweb-* 'сбивать масло'

Мегр. *dʒvab-* 'сбивать масло; шлепнуться (в воду); жадно есть'

Лаз. *m/ndʒvab-* 'сбивать масло; смешивать, месить; тухнуть'

В памятниках древнегрузинской литературы эта глагольная база пока, по-видимому, не обнаружена. Однако поскольку в них засвидетельствована закономерно (соответственно с принципами звуковой символики, принятыми в картвельских языках) соотносящаяся с ней основа *tkep-* 'взбивать, смешивать' [Абуладзе 1973: 14], ее давность не вызывает сомнений. В Толковом словаре С.Орбелиани она фигурирует в ожидавшемся для древнегрузинского написании *dʒweb-* [Орбелиани 1965: 233]. В современном грузинском основа широко известна и имеет ряд производных: форма соответствующего масдара — *dʒveba-* (ср. мтиул. *dʒoba-*). В роли прямого дополнения глагол предполагает обозначение молока.

В занских эквивалентах исходный вокализм закономерно преобразован. Лазские формы характеризуются вторичными наращением в анлауте. Хотя значение 'сбивать масло' на фоне многозначности основ здесь обычно периферийно, в обоих языках оно прослеживается достаточно отчетливо. Груз. и мегр. формы были отождествлены А.С.Чикобава [Чикобава 1938: 271].

В качестве грузинско-занского архетипа реконструируется форма **dʒweb-*. Ж. ван Гиннекен высказывал не аргументированное им далее мнение о том, что начальная консонантная последовательность основы является разложением этимологического латерального, целую серию которых он постулировал для пракартвельского состояния [Ginneken 1938: 93]. С другой стороны, с ссылкой на лазский глагол *o-dʒval-u* 'смешивать(ся)', представлявшийся некоторым соответствием грузинской и мегрельской форм, было выдвинуто предположение об исторической членимости грузинско-занского архетипа на собственно корневую морфему и исторический аффикс *-eb* [Чикобава 1938: 217; Vogt 1947: 38—39]. Обнаружение впоследствии подлинного лазского эквивалента основы лишило это толкование почвы.

Нетрудно показать и истинность повторяющейся по всему сравнению здесь материалу семантики 'сбивать масло'. Поскольку закономерными отношениями звукописи, характерными для картвельских языков, эта глагольная основа связана с груз.-зан. **tkwep-* 'взбивать (яйцо)' и диалектным груз. *iqwep-*, естественно заключить, что ее оформление звонким консонантизмом гармонирует с передачей ею более интенсивного действия. К функциям глухого аспирированного и абруптивного консонантного контура в подобных образованиях см. ниже картв. **krɛb-* : *krɛb-* и **ɕumb-*.

Реконструируемая семантика картвельского архетипа не противоречит и экстралингвистическим данным. В виду имеются многочисленные находки древних глиняных маслобоек в ряде районов Грузии. В частности, раскопки крупного археологического комплекса в Квацхелеби подтверждают факт, что уже в III тысячелетии до н.э. здесь использовались маслобойки, представлявшие собой большие сосуды с отверстиями для стекания сыворотки [Кушнарева-Чубинишвили 1970: 111]. Их частые находки в комплексах эпохи средней бронзы указывают на существование уже в это время продуктивного скотоводства в Грузии.

Напрашивается сопоставление грузинско-занской основы с и.-е. **dheubh-* : *dhubh-* 'бить, ударять' [ср. Pokorny 1959: 268; Mann 1984: col. 214]. С индоевропейским материалом она была впервые сопоставлена Г.Б.Джаукяном [Джаукян 1967: 61], передающим семантику индоевропейского архетипа как 'рассеиваться, кружиться; быть в сильном

движении; приводить в сильное движение; встряхивать, взбалтывать'. Обращает на себя внимание соотношение консонантизма в картвельской и индоевропейской основах, почти идентичное с наблюдаемым в случае с груз.-зан. **bandy-* 'связывать' (см. выше), что позволяет считать, что эта основа также отражает разновидность индоевропейской, претерпевшую действие закона Грассмана с той особенностью, что диссимиляция здесь подвергся не первый, а второй звонкий придыхательный. Существенно вместе с тем, что вокализм картвельской основы отражает не индоарийский, а некоторый другой antecedent. Налицо в ней и метатеза, результировавшая в образовании весьма обычного для анлаута картвельских языков консонантного комплекса.

Картв. **wel-* 'равнина, долина'
 ~ и.-е. **uel-*

Грузинско-занское достояние, отражающее вместе с рядом других характерных лексем этап расселения соответствующей ветви картвелов в равнинных районах Закавказья.

Груз. *vel-* 'равнина, долина, поле'
 Мегр. *ve(l)-* то же

Лексема хорошо документирована и в древнегрузинских памятниках. Ср. *caravlina igi velad twisa zovnad ḡorta...* 'послал его на поля свои пасти свиней...' Мк 15₁₅; ...*romeli velsa iqos* '...и кто на поле' Мк 24₁₈. Среди древних производных ср. синонимичное ей *velob-*, а также *velovan-* 'равнина', *velisa* 'дикий', являющееся собственно формой генитива [Абуладзе 1973: 156]. Согласно толкованию С.Орбелиани, лексема обозначает большое поле [Орбелиани 1965: 264]. В современном языке слово прежде всего обозначает долину: ср. *Alaznis veli* 'Алазанская долина'. Исторически интересен диалектный (пшав., туш.) термин *veloba-* 'военный или грабительский поход' [Глonti 1984: 225], отражающий, по-видимому, одну из сторон быта древних горцев Северного Закавказья.

Мегрельским эквивалентом слов является *ve-*, *vel-* 'равнина, поле, поляна', в котором последовательность *ve* закономерно сохраняется. В форме множественного числа *l* всегда налицо — *vel-ep-*. В лазском лексема не видно.

Из грузинского слово проникло в некоторые цезские языки Дагестана: ср. гинух. *wuli* 'равнина', цез. *Wila*, *Wulā* 'Грузия' (с легко объяснимым переносом семантики).

Грузинская и мегрельская лексемы были впервые идентифицированы П.Чарая [Чарая 1912: 34] и затем неоднократно сопоставлялись другими авторами [ср. Кипшидзе 1914: 234; Климов 1964: 82].

Г.Деетерс высказывал справедливые сомнения в возможности иногда допускавшегося ранее сближения грузинского слова с арм. *vajr* 'поле' [Deeters 1927: 67—68].

Впервые картвельский материал был поставлен в связь с древним индоевропейским источником Г.Г.Гиоргадзе [Гиоргадзе 1979: 65], имевшем при этом в виду хеттск. *wellu* 'долина, луг'. Этот материал еще более близок к индоевропейскому архетипу **uel-* 'луг, пастбище', находящему свои продолжения в целом ряде ветвей [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 824]. Диффузии слова могла способствовать присущая ему в индоевропейской традиции коннотация обиталища мертвых [ср. Иванов-Топоров 1974: 71—72].

Подобно архетипам **wenaq-* 'лоза (виноградная)' и **werz₁-* 'самец, баран' (см. ниже) анлаутное и.-е. **u* передается здесь в виде *w*, что дает основания к синхронизации их в пределах некоторой единой эпохи и таким образом хронологически обособить их от рассмотренной в предшествующей главе лексической группы, где и.-е. **u* отражается бифонемным сочетанием *ʒw*.

Картв. **wenaq-* 'лоза (виноградная)'
~ и.-е. (диал.) **u_{ein}-āg-* (**u_{ein}-āk-*)

Слово представляет собой один из важнейших элементов картвельской лексики виноградарства. Восходя вместе с несколькими другими лексемами этого круга (частично затрагиваемыми и в этой главе) к грузинско-занскому состоянию, оно удостоверяет давность соответствующей сельскохозяйственной культуры у картвелов.

Груз. *venax-* 'виноградник'
Мегр. *binex-* 'виноградная лоза'
Лаз. *binex-, benex-* то же

Лексема широко документирована и в памятниках древнегрузинской литературы, в частности, в тексте перевода Библии, где фигурирует еще с конечным *q* основы. Ср. *qastan vinṯe daasxa venaq_i...* 'некоторый человек насадил виноградник...' Мк 12₁; *da gamoaba venaqsa k_isw...* 'и привязывает к виноградной лозе (своего) осленка...' Бытия 49₁₁. Как следует уже из этих примеров, в древнегрузинском наряде со своим первоначальным значением виноградной лозы слово иногда имело и значение виноградника, характерное для новогрузинского состояния. Именно последнее атрибуируется ему и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 285]. В некоторых новогрузинских диалектах (например, в ингилойском, кахетинском) еще сохраняется форма основы с конечным *q*.

В занских языках лексема, сохранив свою исходную семантику, претерпела несколько более существенных фонетических преобразо-

ваний. В частности, здесь налицо переход $w > b$ в афлауте, а также типичный для занского материала переход $e > i$ в позиции перед носовым в середине слова [Меликишвили 1975: 125—126].

Заемствованные сванские формы *wenäq*, *wenäx* 'виноградник' неисконны и восходят к относительно позднему источнику, что следует прежде всего из их семантики [Джавахишвили 1935: 102; Schmidt 1962: 109].

Картвельские формы, близость которых была замечена еще М. Джанашивили [ср. Ergert 1895: 292], позволяют реконструировать грузинско-занский архетип **wenaq-*. Грузинское слово заимствовано в бацбийский и некоторые цезские языки.

Конечно, точка зрения о знакомстве с виноградарством уже носителей предполагаемого частью кавказоведов общекавказского языкового состояния [ср. Чикобава 1954: 41 и след.], является очевидным анахронизмом, так как виноградарство возможно лишь в условиях прочного земледельческого хозяйства. Однако глубокая древность этой культуры в Закавказье, в частности, в Центральной и Южной Грузии, не вызывает сомнений, поскольку она четко прослеживается по показаниям археологии. Так, для III тысячелетия до н.э. следы культурного винограда засвидетельствованы в таких археологических комплексах Центральной Грузии, как Квацхелеби и Хизанзантгора, а для IV—V тысячелетий до н.э. они отмечены в комплексе Шулавери (к югу от Тбилиси) [Лисицина-Прищепенко 1977: 33]. В эпоху поздней бронзы эта культура достигла здесь высокого развития, о чем говорят археологические находки в Уплис-цихе, Триалети и в других местностях Закавказья. Здесь целесообразно подчеркнуть, что раскопки ряда археологических комплексов удостоверяют факт выведения в ту отдаленную эпоху по крайней мере двух сортов виноградной лозы — *mcvane*, с одной стороны, и *rka-citel-*, с другой [Киквидзе 1976: 76]. Эпоха культивации лозы будет, вероятно, отодвинута еще несколько далее, если подтвердится мнение И.А. Джавахишвили о том, что в Грузии существуют два-три еще более древних сорта винограда [ср. Джавахишвили 1935: 530]. Укажем также на восходящий к глубокой древности культ высокоствольной виноградной лозы как некоторого воплощения древа жизни, пережитки которого сохранялись в Грузии до сравнительно недавнего времени [Бардавелидзе 1957: 56—58]. Рассматриваемая картвельская лексема вместе с рядом других, приводимых в этой и следующей главе, предоставляет в распоряжение науки и собственно языковые свидетельства подобного положения вещей.

Согласно В. Георгиеву, картвельские обозначения виноградника «сравниваются с критской глоссой Ἰβηνα: τὸν οἶνον (Гесихий).

Но кавказские слова находятся в несомненной связи с индоевропейскими **uoinā* 'лоза (вино)' и **uoino-s* 'вино' и, следовательно, заимствованы из какого-либо индоевропейского или семитского языка» [Георгиев 1958: 214—215]. Их архетип непосредственно сопоставим с диалектным и.-е. **uein-āg-*, лежащим в основе славянского **vinjaga* 'виноградная лоза' [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 649 и 881].

В связи с этой лексемой Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов не без оснований отмечают, что «заимствование специализированных культурных терминов из одного языка в другой не предполагает с необходимостью отсутствия в заимствующей такие слова культуре вещей и понятий, ими обозначаемых... При всей развитости виноградарства и виноделия в древнейшем Закавказье старые, исконно картвельские слова для основных понятий, связанных с культурой виноделия, могли быть вытеснены заимствованиями из других языков, которые и заняли в системе место исконных терминов. Помимо **ɣwino-* и **wenaq-* 'виноградник', такими иноязычными новообразованиями являются груз. *qurzen-* 'виноград' ... а также, возможно, груз. *vaz-* 'виноградная лоза'» [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 651].

Картв. **werɣ₁*- 'самец, баран'

~ и.-е. **uers-*

Слово является достоянием грузинско-занской лексики скотоводства, указывающим на интенсификацию хозяйственной жизни картвелов в эпоху после обособления сванского языка.

Груз. *verɣ-* 'баран'

Мегр. *erɣ̃-* 'баран, самец домашнего животного'

Лексема широко употребительна в памятниках древнегрузинского языка, неоднократно встречаясь, в частности, в переводе Библии: ср. *mohguaros mɣdelsa verɣi...* 'принесет священнику овна...' Левит 5₁₈; *moibt vaci ... da verɣi* 'привяжите козла ... и барана' [Абуладзе 1973: 157]. С.Орбелиани толкует ее в своем словаре как 'самец овцы' [Орбелиани 1965: 265]. В плане семантики слова древнегрузинские контексты позволяют с достаточной степенью надежности установить у него более раннее значение самца домашнего животного. Ср. *iṭgebdiṭ verɣni sxovartani...* 'стенайте, вожди (букв. 'самцы овец') стада...' Иер. 25₃₄; *ɣaɣadeba verɣebisa sxovartasa...* 'воплъ вождей стада...' Иер. 25₃₆; *sxovari sruli verɣi çeliçdeuli iqos tkuenda...* 'агнец у вас должен быть без порока, мужского пола, однолетний...' Исход 12₅.

Мегрельская форма обнаруживает рефлекс занского передвижения согласных **ɣ₁* > **ɣ̃*. Вместе с тем, можно показать, что в ее анлауте должен был иметься спирант *v*: как известно, срединный гласный *e* не подвергался в занском материале ожидаемому сдвигу в *a* лишь в

составе сочетания *we* в последнем слоге основы. Древнейшая семантика лексемы 'самец' заявляет о себе, подобно грузинскому, в составе словосочетания *ḫuri eṛḫi* 'баран', где первый компонент — 'овца' [Джавахишвили 1987: 200]. В мегрельском встречается и синоним слова в виде заимствования из абхазского.

В лазском, судя по имеющимся текстам, лексема полностью вытеснена тюркизмом.

Сопоставление груз. и мегр. форм принадлежит П.Чарая [Чарая 1895 XII: 111] и в дальнейшем повторялось несколькими авторами [Март 1911: 834; Кипшидзе 1914: 232; Джавахишвили 1937: 199; Schmidt 1962: 109; Климов 1964: 84; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 123]. Архетип рисуется в виде **wer*₃₁-.

Известные из истории науки опыты этимологизации слова на картвельском материале не вызывают доверия. Так, без аргументации осталась его характеристика в качестве «яфетического» [Март, указ. соч.]. И.А.Джавахишвили, также находивший его исконным, усматривал в его морфологической структуре исторический классный префикс *w-*, аналогичный засвидетельствованному в нахско-дагестанских языках именному показателю I (мужского) класса [Джавахишвили 1937: 199—201, 205]. Однако, как известно, этот показатель в нахско-дагестанских обозначениях животных невозможен. Это соображение отклоняют и на том основании, что остающийся по выделении предполагаемого префикса «корневой» элемент картвельского слова не увязывается с нахско-дагестанским, материалом [Reifield 1986: 243].

На возможную связь картвельских слов с индоевропейским материалом впервые указала М.К.Андроникашвили, упоминающая при этом в первую очередь сходные индоиранские формы (др.-инд. *vṛṣ-ān-* 'мужчина; жеребец; бык', перс. *gūšān* 'самец', осет. *wurs, urs* 'жеребенок'), а также более далекие формы армянского, латинского и балтийских языков [Андроникашвили 1966: 86; Цховребов 1986: 31]. Между тем, вокализм картвельского архетипа скорее указывает не на его индоиранский и, в частности, осетинский источник, как это иногда думают, а на некоторый более древний.

Отметим, что своим конечным консонантом лексема не укладывается в схемы звуковых корреспонденций, намечавшиеся между картвельскими и индоевропейскими языками в версиях ностратической гипотезы [Иллич-Свитыч 1971: 148; Bomhard 1990: 354]. Впрочем, для предполагаемой ею отдаленной эпохи едва ли приходится говорить о реальности самого обозначаемого понятия.

Картвельский материал тем не менее сопоставим на правах заимствования в формальном и семантическом планах с и.-е. **wers-* 'самец

домашнего животного', продолжениями которого являются лат. *verres* 'кабан', лит. *veršis* 'теленок', лтш. *vērsis* 'бык, вол' и др. [Рокоту 1959: 81; Mann 1986: col. 1521]. В индоевропейском материале слово имеет этимологию: это — именное производное от глагольной базы **u̯ers-* 'орошать, увлажнять, осеменять' [Euler 1985: 86]. В связи с историей анлаута картвельской лексемы интересно, что иногда эту основу реконструируют в виде *(*u̯*)*ers-* [Meid 1983: 715]. Допускают также, что исторически она может состоять из корневого **u̯er-* и распространения -*s*.

Картвельские данные особенно близки к древней атематической основе индоевропейского слова и, напротив, обособляются от ее позднейшего расширенного преобразования **u̯rs-en-*, отраженного в таких языках, как латинский (*verrēs*), с одной стороны, и индоиранские — с другой (ср. др.-инд. *vṛśā*, косв. *vṛśan-*). На картвельской почве старая консонантная последовательность в соответствии с действующей здесь фонетической тенденцией преобразована в *rʒ*₁.

Бросается в глаза, что в отличие от случаев рефлексации начального и.-е. **u̯* (или **Hu̯*) комплексом *ʒw* в наиболее древних картвельских индоевропеизмах, рассмотренных во II главе настоящей работы, здесь налицо иное его отражение, наблюдающееся также в лексемах **wel-* 'долина, равнина' и **wenaq-* 'лоза (виноградная)'. Такое различие должно говорить в пользу необходимости хронологического размежевания обоих пластов заимствований.

Наконец, в плане исследования закономерностей сравнительно-исторической фонетики картвельских языков лексема интересна тем, что вместе с приводимой далее глагольной базой **s₁u̯š-* 'иссушать, сохнуть' она свидетельствует в пользу известного положения о первичности в этих языках фонем свистящего (свистяще-шипящего?) ряда по сравнению с их шипящими продолжениями, фиксируемыми в занском и сванском ареалах.

Картв. **ʒ₁webu-* 'жаба'
 ~ и.-е. **g^hēb(h)u-*

Будучи обозначением одного из типичных представителей хтонического мира, слово является одним из ингредиентов колхидского словаря. Наличие его ныне лишь в занской ветви закрепляет его за западным ареалом картвельской языковой области. Предполагаемый в соответствии с закономерностями исторической фонетики картвельских языков архетип лексемы весьма близок к ее вероятному индоевропейскому антецеденту.

Мегр. *žvabu-* 'лягушка'
 Лаз. (*m*)*žvabu-*, (*m*)*žvabu-* 'жаба'

В грузинском соответствие слова в настоящее время не прослеживается (с занским материалом не сопоставимо, на наш взгляд, и отдаленно напоминающее его груз. *gombēšo* 'жаба').

При единообразии его формы в мегрельских диалектах, в лазском первая из форм атинская, вторая — хопская. При рассмотрении истории занских фактов возможны два решения. В отношении вызывающего некоторые трудности их начального консонанта естественно думать, что в его основе лежат z_1 или $ʒ_1$, закономерно результирующие в представленные ныне фонемы. Если же, как иногда полагают, наиболее старой из занских форм является *ʒvabu-*, то таковым может оказаться и *g*, что в не меньшей степени оправдало бы соположение картвельских слов с их индоевропейскими аналогами.

Если отклонить малоправдоподобное, на наш взгляд, мнение о зависимости лазских форм от новогреческого ξάμπια 'лягушка' [Meuser 1894: 27], то первое сопоставление лексемы с индоевропейским материалом принадлежит, по-видимому, Г.Шухардту, который предпочитал скорее связывать ее с русским *жаба* [Schuchardt 1899: 382]. Значительно позднее такая связь представлялась несомненной А.С.Чикобава [Чикобава 1938: 118] и некоторым другим авторам.

Между тем, в силу известных обстоятельств исторического порядка не приходится говорить о существовании в прошлом каких-либо опосредованных и, тем более, непосредственных картвельско-славянских контактов. Отметим в этой связи, что взаимное обособление ареалов распространения мегрельского и лазского языков полосой западногрузинских диалектов, согласно общепринятой в картвелистике точке зрения И.А.Джавахишвили, должно было наступить где-то в VI—VII вв. н.э.

Если возникновение рассматриваемой параллели не обязано игре случая, то сказанное позволяет предположить зависимость занских лексем от некоторого значительно более раннего индоевропейского прототипа, продолжения которого образуют, как известно, довольно широкую изолексу, представленную балто-славянскими, германскими и италийскими соответствиями: ср. др.-прусск. *gabawo*, вост.-слав., болг., макед. *жаба* 'лягушка, жаба' с их параллелями в других славянских языках (в качестве архетипа которых реконструируется и.-е. **gēb(h)ā-*), ряд германских форм (др.-в.-нем. *quappa, quarro*, ср.-н.-нем. *quarre, quabbe*), а также лат. *būfō, -ōnis* 'жаба'. Даже если не учитывать латинское слово, иногда сопоставляемое с другим индоевропейским материалом, необходимо признать, что остальные приведенные формы отражают «диалектное» северноевропейское образование, в качестве соответствующего индоевропейского архетипа которого обычно предлагалось **g^heb(h)-* [Pokorny 1959: 466]. Вместе с

тем, неоднократно высказывалось мнение о принадлежности слова к числу старых основ на *-и* [Specht 1947: 168; Топоров 1979: 124; Мартынов 1985: 5—6]. Нельзя полностью исключить его ономато-поэтическую природу, хотя, по мнению Э.Хэмп, предположение В.Махека о звукоподражательном происхождении слова «не является ни убедительным, ни принципиальным, ни обоснованным» [Хэмп 1983: 35].

На фоне бегло охарактеризованного индоевропейского контекста функционирования слова бросается в глаза архаичность звукового облика его картвельских аналогий (явно позднейшим развитием объясняется лишь начальный сонорный элемент, иногда встречающийся в лазской форме и отражающий хорошо известную из исторической фонетики лазского языка тенденцию). Так, в вокализме последних следует в этом плане указать, с одной стороны, на гласный *и* их исхода, а с другой стороны — на их срединный вокализм, реализующий одно из звеньев занского передвижения гласных фонем (**e > a*), характерного для исконно картвельского материала. В этом отношении рассматриваемые здесь формы оказываются в едином ряду вместе с некоторыми другими вероятными мегрельско-лазскими индоевропейскими, отсутствующими в грузинском. Если считать исходной для других занских вариаций слова форму **žvabu-*, как это предполагает, например, Н.С.Кутелиа [Кутелиа 1986: 198], то в его аналауте могло быть *g*, испытавшее аффрикатизацию уже на картвельской почве. Заметим, что рассматриваемая лексема не подчиняется формулам фонетических соотношений, намечавшихся между индоевропейскими и картвельскими языками В.М.Иллич-Свитычем и А.Бомгардом.

Что касается семантической истории приводимых занских слов, то имеются основания думать, что и в мегрельском оно первоначально обозначало жабу, о чем как будто говорит сложение *gordu-žvab(u)* — ‘большая лягушка’, первый компонент которого восходит к армянскому названию лягушки [Кипшидзе 1914: 219]. Заимствование лексем из индоевропейского источника могло быть обусловлено табуированием исконного картвельского слова. Известные различия в обозначении жабы между самими индоевропейскими языками мотивировалась А.Мейе именно на последнем основании [Meillet 1906: 15].

Картв. **tel-* ‘поросенок’
~ и.-е. **tel-* (**t^(h)el-*)

Одна из лексем, отчетливо удостоверяющих оседлую земледельческую культуру картвелов, соответствующую эпохе грузинско-за-

нского языкового единства. Вместе с **γor-* 'свинья' и **γru(n)ʔ-* 'хрюкать' она образует некоторое единое семантическое микрополе.

Груз. *tel-* 'поросенок (молочный)'

Мегр. *tu-* 'поросенок'

Лаз. *tila-* то же

В памятниках древнегрузинской литературы слово, по-видимому, не встречается. Однако в среднегрузинскую эпоху оно засвидетельствовано. Зафиксировано оно и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 307]. В современном грузинском языке лексема существенно ограничена в своей семантике арменизмом *goḥ-* 'поросенок', обозначая исключительно молочного поросенка и к тому же не составляя принадлежности литературного языка.

В мегрельском слово представлено в фонетическом облике, закономерно отвечающем грузинскому. В форме плюралиса здесь имеем **tu-l-ep-*, где *l* обычно интерпретируется в качестве исторического элемента основы, «восстанавливающегося» в позиции перед гласным суффикса множественного числа. В лазском слово малоизвестно, однако в принципе отмечено по крайней мере для хопского диалекта [Чикобава 1938: 87]. Фонетическая история его вокализма не вполне ясна. Полагают, что оно — один из примеров перехода *u > i* в лазском при сохранении более старого вокализма в мегрельском. Конечный гласный здесь, возможно, аффиксальной природы [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 89]. Семантика занских форм архаична.

Грузинский и мегрельский материал впервые увязан И.Кипшидзе [Кипшидзе 1914: 244]. Лазский эквивалент выявлен А.С.Чикобава [Чикобава, указ. соч.].

Картвельские данные восходят к праформе **tel-* [Климов 1964: 91; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 146—147]. Гипотетически прослеживаемая история ее мегрельского континуанта предполагает следующие ступени: **tel-* > **tal-* > **taw-* > **tow-* > *tu-* [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 91] (несколько отличным образом она представляется К.Х.Шмидту [Schmidt 1962: 113]). По своему звукотипу реконструируемая праформа не укладывается в схему индоевропейско-картвельских фонологических корреспонденций, намечавшихся В.М.Иллич-Свитычем в рамках разрабатывавшейся им версии ностратической гипотезы, вследствие чего она, по-видимому, и отсутствует в ряду сопоставлений, отражающих, по его мнению, ностр. **tal-* 'молодое животное' [Иллич-Свитыч 1968: 316]. В то же время выведение грузинской формы слова из конъектуры с этимологическими латеральными [Ginpeken 1938: 58] остается фактически неаргументированным.

Картвельские формы могут быть сопоставлены на правах культурного заимствования с индоевропейской лексемой **tel-*, служившей обозначением теленка, продолжения которой наиболее отчетливо представлены в вост.-лит. *tēlias*, слав. **teľę* 'теленок' [Mann 1986: col. 1375—1376], или с и.-е. **tāl-* (< **teHl-*?) 'молодое животное или растение' [Pokorny 1959:1055].

В связи с историей самой реалии следует учитывать, что начало свиноводства у картвелов относится к несомненно более позднему времени, чем у индоевропейцев, о чем, в частности, свидетельствуют специфические показания сванского материала (см. комментарий к картв. **γor-* 'свинья').

Картв. **txaz-* : *txz-* 'сплестать, сочинять'
~ и.-е. **tek's-*

Один из интригующих картвельско-индоевропейских параллелизмов в сфере глагола. Основа, по-видимому, отражает определенный уровень не только материальной, но и духовной культуры древнего картвельского общества.

Груз. *txz-* 'сочинять'

Мегр. *txoz-* 'следовать; преследовать, гнать(ся)'

Лаз. (*n*)*txoz-* 'сплестать; следовать, преследовать'.

Глагольная основа хорошо документирована и древнегрузинскими литературными памятниками, в которых вполне отчетливо выступало и ее значение 'сплестать' как в прямом, так и в метафорическом смысле. Ср. *šetxzes gwirgwini eḡaltagan...* 'плели венец из терна' Мф 27₂₉ при *enaj šeni txzvida zakuvasa...* 'язык твой сплелал наушёнья...' Псалм. 49₁₉. Налицо здесь и форма масдара (*še*)*txzna*, а также ряд производных имен [Абуладзе 1973: 186 и 319]. В древне-грузинском еще сохранялась и полная ступень аблаутного чередования основы — *vtxaz* 'я плел', *na-txaz-* 'коса' [ср. Орбелиани 1965: 571].

В языках занской ветви, напротив, основа представлена ныне лишь формой, отражающей полную ступень ее огласовки. В мегрельском (форма масдара — *txoz-in-*) ее исходная семантика не сохранилась. В лазском на историческую базу может наращиваться начальный сонорный.

Занский материал отождествлен А.С.Чикобава [Чикобава 1938: 285]. Его грузинский эквивалент выявлен Г.Фогтом [Vogt 1947: 68; ср. также Жгенти 1956: 93].

Для грузинско-занского состояния восстанавливается архетип **txaz-* : *txz-*, иллюстрирующий своим аблаутным чередованием давность функционирования основы на картвельской почве [ср. Климов

1964: 97; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 156]. Выступающая в нулевой ступени огласовки консонантная последовательность для картвельских языков необычна. Однако предпринятая в прошлом попытка вычленения в основе уникального исторического суффикса *-z* [Vogt 1947: 58] в дальнейшем не получила поддержки.

Первый шаг к соположению картвельского и индоевропейского материала был сделан Г.Б.Джаукяном, сопоставившим грузинско-заквказский архетип с краткой (нераспространенной) индоевропейской базой **tek-* 'плести, ткать' [Джаукян 1967: 75]. С большими основаниями картвельская основа может быть сопоставлена с и.-е. **tekʰs-* 'плести, плотничать, обрабатывать', континуанты которой широко представлены в различных ветвях индоевропейских языков. Ср. хеттск. *takš-, takkeš-* 'сочинять, предпринимать' при лат. *texere (texō)* 'плести, ткать; плотничать, строить', авест. *tašaiti* 'создает', др.-инд. *tákṣati* 'отесывает, обрабатывает дерево; создает', греч. *τέκτων* 'плотник' и т.д. [ср. Pokorny 1959: 1058; Mann 1986: col. 1374]. Существенно заметить, что индоевропейская основа рассматривается как производная от **tek-*, аналога которого в картвельском материале не видно, с распространением *s* [Polomé 1988: 117].

Яркой спецификой индоевропейской глагольной базы оказывается ее принадлежность к характеристике древнейшего поэтического стиля индоевропейской речи. «Одной из характерных особенностей индоевропейских металингвистических обозначений поэтической речи, — отмечают в этой связи Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов, — представляется метафорическое применение к поэтическому искусству терминов ремесленного производства, таких как **t(h)ekʰ(h)s-* 'изготавливать, плести, обрабатывать, лепить' в значении 'сложить песнь, сочинять...'» [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 835]. В индоевропейистике широко принята точка зрения, согласно которой в восстанавливаемом посредством сравнительной реконструкции «словосочетании» **tekʰos *tekʰs* 'Worte zimmern' наука получает по существу некоторое прямое указание на функционирование поэтического творчества ритуального содержания уже на праиндоевропейском хронологическом уровне [Schmitt 1968: 386].

В свете сказанного заслуживает внимания факт аналогичного со вмещения обоих значений — прямого и метафорического — и картвельской основой. Если учесть, что возникновение ряда далеко идущих параллелизмов в структуре древних индоевропейского и картвельского стиха приписывают именно фактору культурной диффузии [ср. Церетели 1973: 53—54], то можно высказать предположение, что и в этом отношении получило свое отражение культурное взаимодействие сторон. Ср. также народную оценку качества сти-

хотворных произведений картвельского фольклора как «выстроганных», «нанизанных» или «выстроенных».

Основа представляет собой один из примеров передачи и.-е. *k* картвельским спирантом *x*, которая отмечаются также в случаях с картв. **otxo-* и груз. *xendro-* (о котором см. в главе IV). Ср. также единообразную с одним из этих примеров консонантную метатезу, результирующую в становлении характерного для фонемной синтагматики картвельских языков гармонического комплекса децессивного ряда. Соотношение консонантизма сопоставляемых величин не укладывается в схемы фонетических соотношений, намечавшихся В.М.Иллич-Свитычем и А.Бомгардом между картвельскими и индоевропейскими языками в их версиях ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 147; Bomhard 1990: 354—355]. О глубокой давности заимствования этой глагольной базы могут говорить как аблатные отношения картвельских форм, так и архаическая семантика последних (в индоевропейском материале широко распространен семантический сдвиг 'плести' > 'ткать').

Картв. **kaqab-* 'куропатка'
~ и.-е. **kakab-*

Обозначение одного из характерных представителей кавказской фауны, объединяющееся вместе с приводимыми далее картв. **orop-* 'удод' и **ç₁ero-* 'журавль' в единое семантическое микрополе. Слово образует широкую изолексу, охватывающую помимо картвельских и индоевропейских языков некоторые семитские и иные. Сама птица, отбоящаяся, как известно, к числу равнинных, достаточно широко распространена в долинах Закавказья и издавна служила одним из предметов охоты у картвелов.

Груз. *kaqab-* 'куропатка'
Мегр. *koqobe-*, *koqobee-* то же

Лексема зафиксирована и в древнегрузинском, встречаясь, в частности, в тексте перевода Библии: ср. *qta-go kaqabman...* 'крикнула куропатка...' Иеремия 17₁₁. Налицо она и в Физиологе [ср. Абуладзе 1973: 191]. В дальнейшем толкуется у С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 351]. Ее основа принадлежит в грузинском к числу стягивающихся: ген. *kaqb-is*, инстр. *kaqb-it*. В новогрузинских диалектах слово нередко служит компонентом описательных обозначений некоторых растений. На правах заимствования оно отмечено в бацбийском языке.

В мегрельском лексема представлена в закономерно дифференцированном облике. Несколько неясно происхождение вокализма ее конца. Куропатка, сидящая на берегу реки — один из известных персонажей мегрельского фольклора. Согласно И.Кипшидзе, слово

иногда обозначает здесь чайку [Кипшидзе 1914: 260]. В лазском его соответствие не прослеживается.

Картвельский материал впервые сопоставлен К.Х.Шмидтом [Schmidt 1962: 117]. Ср. также [Климов 1964: 105; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 168]. Грузинско-занский архетип реконструируется в виде **kakab-*.

Конечно, есть определенные основания усматривать оноματοпоэтический характер слова (ср., впрочем, мнение, согласно которому звукоподражательный характер имеет лишь его корень [Джаукян 1967: 99, примеч. 26]). Бросается, однако, в глаза, что в этом случае, вопреки ожиданиям, картвельский материал явно отличен по своему звукотипу от характерных кавказских обозначений куропатки (среди других автохтонных языков Кавказа некоторое исключение составляют даргинская и андо-цезские формы, напоминающие картвельские). Против трактовки здесь слова как оноματοпоэтического определенно свидетельствует его стягивающаяся основа в грузинском.

Вместе с тем, оно не укладывается в схему звуковых соотношений между картвельскими и индоевропейскими языками, усматриваемых А.Бомгардом в рамках его версии ностратической гипотезы [ср. Bomhard 1991: 354], а своим консонантом *b* оно нарушает и аналогичную схему звукосоответствий, разработывавшуюся ранее В.М.Иллич-Свитычем [Иллич-Свитыч 1971: 147].

В силу сказанного должно быть естественным, что в литературе господствует точка зрения о контактной природе рассматриваемого параллелизма. Так, К.Х.Шмидт, следуя, по-видимому, за Гр.Ачаряном [ср. Ачарян 1973: 563], допускает возможность греческого источника слова, указывая на греч. *κακκάβη* 'серая куропатка' [Schmidt 1962: 117]. Однако греческие заимствования, как известно, не давали в картвельских языках закономерных фонетических соответствий, поскольку их усвоение относится к более позднему времени по сравнению с эпохой занского передвижения гласных. К тому же не потеряло своего значения и старое замечание О.Шрадера, согласно которому происхождение самого греческого слова ведет на Восток [Schradler 1901: 654]. В последнее время решительно преобладает мнение об ареальной природе соответствующей лексической изоглоссы. Так, автор специального исследования об истоках греческого слова [Cardona 1968], указывая на весьма отличные звукотипы, характеризующие обозначения этой птицы в неиндоевропейских языках Евразии, отрицает его оноματοпоэтическую природу и приходит к заключению об ареальной обусловленности лексемы, засвидетельствованной главным образом в индоевропейских языках. В пользу ареального стимула ее распространения высказывается, по-видимому, и

О.Семереньи [Szemerényi 1968: 194]. Эту же точку зрения отстаивает и И.Г.бшмид, считающий реконструируемую им праформу слова **kakkab-* очень древним образованием, которое не могло независимо возникнуть в соседних языковых областях [Hubschmid 1992: 41].

В свете сказанного естественно думать о некотором более раннем индоевропейском диалектном antecedente картвельской лексемы, который отражен не только в греческом, но и арм. *kakav* 'куропатка', перс. *kabk* и другими близкими формами [ср. Pokoigny 1959: 611] (в ее структуре усматривается индоевропейский суффикс, встречающийся в обозначениях животных [Maughofer 1955: 218]). С точки зрения давности функционирования слова на индоевропейской почве не лишне упомянуть хеттское *kakpara-* 'куропатка' [ср. Гиоргадзе 1979: 65], а также греческое (микенское) собственное имя кузнеца *ka-ka-po*, допускающее его отождествление с греческим обозначением птицы [Jorgo 1985: 306]. Вместе с тем фонетический облик аналогий слова, засвидетельствованных в отдельных семитских языках Передней Азии, заметно отклоняется от картвельского материала.

Картв. **kwer-* 'круглый (артефакт)'

~ и.-е. **k^her-*

Слово, по-видимому, служило первоначально обозначением класса артефактов округлой формы (преимущественно — круглых лепешек) и проецируется в грузинско-занское состояние.

Груз. *kver-* 'круглый хлебец (ритуальный)'

Мегр. *kvar-* 'колобок, круглая лепешка'

Лаз. *kva(r)-, nkvar-* 'круглая лепешка (детская)'

Лексема документирована и в древнегрузинском (ср. *scemda ... kuersa ertsა pursa...* 'роздал ... по одному хлебу...' II Царств 6₁₉; *da miartu ... purni da kuerni* 'и возьми с собой ... хлебов и лепешек' III Царств 14₃), где известны и несколько ее производных [Абуладзе 1973: 205, 209 и 338]. У С.Орбелиани она толкуется как 'круглый хлебец' [Орбелиани 1965: 398]. За более широкой семантикой, присущей слову в настоящее время — 'комоч (сухофруктов, масла), бутон' — усматривается его семантический инвариант типа 'округлый'. Бацб. *ker* и осет. *kere, čiri* 'лепешка' — очевидные грузинские заимствования [Абаев 1958: 632]. То же относится к удин. (окт.) *kveri*.

В мегр. и лаз. когнатах отражен занский сдвиг гласных. В лаз. форме налицо вариативность звукотипа. Ритуальность назначения лепешки сохраняется и в мегрельском слове, но отсутствует в лазском в связи с обращением носителей языка в ислам еще в XVI столетии. Прослеживаемая ритуальная роль круглой лепешки у древних картвелов находит свою далеко идущую аналогию в роли круг-

лых хлебцев в индоевропейской традиции (ср., в частности, каравайные обряды у славян [Иванов-Топоров 1974: 243—256]). Пережитки соответствующего ритуала до относительно недавнего времени сохранялись в Восточной Грузии, в частности, у тушин [Цоцанидзе 1987: 42—47]. Сванские аналоги слова считают заимствованными из мегрельского [Schmidt 1962: 118; Погава 1990: 79—81].

Грузинский и мегрельский когнаты были сопоставлены П.Чарая [Чарая 1895 XII: 103]. Архетип лексемы реконструируется в виде **kwer-*. В пользу давности ее бытования на картвельской почве свидетельствует наличие производного (редуплицированного) образования того же хронологического уровня **kwer-kwer-* ‘круглый’ [Климов 1964: 120; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 181], значение которого заставляет восстанавливать семантику архетипа, как отражающую древний именной синкретизм. Предполагается, что сохранению *r* в исходе основы занского слова способствовало нередкое употребление лексемы в форме множественного числа [Погава 1990: 80]. Лексема не подчиняется формуле фонетического соотношения между картвельскими и индоевропейскими языками, намеченной А.Бомгардом в рамках его версии ностратической гипотезы [ср. Bomhard 1991: 354].

Напрашивается сопоставление картвельского материала с и.-е. **k^her-* ‘круглый артефакт’, имеющим свои продолжения в нескольких ветвях индоевропейских языков, где они обычно являются субстантивами, обозначающими сосуды округлой формы [ср. Роконгу 1959: 692]. Степень корректности сближения несколько не снижается при учете иногда принимаемого значения индоевропейского слова ‘круглый’ [ср. Макаев 1970: 95].

Картв. **kreb-* : *kṛb-* ‘срывать, собирать (плоды)’
 ~ и.-е. *(*s*)*kerb(h)-* / (*s*)*kreb(h)-*

Глагольная основа, тяготеющая к лексике как собирательства, так и древнего земледелия. Восходит к грузинско-занскому состоянию. Подобно привлекаемому индоевропейскому материалу, картвельский также характеризуется однотипной вариативностью конечного консонанта, что ставит дополнительные вопросы изучения истории основы.

Груз. **kreb-* : *krib-* ‘собирать, срывать (плоды)’
 Мегр. *korob-* — то же
 Лаз. *ko(r)ob-* — то же

Основа широко свидетельствуется и в памятниках древнегрузинского языка, в частности, в библейских текстах, где она имеет конечный звонкий. Ср. *sada davkribo nağopi ese četi...* ‘некуда мне собирать

плодов...' Лк 12₁₇; *nuukue šekribian ekaltagan gurzeni...* 'собирают ли с терновника виноград...' Мф 17₁₆. Принадлежит к числу располагавших вокалическим чередованием $e \sim i \sim \emptyset$ и имевших немало производных с различными превербами. В форме с конечным глухим аспирированным основа *krep-* неоднократно фиксируется уже в языке Шота Руставели при параллельном употреблении и другой. Совокупное обследование литературных произведений XII—XVIII веков показывает, что варианты со звонким и глухим исходом основы в них не обнаруживают того четкого семантического разграничения, которое присуще им в современном языке, где именно последняя форма соотнесена с семантикой сбора плодов при абстрактном значении первой [Мартиросов 1954: 109]. Вместе с тем, такое семантическое различие обоих уже ощущалось С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 392].

Мегрельские формы основы (масдары — *korobua*, *koropua*), обнаруживая аналогичное фонетическое различие в своем исходе, характеризуются значительно слабее выраженным семантическим размежеванием [Кипшидзе 1914: 261]. Не исключено, что разновидность с аспирированным согласным обязана воздействию соответствующей грузинской.

В лазском языке налицо лишь одна форма основы — со звонким согласным в исходе, которая имеет и единую семантику.

Картвельский материал был впервые сопоставлен Н.Я.Марром [Марр 1914: 34] и предполагает реконструкцию грузинско-занского архетипа в виде **kreb-* : *kṛb-* или **krab-* : *kṛb-*, в пользу которого говорят занские данные (такое аблаутное чередование сохраняет в картвельских языках и ряд других старых глагольных основ).

Если оставить в стороне неаргументированное мнение Н.Я.Марра, усматривавшего в ходе разработки им гипотезы картвельско-семитского родства семитскую аналогию этой основе в виде трехслогового корня *qrf* 'осень, сбор плодов' [Марр 1908: 9], а также необоснованную точку зрения Ж. ван Гиннекена о происхождении элемента *kr* грузинской формы из одного из постулировавшихся им для картвельских языков латералов [Ginneken 1938: 70], то в специальной литературе заслуживает упоминания опыт этимологизации основы, исходящей из идеи ее исторической производности. В виду имеется мысль о возможной ее членимости на корень и суффиксальный элемент [Чикобава 1938: 297]. Однако положительный ответ на такое предположение давался в свое время лишь Г.Фогтом, который выделял здесь корневой элемент **kar-* : *kṛ-*, отождествлявшийся им с грузинской глагольной основой *kar-* : *kṛ-* 'спивать, связывать' [Vogt 1947: 39], что едва ли возможно принять ввиду не только значительного семантического расстояния между сравниваемыми величина-

ми, но и в связи с функциональной неопределенностью вычленимого суффиксального элемента.

С большими основаниями картвельская глагольная база может быть сопоставлена [см. Джаукян 1967: 69] с индоевропейской основой **(s)kerb(h)-* // *(s)kreb(h)-* 'срезать', представленной многочисленными продолжениями в целом ряде ветвей индоевропейских языков (ср. лит. *kerpi* 'срезаю', греч. *καρπός* 'плод', лат. *carpō* 'обрываю, срываю (плоды)', др.-в.-нем. *herbist* 'осень, время сбора урожая' и др.), характеризовавшимися лабиальным распространением индоевропейской глагольной основы **(s)ker-* 'резать, срезать' [Pokorny 1959: 944; Mann 1985: col. 492]. Сопоставление разделяется рядом картвелистов [ср. Гамкрелидзе-Иванов 1984: 878; Charachidzé 1986: 219]. Семантика картвельских форм 'собирать', по всей вероятности, вторична по сравнению со значением 'срезать (о плодах)'. В пользу большой давности заимствования картвельской основы говорят отчетливо сохраняющиеся в ней еще в древнегрузинском аблаутные чередования.

В.М.Иллич-Свитыч, сопологающий (впрочем, под знаком вопроса) этот материал с позиций своей версии ностратической гипотезы, отмечает, что его генетическое «сближение приемлемо лишь в том случае, если семантика 'собирать плоды' в индоевропейском — древняя, и совпадение с **(s)ker-p-* 'резать' случайно» [Иллич-Свитыч 1971: 330]. В то же время основа не подчиняется формулам звукосоответствий, намечаемых А.Бомгардом для картвельского и индоевропейского материала в его версии ностратики [ср. Bomhard 1990: 354].

Картв. **li-* 'ил, тина'
~ и.-е. **lei-*

Лексема, возможно, восходит к грузинско-занскому состоянию и отражает характерный атрибут необычного для кавказской действительности низменного и болотистого ландшафта и, следовательно, служит одной из составляющих фонд колхидской лексики. Ее функционирование в картвельской языковой области обнаруживает западный центр тяготения. В семантическом плане интересно, что понятия ила и тины обычно недостаточно отчетливо различаются как в картвельских, так и в нахско-дагестанских языках, нередко передаваясь единой лексемой (ср. сходное положение в армянском).

Груз. *lia-* 'ил, тина'
Мегр. [*lia-*] то же

В древнегрузинских письменных памятниках в несвязанном состоянии лексема, по-видимому, не встречается. Тем не менее ее основа здесь отчетливо прослеживается по двум композитам сходной структуры и семантики *lie-mpal-* и *lie-mqal-* 'грязь' [Абуладзе 1973:

209], вторые компоненты которых — ‘гнилой’ в одном случае и ‘смердящий’ в другом — служат определениями к первому. У С.Орбелиани слово толкуется как ‘трясина грязи’ и имеет своим синонимическим дублетом форму *laa-* [Орбелиани 1965: 406 и 418], по-видимому, сюда не относящуюся (ср. ее дагестанские аналогии типа *laħa*, *leħe*). В части новогрузинских диалектов (месх., картл., пшав.) лексема приобрела вторичную семантику лужи или запруженной воды [Глonti 1984: 381].

В мегрельской апеллятивной лексике наличие слова не подтверждается, что внушает известные сомнения в его исконности. Однако оно отложилось, по-видимому, в названии одного из сел Зугдидского района *Lia*, с обозначением которого связана упомянутая И.Кипшидзе мегрельская легенда, повествующая о гибели в одной из междоусобных войн джварского войска в трясине [Кипшидзе 1914: 273].

В лазском языке лексема не засвидетельствована.

Груз. и мегр. материал сопоставлен И.Кипшидзе [Кипшидзе, указ. соч.].

Фонологическая структура слова подобна строению нескольких других картвельских заимствований, представленных исторически односложной основой с исходом на *i* (ср. картв. **ɣwi-* ‘можжевательник’ в предшествующей главе). Как и в последнем случае, конечное *a* здесь не аффикс деривации, а фонетический элемент, посредством которого преодолевается необычная структура корневой морфемы. Слово не подчиняется схеме звуковых соотношений между картвельскими и индоевропейскими языками, намечавшейся А.Бомгардом [ср. Bomhard 1990: 356].

Грузинско-занские формы сопоставимы с индоевропейской базой **lei-* ‘илистая, жидкая почва’, представленной, как правило, с различными распространениями во многих ветвях индоевропейских языков [ср. Роконгу 1959: 662]. Очевиден параллелизм слова в отражении индоевропейского дифтонга картвельским монофтонгом с такими архетипами, как **ɣwi-* ‘можжевательник’, **ɣwino-* ‘вино’, **dīqa-* / *tīqa-* ‘глина’, **lip-* ‘мазать(ся), скользить’.

Картв. **lip-* ‘мазать(ся), лепить’

~ и.-е. **leip-*

Одно из проблематичных сопоставлений грузинско-занского хронологического уровня. Его проблематичность вызвана повторением глагольных основ подобного звукотипа (в сходных значениях) в нескольких языковых семьях, что может отражать их дескриптивную природу. Если сопоставление корректно, то оно может объясняться

как следствие воздействия более южных культур на древнее Закавказье в строительном деле и керамике.

Груз. *lip*- 'скользить, быть скользким'

Мегр. *lip*- 'мазать(ся), лепить'

В древнегрузинском основа, по-видимому, не прослеживается. В Толковом словаре С.Орбелиани отмечен связанный, вероятно, с ней субстантив *lip*- 'замерзшая почва' [Орбелиани 1965: 420]. В кизикском диалекте последнее слово функционирует как адъектив 'скользкий' [Глонти 1984: 382]. Имя действия — *lipva*. В производном причастии *galipul*- присутствует коннотация 'мажущийся, сальный (> непристойный)'.

В мегрельском основа фиксируется в самурзакано-зугдидском диалекте (имя действия — *lipua*). Ее семантика представляется архаичной, так как значение 'скользить' передается в исконном грузинско-занском наследии другими глаголами. Налицо здесь и побочное значение 'залепить (оплеуху)'. В лазском соответствия не видно.

Грузинско-занский архетип реконструируется в виде **lip*· и может входить в единое семантическое микрополе с груз.-зан. **diqa* / *tiqa*- 'глина' (см. выше). Своим конечным консонантом основа нарушает схему звукосоответствий между ностратическими языками, разрабатываемую А.Бомгардом [ср. Bomhard 1990: 353].

Существенно, что картвельская основа не имеет аналогов в других автохтонных языках Кавказа и, относясь к материалу, который нарушает характерную для них ареальную норму звуковой символики, должна быть обязана либо фактору культурного заимствования, либо некоторым более общим закономерностям звукописи.

Культурный характер основы связан с тем, что она отражает технологию строительного дела и лепной керамики. Характеризуя глинобитные жилища Закавказья эпохи III тысячелетия до н.э., археологи отмечают, что в поселениях этого времени «дома лепились друг к другу, расстояния между домами были небольшими, необходимыми для прохода (Квацхелеби, Амиранис-гора). На Шенгавите постройки располагались гнездами: вокруг круглого дома лепились хозяйственные пристройки...» [Кушнарева-Чубинишвили 1970: 31—32]. Археологи отмечают также, что куро-араксская культура, господствовавшая в Закавказье в III тысячелетии до н.э., характеризовалась разнообразными формами керамических сосудов, от изящных миниатюрных кубков до крупных, причем вся керамика была ручной лепки [Мунчаев 1975: 369].

Поскольку картвельская праформа выпадает из соответствующей «ареальной нормы» других автохтонных языков Кавказа, она может быть сопоставлена с индо-европейской глагольной базой **lep* 'мазать

(жиром), склеивать, лепить', представленной своими продолжениями во многих ветвях индоевропейских языков: ср. хеттск. *lip-* 'мазать', др.-инд. *lip-* 'мазать, намазывать', лит. *lipiti* 'липнуть', греч. *λίπος* 'жир', тохар. А *lip-* 'оставаться' [ср. Pokorny 1959: 670]. Еще ближе к ней праформа **lip-*, реконструируемая С.Манном [Mann 1986: col. 695]. Допускают, что эта индоевропейская база является распространением простой основы **lei-* 'слизистый; илистая, жидкая почва'. Для аналогичной рефлексии и.-е. дифтонга картвельским монофтонгом ср. **diga* / *tiga-*, **lia-*, **ɣwi-*, **ɣwino-*. Иногда допускают, что в самом индоевропейском имеем дело с *Lallwort*, которое хотя и не унаследовано из праязыкового состояния, принадлежит к собственному лексическому фонду его континуантов [ср. Krogasser 1962—1966: §74; Tischler 1979: 264]. Последнее предположение не препятствует сопоставлению, поскольку картвельский материал скорее всего имеет «диалектный» индоевропейский источник.

Картв. **mēl-* 'лиса'
 ~ и.-е. *(s)*mēlo-*

Несмотря на наличие этой лексемы во всех картвельских языках [Чикобава 1938: 89; Климов 1964: 125], она проецируется в эпоху не глубже грузинско-занского состояния. Ассоциативно, в частности, как обозначение врага домашней птицы, примыкает к лексике скотоводства.

Груз. *mela-* 'лиса'
 Мегр. [*mal-*] то же
 Лаз. *mel-* то же

В древнегрузинском слово известно в форме *mel-*: *utxart melsa mas...* 'скажите этой лисице...' Лк 13₃₂ [ср. Абуладзе 1973: 230]. В этой же форме оно приводится и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 466]. В современном языке лексема характеризуется распространением в виде диминутивного элемента. Ср. также груз. *melia-* 'лисичка' с синхронно выделяемым аналогичным аффиксом.

Современное мегр. *mela-* (> *meja*) 'лиса' повторяет грузинскую форму и должно быть признано новогрузинским заимствованием. С этим выводом согласуется тот факт, что само животное в Мегрелии плохо известно (в западной части мегрельского ареала для его обозначения используется описательное *ჭიჭე ჭრა*, т.е. 'маленький шакал', калькирующее соответствующее абхазское образование). Сохранилось интересное известие итальянского миссионера первой половины XVII столетия А.Ламберти, согласно которому в его время лиса в Мегрелии вообще не водилась [Ламберти 1913: 218].

Лазское *mel-* 'лиса' к настоящему времени по существу уже вытеснено тюркским обозначением животного и сохраняется в неотчетливом значении лишь в отдельных несвободных словосочетаниях (в текстах оно отражено в редчайших случаях). Оно может восходить к грузинско-занскому архетипу подобно тому, как занское *berg-* 'мотыга' (см. II главу) отражает комбинаторно обусловленное преобразование закономерного облика однокоренной глагольной основы с вокализмом *a*.

Напротив, сванские формы слова — в.-бальск., лапх. *māl-* и н.-бальск., лент. *māw-* — трудно признать закономерными соответствиями грузинской лексемы. Об этом свидетельствует их нерегулярный вокализм, отражающий как будто занское передвижение гласных, а также конечное *l*, не сохранявшееся в исходе сванских лексем общекартвельского происхождения. Таким образом, сванская форма скорее должна трактоваться как старый занизм, закономерно отвечающий грузинскому слову (о ее неисконности говорит и С.М.Жгенти, полагающий, однако, что она восходит к грузинскому слову [Жгенти 1940: 155]).

Реконструирующийся архетип **mēl-* (с долготой вокализма, диктуемой сванской основой) не находит картвельской этимологии. Очевидно, в частности, что необходимо отказаться от некогда высказывавшегося мнения о связи слова с грузинской глагольной основой *mal-* 'прятать, скрывать' [ср. Джанашвили 1902: 27]), отражающего по существу его народноэтимологическое толкование.

Мысль о возможном заимствованном характере слова в картвельских языках впервые была высказана К.Х.Шмидтом [Schmidt 1962: 124]. Конкретно с индоевропейским обозначением мелкого дикого животного **(s)mēlo-* [ср. Pokorny 1959: 721] этот субстантив был сопоставлен Г.Б.Джаукяном [Джаукян 1967: 93]. В дальнейшем это сопоставление было повторено некоторыми другими авторами [Климов 1984: 17; Рогава 1984: 111—112]. Индоевропейский архетип имеет свои продолжения в германской (ср. готск. *smals* < *smēl* 'мелкий') и кельтской (ср. др.-ирл. *mīl* 'зверь') ветвях. Ср. также реконструируемый С.Манном индоевропейский архетип **mēl-* 'животное, создание' [Mann 1986: col. 748], находящий еще более широкий круг континуантов.

Весьма вероятно табуистическая обусловленность распространения слова в картвельской языковой области (как известно, еще в средние века лиса наносила огромный ущерб сельскому хозяйству Грузии). На аналогичной почве индоевропейская лексема могла проникнуть в картвельские языки подобно тому, как позднее историческое обозначение волка оказалось здесь заменено арменизмом. Ср. в

этой связи отмечавшийся А.Мейе вслед за О.Шрадером факт табуирования обозначения лисы в истории самих индоевропейских языков, результировавший в несовпадении ее названий в их отдельных ветвях [Meillet 1906: 15].

Картв. **m̥twer*- 'пыль'
~ и.-е. **t̥wer*- : *tur*-

Лексическая изоглосса, объединяющая грузинский и языки занской ветви. Слово служит обозначением характерного атрибута древних коммуникаций в долинах крупных рек Закавказья и, таким образом, отражает этап снижения высотности зоны обитания картвелов.

Груз. *m̥tver*- 'пыль'
Мегр. *t̥ver*- то же
Лаз. *m̥tve(r)*- 'пыль; зола'

В значении 'пыль, облако пыли' лексема широко документирована памятниками древнегрузинской литературы: ср. *da iqos m̥tveri govlsa kueqanasa...* 'и поднимется пыль по всей земле...' Исход 9₁₀. Имелись здесь и производные [Абуладзе 1973: 117, 300, 481]. В Толковом словаре С.Орбелиани субстантив представлен в древнегрузинской форме [Орбелиани 1965: 528—529]. В новогрузинских диалектах распространены вторичные формы без начального сонорного или с его субституцией: ср. наряду с имер. *t̥ver*- — ингил. *t̥ör*- и лечх. *b̥t̥ver*-. В переносном значении 'хаос, смешение' грузинское слово проникло в осетинский язык [Абаев 1958: 146].

В мегрельском фонологическая структура лексемы обычно упрощена, хотя налицо и вариант *n̥t̥ver*- [Кипшидзе 1914: 328]. Неясно отношение сюда мегр. *t̥urin*- 'летать, бушевать'. В хопском диалекте лазского слова приобрело значение 'зола'.

Родство груз. и мегр. форм впервые было замечено Ал.Цагарели [Цагарели 1880: 36]. Груз. и лаз. эквиваленты отождествлены Г.Шухардтом [Schuchardt 1902: 393]. Автор настоящей работы полагал ранее, что с этими лексемами сопоставимо сван. *t̥wi*- 'земля' [Климов 1964: 138], что сопряжено с противопоставлением фонетики (древнее *r* в исходе сванской основы обычно сохраняется).

В качестве грузинско-занского архетипа реконструируется **m̥twer*- 'пыль' [Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 223]. Груз. и лаз. формы указывают на давность в них начального сонорного, по-видимому, фонетического происхождения (ср. в этой связи картв. **m̥kerd*- 'грудь' во II главе). Сохранение исторического сочетания *we* имеет свои аналогии как в усвоенном, так и в исконном материале. Для сохранения конечного *r* основы ср. картв. **k̥wer*- 'округлый'. Нельзя, однако, иск-

лючить и возможность становления этой лексической изоглоссы в процессе диффузии из одного картвельского языка в другие.

Известен прецедент этимологизации слова на картвельской почве. Согласно оставшемуся без аргументации предположению Г.В.Рогавы, оно может члениться на сегменты *m-tv-er-*, срединный элемент которого увязывался автором со срединным *t* грузинско-занского обозначения золы **tuta-* [Рогава 1962: 32]. Если рассматривать картвельскую праформу в качестве образования с деривационным префиксом *m-*, то не видно соответствующей производящей основы. В то же время лексема не укладывается в рамки схемы фонологических корреспонденций, намечавшейся между ностратическими языками А.Бомгардом [ср. Bomhard 1990: 353].

В этих условиях картвельский материал естественно сопоставить с индоевропейской глагольной базой **tuer-* : *tur-* 'крутить(ся), завихряться', широко представленной, с вторичными распространениями, в большинстве ветвей индоевропейских языков [ср. Pokorny 1959: 1100; Mall 1986: col. 1466]. Особенно близкими к картвельским формам оказываются тохар. А *twe* и тохар. В *tweye* 'пыль', а также некоторые германские продолжения основы.

Картв. **o(m)pe-* / *u(m)pe-* 'пупок'
~ и.-е. **ombh-*

Одно из весьма немногочисленных совпадений картвельских и индоевропейских языков в сфере обозначений частей тела. Первоначально лексема могла принадлежать к терминологии ритуала (например, отрезания пуповины при рождении ребенка) или иметь более сложную семантическую структуру, связанную с идеей родства или обозначения срединной сферы того или иного артефакта.

Груз. *ipe-* 'пупок'

Мегр. *отра-* 'центральное бревно крыши дома'

Лаз. *отра-* (арташ.), *итра-* (хоп., виц.-арх.) 'пупок'

В грузинском это, несомненно, старое слово. В древнегрузинских памятниках оно встречается в значении 'пупок; вершина, сердцевина' [Абуладзе 1973: 428]; ср. *ara šegixwes ipe šeni...* 'пупа твоего не отрезали...' Иез. 16₄; *damkvidrebul arian ipesa kueganisasa...* 'живут на вершине земли...' Иез. 38₁₂. В плане семантики здесь налицо характерная многозначность, находящая свои аналогии (напр., в обозначении верхней или центральной части чего-либо) во многих других (прежде всего, индоевропейских) языках [ср. Bock 1949: 250]. В современном языке лексема по существу вытеснена очевидным экспрессивным образованием *ჭიპ-*, сохраняясь лишь в значении 'глазная впадина'.

В мегрельском эквиваленте бросается в глаза полное ограничение древней семантики слова обозначением центральной, срединной детали в конструкции дома, в то время как функцию обозначения пупка и здесь взяло на себя экспрессивное *çipa-*, по-видимому, отражающее ареальную норму кавказского языкового мира (ср. распространенные здесь фонетически близкие обозначения мелкого предмета, в том числе — пупка). Подобное семантическое смещение характеризует и грузинское диалектное (нижнеимер.) *отре-* 'балка (опорная, несущая) в конструкции дома' [ср. Глонти 1984: 427] в случае, если здесь не сказалось влияние со стороны соседствующего мегрельско-грузинского ареала. Уместно заметить, что наблюдаемая и на материалах других языков закономерность распространения обозначений частей тела на названия деталей строений подчеркивалась в картвелистике еще Н.Я.Марром.

В лазском лексема в основном имеет семантику части тела, хотя и здесь встречается ее употребление в значении поясницы. В архавском диалекте налицо и параллельное *çipa-* [ср. Марр 1910: 219 и 192].

Грузинский и лазский когнаты были отождествлены А.С.Чикобава [Чикобава 1938: 69]. В дальнейшем был выявлен и их мегрельский эквивалент [Климов 1964: 186; ср. также Гамкрелидзе-Иванов 1984: 878; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 309]. В качестве грузинско-занского архетипа реконструируется форма **o(m)pe-*, анлаутный гласный которого в соседстве с лабиальными закономерно результирует в *и*. Различие конечного вокализма основы, укладываемое в рамки звукосоответствий между картвельскими языками, способно указывать на употребление лексемы в прошлом и в адъективной функции.

Близость лазского слова к индоевропейскому материалу впервые, по-видимому, отмечена Н.Я.Марром, непосредственно сопоставлявшим его с греч. *ὀμφαλός* 'пупок', существенно отличным от него фонетически [Марр 1910: 192]. Более правдоподобным выглядит сопоставление картвельского архетипа с и.-е. **ombh-* этой же семантики (известные продолжения последнего обнаруживают обычно большие фонетические отклонения [ср. Pokorny 1959: 314]). Нарушение схемы звукосоответствий между индоевропейским и картвельским звеньями ностратического построения, развивавшегося В.М.Иллич-Свитычем, внушили последнему сомнения в корректности генетического истолкования этого параллелизма [Иллич-Свитыч 1971: 248—249]. Не поддерживает наш материал и конкурирующей с ней схемы соотношений, предложенной позднее А.Бомгардом [Bomhard 1990: 353].

В пользу неисконности рассмотренного материала говорят также их резкое отличие от ареальной нормы соответствующих дескриптивных образований, господствующей в нахско-дагестанских языках и в части абхазско-адыгских (заметное исключение составляют здесь адыгские языки, где налицо материал, сопоставимый с диалектным индоевропейским), а также сохраняющееся в сванском собственно картвельское по своему происхождению обозначение пупка *šdixw-*, где начальный комплекс служит закономерным отражением древней так называемой преаспирированной разновидности общекартвельского смычного *t*.

Картв. **орор*- 'удод'
~ и.-е. **орор*- / *ерор*-

Один из трех древних картвельско-индоевропейских параллелизмов в обозначениях птиц (ср. **kaḳab-* 'куропатка' и **ç₁ero-* 'журавль'), восходящих к грузинско-занскому состоянию. Лексема широко известна во всем картвелоязычном ареале.

Груз. *орора-*, *орор*- 'удод'

Мегр. *орор*- то же

Лаз. *оратре-* то же

Слово хорошо документировано древнегрузинскими письменными памятниками, где имеет форму без позднейшего аффиксального *-a*: ...*da opori da tuḡatiobi* '...и удод и нетопырь' Левит 11₁₃; ...*romelsa saxeli eḡodebis opori* '...имя которой «опоп» Физиолог 180₁₃. В древнегрузинской форме приводит лексему и С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 611]. Омонимичное новогрузинской форме обозначение букowego орешка, засвидетельствованное в пшавском диалекте [Глonti 1984: 431], вероятно, случайное совпадение. Зафиксированная в ингилойском диалекте форма *horop-* справедливо рассматривается в литературе как вторичная [Жгенти 1953: 142] и подозрительно близка к ее древнеармянскому аналогу.

Если мегрельский когнат формально повторяет древнегрузинскую форму (ср. также диминутивное *орория-*), то его лазский эквивалент отмечен неясным изменением исходного звукотипа лексемы. Встречающиеся в сванском *орора-* и *орорй-* являются поздними грузинскими заимствованиями, поскольку содержат грузинский суффикс *-a* (ранее автор этой работы не учитывал этого обстоятельства и допускал общекартвельский характер слова [Климов 1964: 151]).

Грузинская лексема послужила источником для аналогичных форм не только сванского, но и целого ряда соседних языков Кавказа. Ср. осет. *орора* (с характерным новогрузинским суффиксом), бацб. *орор*, *ирир*, удин. (октомберийск.) *орор-*, а также формы цезских язы-

ков: беж. *orori*, а также гунз. *horori* (с экспрессивной трансформацией губного консонанта). На Западном Кавказе картвелизмами являются абх. (абж.) *a-warar*, в реальности которого информанты высказывают сомнения, и абаз. *warwar*.

Картвельские данные позволяют реконструировать грузинско-закавказский архетип **oror*-. Необычный для картвельских языков звуко-тип слова, прежде всего его вокализм, может указывать на его неисконный характер. Конечно, редуцированный тип дескриптивных образований не чужд картвельским языкам. Однако бросается в глаза, что ареальная норма обозначения удода в других автохтонных языках Кавказа резко отлична от картвельской, будучи представленной редуликативными образованиями типа *kuṭkuṭ*, *hudhud*, *wudwud*.

Говоря о картвельских формах, целесообразно иметь в виду, что в древних переднеазиатских традициях удода трактуется в качестве птицы, наделенной особой мудростью, на чем основывались представления об удоде как предводителя царства пернатых. Об особой роли удода в представлениях картвелов, возможно, свидетельствует известная грузинская легенда о молодой невестке, превратившейся в удода. Более отчетливые следы почитания удода сохраняются на Северном Кавказе [ср. Алироев 1978: 75].

Мысль о неисконном характере картвельских слов, обозначающих удода, впервые высказал А.С.Чикобава [Чикобава 1938: 105]. Согласен с ней и А.Койперс [Kuipers 1975: 85].

Ближайшая параллель картвельскому материалу налицо в индоевропейском корнеслове: ср. и.-е. **oror*- / *eror*- 'удод', продолжениями которого считаются греч. *ἔποψ*, лат. *урира*, др.-арм. *horor* / *jordor*, перс. *рира* [Рокотну 1959: 325; Джаукян 1982: 51]. Как справедливо отмечал еще Г.Деетерс, грузинская лексема во всяком случае не может быть заимствованием из армянского языка вследствие отклоняющегося губного согласного [Deeters 1926: 61]. Тем более оно не может зависеть от диалектного новоармянского *huphup*. Отрицает подобную возможность и Гр.Ачарян, приписывающий, однако, близость армянского и грузинского слов фактору случайности [Ачарян 1977: 406].

Картв. **plenz*₁- 'медь, бронза'

~ и.-е. *(s)*plēnd*-

Один из фундаментальных терминов металлургии, составляющий картвельское звено широко распространенного в древности в регионе Передней Азии обозначения меди или бронзы (соответствующая изолекса охватывает картвельские, индоевропейские, некоторые семитские и нахско-дагестанские языки). Обозначая ти-

пичный признак материальной культуры бронзового века, лексема представляет собой во всяком случае грузинско-занское достояние. Известные здесь другие, значительно более поздние названия меди и бронзы, в частности, груз. *ṛval-* и *brinṣao-*, являются лежащими на поверхности заимствованиями из исторически засвидетельствованных языков. На распространенность на Кавказе неисконных обозначений металлов, вопреки ранее бытовавшему противоположному мнению, уже неоднократно обращалось внимание [ср. Алироев 1978: 14, 52].

Груз. *spilenz-*, *pilenz-* 'медь'

Мегр. *linṣ-*, *lanṣ-* то же

В форме как с начальным сибилантом, так и без него, слово широко документировано и в древнегрузинских текстах. Ср. *ni moigebt okrosa...*, *nica pilenzsa...* 'не берите с собой ни золота..., ни меди...' Мф 10₁₃; *pilenzi teslis mopardulta mat ganubnia...* 'медные деньги у меновщиков рассыпал...' Ин 2₁₅. Отсюда имелось описательное образование *pilenzi mokmedi* 'медянщик (мастер)' [ср. Абуладзе 1973: 339 и 401]. При характерной для новогрузинского форме с начальным *s* джавахский диалект сохраняет форму без сибиланта. Поскольку последнее развитие последнего наблюдается и в ряде других заимствований с анулатным *p*, его трудно считать исторической принадлежностью слова (такое наращение служит способом суперации начального абруптива, нехарактерного для фонемной синтагматики картвельских языков). Как отмечал еще Н.Я.Март, в определенную эпоху слово должно было обозначать и бронзу [ср. Абуладзе 1973: 401].

В истории мегрельских эквивалентов лексемы в необычной для фонемной синтагматики консонантной последовательности утрачен анулатный абруптив. Их звукотип закономерно отражает специфически занские преобразования фонем. Вокализм *i* решительно преобладающей ныне формы обязан соседству исторического *e* с носовым [Меликишвили 1975: 126]. Весьма ограниченное распространение второй формы, возможно, объясняется фактором отгалкивания слова от омонимичного с ним мегр. *lanṣ-* 'ясень'.

Если в лазском лексема полностью вытеснена соответствующим тюркизмом, то сванские (лашх., лент.) *spilenz-*, *spilenṣ-* являются очевидными грузинскими заимствованиями (в остальных сванских диалектах господствует иная лексема, идущая из северокавказского источника).

Из грузинского слово проникло в бацбийский язык, где оно к настоящему времени почти полностью вытеснило исконное нахское обозначение меди [Дешериев 1955: 6].

Реконструируемый грузинско-занский архетип **plenz*₃₁ отражает важнейший атрибут картвельской культуры эпохи меди и бронзы. Как свидетельствуют данные археологии, после IV тысячелетия до н.э. в наиболее развитых регионах Передней Азии металлургию меди постепенно начинает сменять металлургия бронзы. На территории Закавказья, исторически входившего в состав обширной циркумпонтийской металлургической провинции, период ранней бронзы археологи относят к первой половине IV тысячелетия до н.э. Знаменитая куро-араксская культура III тысячелетия до н.э. уже не неолит, как это считалось в прошлом, а бронза. Теперь известно, что «первые медные серпы в Закавказье, пришедшие на смену каменным и глиняным, начали применяться уже в начале III тысячелетия до н.э. Они изготавливались здесь же, на поселениях, о чем можно судить по литому, но не откованному серпу из слоя С Хизанаант-гора. Находки серпов в значительно удаленных друг от друга пунктах свидетельствуют о широком их распространении на Южном Кавказе в первой половине III тысячелетия до н.э.» [Кушнарева-Чубинишвили 1970: 126]. Установлено, в частности, что древние горные меднорудные выработки в Верхней Сванетии суммарно датируются уже эпохой средней бронзы, наступающей с середины III тысячелетия до н.э. [Чартолани 1988: 16].

Характеризуясь необычной для исконного материала фонологической структурой, лексема стоит изолированно в картвельском корнеслове и не этимологизируется. Известная попытка Н.Я.Марра трактовать ее как «составное» название металла, в первой части которого он находил отражение племенного обозначения иберов, т.е. яфетидов-картвелов [Марр 1920: 52; Марр 1926: 212—213], носила явно импрессионистский характер и была навеяна присущей ему тенденцией усматривать в названиях различных металлов скрытые этнонимы.

В литературе уже давно замечена бесспорная связь грузинского слова с армянским *plənz*, *plənc* 'медь'. Однако, вследствие отсутствия очевидных параллелей последнему в других индоевропейских языках, исследователи, начиная с Г.Хюбшмана, склонялись к гипотезе о его «кавказском» происхождении [Hübshmann 1976: 400; Шрадер 1886: 283; Schrader 1901: 204]. С существенно прогрессирующим в дальнейшем знакомством науки с кавказским материалом, не подтверждавшим этой гипотезы (слово встречается на правах арменизма еще в удинском и на правах грузинизма — в бацбийском), распространение получило обратное мнение [ср. Марр 1901: LXVI; Ачарян 1979: 89; Bouda 1950: 303].

Вместе с тем, если учесть, что армяноязычный ареал придвигается к картвельской языковой области, наслаиваясь здесь на хурритско-урартский субстрат, в VI в. до н.э. или немного ранее, т.е. во всяком случае уже в эпоху развитого железа, такое направление заимствования являлось бы явным анахронизмом. Подобной зависимости противоречит и факт наличия закономерных звукосоответствий между грузинской и мегрельской формами, тогда как картвельские арменизмы таких соответствий не обнаруживают и, напротив, армянские картвелизмы неизменно характеризуются их дифференцированным — либо грузинским, либо занским — фонетическим обликом (на этом же основании трудно согласиться с высказывавшимся в литературе мнением о среднеперсидском источнике лексемы). Необходимо к тому же иметь в виду, что само армянское слово не исконно, а, по всей вероятности, усвоено из неизвестного источника. Картвельские формы не могут восходить и к слишком далеким от них иранским, приводимым иногда в этой связи [ср. Ачарян 1979: 88—89].

Автор этой работы предполагал ранее, что рассматриваемые обозначения меди и бронзы восходят к некоторому точнее не определенному азиатическому источнику, внешним указанием на который могло служить изолированное арабское *filiz* (< **piliz*) 'металл, белая медь', которое должно было иметь в конечном счете тот же источник [Климов 1964: 153].

В настоящее время имеется возможность предложить иную гипотезу, сопоставив картвельский материал с индоевропейской глагольной основой *(*s*)*plēnd-*, *(*s*)*pland-* 'сверкать, сиять', отраженной, в частности, такими ее продолжениями, как лат. *splendēre*, лит. *splendėti* 'светить, сверкать' и др. [Pokorny 1959: 987]. С семантическим расхождением сопоставляемого материала сравнимо аналогичное соотношение между одним из распространенных индоевропейских названий серебра и обозначением светлого и белого. Отметим также, что сопоставляемые здесь формы противоречат по своему облику схемам звуковых корреспонденций между картвельскими и индоевропейскими языками, намечавшимся В.М.Иллич-Свитычем и А.Бомгардом в их версиях ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 148; Bomhard 1990: 353].

При условии адекватности этого соположения оно способно пролить свет и на происхождение армянского слова, обычно признававшегося неизвестным. Можно думать, что и оно восходит к тому же индоевропейскому источнику на правах заимствования, в то время как сама индоевропейская глагольная основа произведена от простой базы *(*s*)*pel-* 'сверкать, блестеть' (имеющей свое закономерное про-

должение в арм. *pail* 'блеск, мерцание') посредством присоединения распространения *-d*. В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что «высокий подъем металлургического производства, который наблюдался на Кавказе в эпоху ранней бронзы, был обусловлен, возможно, предшествующим развитием и, по всей вероятности, не без определенного влияния Передней Азии. Еще в 30-х годах А.А.Иессен отмечал, что толчком и ускорителем в развитии металлообработки на Кавказе служили, вероятно, сношения с югом, и что началу собственной обработки меди здесь предшествовало в течение известного времени проникновение готовых изделий из более передовых стран» [Мунчаев 1975: 393].

Картв. **rafo-* 'ров, канава'
~ и.-е. **ghrābho-*

Слово является одним из характерных ингредиентов колхидского словаря, связанным с природной спецификой Западной Грузии (оно представлено только на западе или, точнее, юго-западе ареала картвельязычной территории). Будучи обозначением типичного артефакта в местностях, изобилующих водными ресурсами, лексема относится к фонду культурного вокабуляра.

Груз. *rafo-* 'ров, канава'

Мегр. *robu-, robo-* 'ров, канава; овраг'

Лаз *ruba, o(r)uba-* 'ров, ущелье, речка'

В памятниках древнегрузинской литературы слово, по-видимому, не засвидетельствовано. В современном грузинском языке оно имеет статус диалектного, распространенного лишь в западных диалектах — имерском, окрибском [Глonti 1984: 450].

В мегрельском его закономерным эквивалентом служит *robo-*. Однако более широкое распространение, судя по опубликованному текстовому материалу, имеет форма *robu-*, в которой налицо передвижение *o > u* в позиции в соседстве с лабиальным согласным. Этот же элемент выступает и в мегр. *ginorobu-*, переводимом информантами несколько различно ('овраг, пересеченная местность, впадина') и содержащем глагольный преверб *gino-* 'через', дающем некоторые основания даже подозревать его отглагольное происхождение, что интересно с точки зрения индоевропейского аналога основы.

Если лаз. *ruba-* характеризует хопский диалект, то *o(r)uba-* — атинский. Последняя форма по сравнению со всеми остальными трудно объяснима. Согласно мнению А.С.Чикобава, ее анлаутный гласный восходит к историческому префиксу [Чикобава 1938: 184].

Занские разновидности слова отражают занское передвижение гласных. Интересны очевидные отличия семантики лексемы по язы-

кам. Если грузинская форма обозначает только некоторый артефакт, а мегрельская соотносится как с последним, так и с природным объектом, то лазская — всецело ограничена семантикой природного объекта, что скорее всего позднейшее явление (в пользу такого решения говорит то обстоятельство, что существует грузинско-занское — если не общекартвельское — обозначение оврага **qew-* [ср. Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 495]).

В специальной литературе известен опыт этимологизации лексики на картвельской почве. А. Чинчараули сопоставляет лаз. *oruba-* с грузинским диалектным (хевс.) образованием *sa-nu-e* 'желоб у мельничной воды', которое он трактует как производное от груз. *ru(v)-* 'ручей' с циркумфиксальным оформлением *sa-* — *-e* [Чинчараули 1987: 55—56], что наталкивается на препятствия фонетического порядка. Впрочем, помимо некоторой трудности объяснения подъема *v > b* в интервокальной позиции, необходимо учитывать, что груз. *ru(v)-* является поздним заимствованием из иранского источника.

Картвельский материал может быть сопоставлен с и.-е. **ghrābhō-* 'ров, канава' [ср. Мэпп 1984: col. 334], связанным с индоевропейской глагольной базой **ghrebh-* 'скрести, рыть, копать' [ср. Pokorny 1959: 455—456]. Передача индоевропейских звонких придыхательных простыми звонкими в целом ряде случаев уже иллюстрировалась в предшествующем изложении. К отражению исхода индоевропейских основ на *o* ср. **ǵwino-*, **polo-*, **puṭuro-*, **ṣ₁ero-*. Что касается утраты заднеязычного в анилаутном консонантном комплексе, то подобное явление для грузинского и занских языков вполне допустимо (особенно при наличии в исходной форме двух придыхательных).

Несмотря на все еще недостаточную изученность Колхидской низменности в археологическом отношении, совершенно очевидно, что с древнейших времен земледелие здесь было с необходимостью связано с выполнением различных дренажных работ, направленных на осушение переувлажненных почв. Вместе с тем, по свидетельству археологов, во многих случаях поселения (точнее — так называемые жилые холмы) бронзового века в этом регионе были окружены кольцевыми рвами, по-видимому, соединявшимися между собой каналами и составлявшими в этой заболоченной местности комплексную дренажно-транспортную сеть [Кушнарева-Чубинишвили 1970: 30; Джавахишвили 1973: 358—359].

Картв. **skal-* : *skʰ-* 'срывать(ся) с места, оступаться'
 ~ и.-е. (диал.) **skhal-*

Глагольная основа, в своем несвязанном состоянии отложившаяся в одном из древних картвельских терминов виноградарства и ви-

ноделия, в состав которых входят еще несколько лексем, рассматриваемых в настоящей главе. Является одним из немногочисленных заимствований в глагольном словаре, восходящим к грузинско-занскому состоянию.

Груз. *sxal-* : *sxl-* 'срывать, подрезать (лозу)'

Мегр. (r)*sxil-* то же

Основа с рядом ее производных засвидетельствована и в памятниках древнегрузинского языка, где имела уже специализированное значение: ср. *da sxven venaqta...* 'и подрезают лозу...' Син. мн. 159₁₂; *žami sxvisaj moičia...* 'настало время подрезания (лозы)...' Хвала 2₁₂. Масдар — *sxva, gansxva; na-sxlev-* 'срезанная лоза' [Абуладзе 1973: 70, 321, 408]. В этом же значении глагол отмечается у С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 128]. Грузинский глагол заимствован в бацбийский язык: *sxla-d-dar* 'подрезать лозу, ветви'.

В мегрельском зафиксировано встречающееся преимущественно в самурзакано-зугдидском диалекте соответствие основы в виде (r)*sxil-* (информанты нередко указывают и на более широкую ее семантику подрезки фруктовых деревьев, например, груши, и вообще кустарниковых). Ныне она в основном уже вытеснена глаголом *sxunca*, первоначальная семантика которого — 'выбирать, отбирать'. Мегрельская основа закономерно отвечает грузинской форме с нулевым вокализмом.

Достаточная давность бытования основы на картвельской почве удостоверяется тем обстоятельством, что в грузинском она выявляет аблаутное чередование, а также тем, что на ней основано производное того же грузинско-занского хронологического уровня **sxl-ət-* : *sxl-ʔ-* 'срывать(ся) с места, оступаться, поскользнуться' [Март 1925: 141; Чикобава 1938: 386; Vogt 1947: 40; Климов 1964: 167; Рогова 1988₁: 16] (это образование, четко отражаемое грузинским и мегрельским материалом, характеризуется аффиксом *-(e)ʔ*, придающим семантике глагольного действия оттенок ослабленности). В этом контексте складывается впечатление, что семантическая специализация рассматриваемой здесь основы обусловлена более поздним перераспределением значения с ее производным, в результате которого за исходной основой закрепилась вторичная семантика.

Как уже отмечалось при анализе предшествовавших элементов лексики виноградарства и виноделия, к концу II тысячелетия до н. э., т. е. в позднебронзовую эпоху, практика виноградарства достигла в Закавказье уже достаточно высокой степени развития, характеризовавшейся низкоствольной формой культуры, требовавшей обязательной обрезки лозы. Это свидетельствуется тем, что в археологических комплексах этой эпохи обнаружено и древнейшее орудие под-

резки виноградной лозы — специальные бронзовые серпы [Киквидзе 1976: 96—97], сменившиеся впоследствии литыми ножами [Бохо-чадзе 1963: 194].

Усматривать в этой основе вслед за Ж. ван Гиннекеном отражение реконструированного им древнего картвельского латерального согласного [Ginneken 1938: 58] не видно оснований. Предположение о ее зависимости от армянского *scalim* 'ошибаться', *scal* 'ошибка' Г.Фогт не без оснований находит маловероятным [Vogt 1947: 42, сн.1]. И дело здесь не только в заметном семантическом расхождении форм, но и в факте наличия исторического аблаутного чередования в картвельской основе, чего невозможно ожидать от арменизмов, проникавших в картвельские языки едва ли ранее VI в. до н. э. Отметим здесь же, что рассматриваемый параллелизм не укладывается в схему фонетических корреспонденций, намечавшихся между картвельскими и индоевропейскими языками В.М.Иллич-Свитычем и А.Бомгардом в их вариантах ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 147; Bomhard 1990: 354].

Более оправданной представляется увязка картвельского материала с другим продолжением индоевропейской глагольной базы **skel-* 'оступаться, спотыкаться' — др.-инд. *skhalatē* 'оступается, спотыкается' [ср. Vogt, указ. соч.]. Семантическая сопоставимость фактов обеих языковых семей становится более отчетливой на фоне упомянутого выше грузинско-занского суффиксального производного **sxl-ət-* : *sxl-ət-* 'оступаться, поскользнуться, срывать(ся) с места'. Более правдоподобной при таком допущении, особенно если иметь в виду переднеазиатскую (месопотамскую) ветвь индоарийских языков, становится и вероятная хронологическая приуроченность заимствования. Отметим, наконец, что фонетические особенности приведенной выше армянской основы также указывают, как иногда считают, на ее неисконный характер [ср. Джаукян 1967: 219; Хачатурова 1975: 25].

Картв. **s₁uš-* 'иссушать, сохнуть'
~ и.-е. (диал.) **suš-*

Глагольная основа грузинско-занского хронологического уровня, имеющая отношение к условиям практики продуктивного земледелия в долинах Закавказья. Тяготеет к единому семантическому микрополю вместе с такими архетипами, как **wel-* 'долина, равнина' и **gwal-* 'стоять (о засухе)'.
Груз. *šuš-* 'иссушать; заживать (о ране)'
? Мегр. *škusk-* 'кипеть'
Лаз. *šusk-* 'жарить, печь'

В древнегрузинском основы не видно. У С.Орбелиани она засвидетельствована в своем частном значении 'просушка потного' [Орбелиани 1966: 310]. В современном языке, употребляясь с различными провербками, она имеет варьирующуюся семантику: ср. *gašišva* 'иссушать (например, землю)', *mošišeba* 'подсыхать, заживать (о ране)', причастие *mošišul-* 'сушеный, тушеный, жареный'. Во всех включениях основа сохраняет свой семантический инвариант.

В мегрельском достоверного соответствия грузинской форме не обнаружено. Не исключено, что оно представлено в приведенной базе, имеющей существенно отклоняющуюся семантику (и тяготеющую к разряду дескриптивных: ср. масдар *škušk-in-*).

Напротив, наличие лазского эквивалента очевидно: ср. масдар *o-šušk-i* 'жарить, печь', причастие прош. времени *šušk-er-* 'жареный, печеный'. Лазская база в соответствии с закономерностями исторической фонетики картвельских языков должна восходить к архетипу **s₁uš-*. Из него же выводится и грузинское соответствие, в котором естественно видеть следствие регрессивной ассимиляции **suš- > šuš-* (подобно тому, как это имеет место в ряде других случаев). Для мегрельской базы, характеризующейся закономерным развитием повтора уже имевшегося в основе заднеязычного элемента, исходной является форма типа лазской. Сдвиг значения в последней невелик.

Груз. и лаз. материал генетически отождествлен Г.А.Картозия [Картозия 1984: 132]. Сванский аналог основы, известный по глаголу *li-šuš-e* 'высыхать, сохнуть', по существу повторяет грузинскую форму и должен быть признан зависимым от последней.

По мнению, высказанному К.Х.Шмидтом еще в самом начале 60-х годов, грузинская основа находит свое соответствие в сван. *zəšk-i* 'сухой'. Впрочем, он же отмечал необычность фонетического соотношения груз. *š* ~ сван. *sk* (< *sg* (?)) вопреки отсутствию позиционных условий, в которых возникает последний комплекс). Очевидна при этом и нерегулярность в соотношении алаута обеих основ, вынуждавшая автора выводить картвельские формы из архетипа **duš-* [Schmidt 1962: 146], что в свою очередь не согласуется с формой лазского эквивалента основы, выявленного значительно позже. Сказанное побуждает отказаться от этой гипотезы.

Фр.Нейсер усматривал связь грузинской основы с глагольным корнем **šr-* (*šroba*, *šreša* 'высыхать, сохнуть'), однако также обращал внимание на фонетические трудности на пути соответствующего доказательства [Neisser 1953: 68].

Грузинско-занская праформа реконструируется в виде **s₁uš-* (допустимо и **suš-*). Помимо нехарактерного для исконнокартвельских корней недескриптивного происхождения вокализма основы броса-

ется в глаза совмещение в его фонологической структуре спирантов s_1 и ξ , невозможное, во всяком случае, для раннего общекартвельского состояния [Fähnrich 1975: 75].

Картвельская основа сопоставима с широко представленной в различных ветвях индоевропейских языков базой **saus-* : *sus-* 'сушить, сухой', продолжениями которой являются, в частности, лит. *sūsti*, слав. *suxъ-*, *suš-*, др.-инд. *śúsyati* 'сохнет, вянет' [Pokorny 1959: 880—881; Mann 1986: col. 1114; ср. также Lubotsky 1985]. Это сопоставление находим у К.Бюда [Bouda 150: 300]. Фонетические особенности дают некоторые основания определить более конкретный индоевропейский источник картвельской основы в качестве индоиранского, предположительно — переднеазиатского арийского (в последней связи ср. также картв. **bandy-*, **guda-*, **sxal-* : *sxl-* в III главе, а также груз. *dag-*, *dro-*, *sil-*, *ṭp-*, *parto-*, мегр. *reka-* и др. в главе IV).

Необходимо подчеркнуть существенное значение этого сопоставления для дальнейшего обсуждения одного из фундаментальных вопросов сравнительно-исторической фонетики картвельских языков. Оно заключается в том, что основа представляет собой второй (наряду с обычно приводящимся * $\xi(i)wid-$ 'семь') пример, иллюстрирующий вторичность занских двучленных консонантных комплексов типа ξk по сравнению с грузинским простым ξ . Вместе с тем это сопоставление демонстрирует направленность фонетического развития типа $s_1 > \xi$. Если древний индоарийский источник основы определен корректно, то тем самым картвелистика приобретает некоторое дополнительное указание и на хронологию реализации важнейших фонетических процессов, обусловивших специфику звукотипа грузинского и занского языкового материала.

Картв. **ṭep-* : *ṭp-* 'греть(ся), быть теплым'
~ и.-е. **tep-*

Один из сравнительно немногочисленных картвельско-индоевропейских ареальных параллелизмов в области глагольного словаря. В настоящее время, в отличие от широко распространенной в прошлом точки зрения (ср. ее отражение, в частности, в работе [Климов 1964: 179]), имеются основания считать эту основу скорее грузинско-занской, чем общекартвельской.

Груз. *ṭep-* : *ṭp-* (> *tb-*) 'греть(ся), быть теплым'

Мегр. *ṭib-* то же

Лаз. *ṭib-*, *ṭub-* то же

Глагольная основа широко документирована и в древнегрузинских памятниках, где представлена с аблаутным чередованием *ṭep-* : *ṭp-*: ср. *Simon-Petre dga da ṭreboda...* 'Симон же Петр стоял и грелся...'

Ин 18₂₅; *ṭreboda natelsa cecxlsa činaše...* ‘и грелся у (светлого) огня...’ Мк 14₅₄. Форма масдара *ṭpoba-*, с провербом — *gantpoba-*. Отсюда образовано прилагательное (< историческое причастие на *-il*) *ṭpil-* ‘теплый’. Дальнейшим дериватом является топоним *ṭpilisi* ‘Тбилиси’. В современном языке основа утратила полную ступень огласовки, а консонантное сочетание ступени нулевой огласовки преобразовано во всех формах в *tb*.

Засвидетельствованы и закономерные занские соответствия грузинскому материалу: ср. глагольные основы в мегр. *ṭibapa-* и лаз *o-ṭubin-u* ‘греть(ся)’, а также производные от них адъективы мегр. *ṭibu* и лаз. *ṭubu-* / *ṭibu-* ‘теплый’, конечный вокализм которых является эквивалентом грузинского *-il*. Все занские формы отражают историческую нулевую ступень огласовки основы [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 217—218]. С учетом историко-фонетических процессов, свершившихся в картвельских языках, приведенные формы дают основания проецировать архетипы **ṭep-* : *ṭp-*, обнаруживающий архаическое аблаутное чередование, и **ṭpil-* / *ṭpel-*, являющийся по своему происхождению отглагольным образованием с аффиксом *-il* / *-el* [ср. Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 93, 115—117, 300], в грузинско-занское состояние (то обстоятельство, что в последнем случае перед нами грузинско-занское производное, говорит о некорректности неоднократно встречавшегося в старой литературе непосредственного сопоставления этого образования со славянскими формами типа *теплъ* [Ворр 1847: 75; Марр 1930: 65]).

Согласно М.К.Андроникашвили, мы имеем здесь дело с одним из наиболее ранних элементов скифско-аланско-осетинского наследия в грузинском [Андроникашвили 1964: 70]. Предложенная ею конкретно-историческая перспектива заимствования основы в картвельские языки может быть, однако, существенно углублена, принимая во внимание возможность соотнесения архетипа еще с грузинско-занским состоянием. Такое решение поддерживается не индоиранским, а более архаичным вокализмом этой глагольной основы, с одной стороны, и тем фактом, что она обнаруживает аблаутное чередование, не прослеживающееся в картвельских заимствованиях из исторически засвидетельствованных языков, с другой.

Особого комментария заслуживают сванские аналогии индоевропейской основы, представленные адъективом *ṭebdi* ‘теплый’, свойственный всем сванским диалектам, кроме лентехского, в котором налицо варианты *ṭebedi* и *ṭebid*, а также глагольной основой *li-ṭbid-e* ‘греть(ся)’. В специальной литературе эти формы обычно не отделяются от реконструирований грузинско-занской основы, что давало повод проецировать ее архетип уже в общекартвельское состояние.

Между тем при ближайшем рассмотрении сванского материала возникают определенные сомнения в их унаследованности из общекартвельского состояния. Должно быть очевидным, прежде всего, что сопоставление сванского материала с грузинско-занским возможно лишь при условии морфологической вычленимости его конечной последовательности (*e*)*di*, *id*. Однако подобный деривационный элемент имен прилагательных здесь отсутствует, что и должно указывать на некорректность непосредственного сопоставления сванского адъектива с грузинско-занской основой. Рассуждая таким образом, естественно исходить из производности сванской глагольной основы от имени прилагательного, поскольку в противном случае, т. е. при отглагольной природе последнего, ожидалось бы его оформление некоторым деривационным элементом, а его фонетические вариации, представленные в диалектах, остались бы необъясненными. Напротив, некоторая трансформация фонологической структуры сванской глагольной основы повторяет модель преобразования, наблюдаемую в истории и других сванских отадъективных глаголов (как известно, В.Т.Топуриа еще в 1931 году указал в своем исследовании, посвященном сванскому глаголу, на зависимость этой глагольной основы от именной [Топуриа 1967: 72]). Отметим также, что нередко молчаливо принимаемое положение о сформированности лексико-грамматического класса имени прилагательного уже в общекартвельском нуждается в специальной аргументации.

Наконец, что особенно существенно, фонетические разновидности сванского прилагательного подозрительно близки, по меткому замечанию В.И.Абаева, к его осетинским аналогиям *tævdæ* и *tævd* 'горячий' [Абаев 1979: 283], обычно ускользающим из поля зрения картвелистов (ср. в этой связи аналогичную передачу осетинского вокализма в некоторых других сванских аланизмах, а также редкость комплекса *wd* в сванской корневой морфеме). Интересно вместе с тем, что форма *tebdi*, послужившая, вероятно, исходной для остальных, что подтверждается, в частности, тем, что она характерна для архаичного в целом ряда отношений языка сванской поэзии и распространена именно в том ареале языка, для которого непосредственное соприкосновение в прошлом с аланским не вызывает сомнений. Если учесть, что этот контакт мог продолжаться до XIII—XIV столетий, т. е. до времени появления в ущельях Главного Кавказского хребта тюркоязычных балкарцев, то тем самым определяется дата *post quem* поп проникновения аланской лексемы в сванский.

В связи со сванским адъективом иногда упоминают близко стоящее к нему фонетически лат. *tepidus* 'теплый' [Чикобава 1938: 237],

сопоставление с которым опять-таки не позволяет проецировать архетип **tɛp*- : *tɪp*- в общекартвельское состояние.

На очевидную близость грузинско-занского материала к индоевропейскому уже давно обращалось внимание. Соответствующая индоевропейская глагольная база **tɛp*- 'греть(ся); быть горячим, теплым' представлена ее продолжениями во множестве современных языков [ср. Pokorny 1959: 1069—1070; Mann 1986: col. 1382—1383]. Впервые отметивший этот параллелизм Фр.Бопп трактовал его в духе сформулированной им гипотезы о принадлежности картвельских языков к числу индоевропейских [Ворр 1847: 25 и 75]. В дальнейшем этот параллелизм, как правило уже в качестве контактно обусловленного явления, оказался по существу общепризнанным в науке [ср. Горяев 1896: 364; Глейе 1902: 18; Lidén 1929: 323; Чикобава 1938: 326—327 и 237; Vogt 1938: 300; Polák 1946: 20; Шанидзе 1958: 20—21; Климов 1964: 179—180; Меликишвили 1965: 230—231; Джаукян 1967: 68; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 879; Charachidzé 1986: 219; Chudjedjani-Palmaitis 1986: 100]. Исключение составляет лишь точка зрения К.Х.Шмидта, согласно которой эта материальная встреча при современном состоянии науки едва ли может расцениваться иначе, чем случайность [Schmidt 1962: 113].

В пользу ареальной интерпретации картвельской основы в качестве одного из древних индоевропеизмов говорит прежде всего чрезвычайно глубоко хронологическая соотнесенность индоевропейской основы, удостоверяемая ее представленностью почти во всех ветвях индоевропейских языков, в то время как праязыковая приуроченность картвельской основы, как это было показано несколько выше, внушает серьезные сомнения (представляется, что уже это обстоятельство нейтрализует наблюдение, согласно которому сама индоевропейская основа обнаруживает некоторую аномалию в виде акцессивной последовательности фонем [ср. Гамкрелидзе-Иванов 1984: 146—147 и 879]). О том же должно свидетельствовать и то, что фигурирующий в нулевой ступени огласовки картвельского корня комплекс *tɪp* является для картвельских языков настолько нехарактерным, что он по-разному преодолевался в их истории, дав в конечном счете существенно различные сочетания в грузинском и языках занской ветви [Vogt 1958: 52; Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 116—117]. Ср. в этой связи известную из практики этимологических исследований различных языковых семей обычную примарность противопоставления семантических точек 'холодный' ~ 'горячий' при секундарности заполнения семантической точки 'теплый' (именно таково, вероятно, положение и в картвельских языках). Отметим, наконец, что сторонниками иберийско-кавказской гипотезы, утверждающей родство

всех групп автохтонных языков Кавказа, высказывалось мнение о за-
мещении рассматриваемой здесь основой некоторого исконно карт-
вельского материала [ср. Ломтадзе 1955: 421].

Картв. **pōlo-* 'копыто, нижняя часть ноги'
~ и.-е. **pōlo-*

Лексема, по-видимому, проецируется в грузинско-занское состо-
яние. По ареалу своего распространения она явно тяготеет к западной
части картвельской языковой области. Семантически примыкает к
лексике скотоводства.

Груз. *polo-*, *pol-* 'копыто (крупное, непарное)'

Мегр. *polo-* 'копыто; стопа (человека)'

Лаз. *polo-*, *mpolo-* 'голень, икра ноги'

В древнегрузинском языке слово как будто не прослеживается. У
С.Орбелиани оказывается также не отмеченным. В настоящее время
ареал его распространения охватывает преимущественно западногру-
зинские диалекты (имер., гур.), где известен и вариант без конечного
гласного основы. Обычно лексема обозначает здесь непарное копыто
лошади, мула, осла. На правах производных от нее завясят лечх. *pol-*
satal- и картл. *polis-*, обозначающие инструмент кузнеца, подковыва-
ющего лошадь [ср. Глonti 1984: 546]. Гур. *polo-* 'некрасивая нога, но-
жища' может быть занизмом.

Слово хорошо известно и в занском ареале. В мегрельском оно
обозначает прежде всего копыто [Кипшидзе 1914: 337]. Информанты
указывают также на значение 'стопа (человека)', которое должно быть
вторичным. Налицо здесь и производное *na-pol-e* 'след копыт'.

В лазских эквивалентах слова нередко встречается наращение на-
чального носового. Возможен здесь и сдвиг *o > u* в соседстве с пред-
шествующим губным. Согласно Н.Я.Марру, в атинском диалекте
слово обозначает всю ногу ниже бедра [Марр 1910: 194].

Зафиксированная в сванском форма *pol-* 'копыто' производит
впечатление заимствования из западногрузинской диалектной среды
(конечное *l* в исходе исконных сванских именных основ не сохраня-
ется). Об этом свидетельствует и семантическая сторона картвель-
ского слова, поскольку знакомство картвелов с лошадьёю, и тем более
с ослом, не может восходить к общекартвельскому состоянию.

Сопоставление грузинского и мегрельского материала встречает-
ся уже у И.Кипшидзе, считавшего, по-видимому, мегрельскую фор-
му заимствованием [Кипшидзе 1914: 337]. Весь картвельский мате-
риал генетически отождествлен Г.Фенрихом [Fähnrich 1975: 338].
Идентичность вокализма первого слога в грузинском и занском дол-
жна говорить, в соответствии с установленной Т.В.Гамкрелидзе и

Г.И.Мачавариани закономерностью, в пользу реконструкции здесь исторической долготы [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965: 244, 245]. Неясно, однако, чем диктуется встречающаяся у некоторых исследователей сегментация конечного вокализма основы в качестве некоторого (словообразовательного?) элемента [ср. Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 329].

Совершенно нехарактерная с точки зрения обычной для картвельских языков фонологическая структура архетипа **pōlo-*, а также отчетливый культурный оттенок семантики слова дают основания считать его заимствованием.

В этих условиях естественно сближение картвельского архетипа с и.-е. **pōlo-* 'большой палец (ноги, руки)', имеющим свои продолжения в нескольких ветвях индоевропейских языков [ср. Pokorny 1959: 840]. При этом бросается в глаза совпадение вокалической долготы в первом слоге. Ввиду чрезвычайной близости звукотипа картвельского и индоевропейского архетипов, а также пережитой занскими словами семантической истории, давность заимствования слова невозможно отрицать.

Картв. **pruṭ-* : *prṭ(w)-* 'фыркать (о лошади)'
~ и.-е. **preu-t(h)-* : *pru-t(h)-*

Глагольная основа, примыкающая к скотоводческой лексике древних картвелов. Знакомство последних с домашней лошастью состоялось, несомненно, еще в эпоху грузинско-занского единства (массовое распространение лошади в Закавказье относится к периоду с конца II тысячелетия до н. э.) и должно было быть обязанным культурному воздействию переднеазиатского региона.

Груз. *pruṭ-* : *prṭv-* 'фыркать (о лошади)'

Мегр. *purṭ-* 'плевать; фыркать (о лошади)'

Лаз. *purṭ-* 'фыркать (о лошади)'

В древнегрузинских памятниках основа зафиксирована в форме *prṭw-in-* с явно периферийной семантикой 'проявлять высокомерие', прослеживаясь также по именному производному *pirṭw-* 'легкие' [Абуладзе 1973: 445]. В Толковом словаре С.Орбелиани она отмечена в том же облике и, в общем, со сходным значением. Здесь же по существу диалектное (месх.) *pruṣṭ-un-* толкуется как 'чихать (о животных)' [Орбелиани 1966: 200]. Как прямое, так и переносное значение основы представлены и в новогрузинском. Известна также разновидность основы с позднейшей вставкой шипящего сибиллянта [Neisser 1953: 47; Глонти 1984: 549]. Груз. *pruṣṭ-* 'фыркать (о лошади)' вовлечено в широкий ряд дескриптивных (звукоподражательных) образований с суффиксом *-un*.

В занских языках основа функционирует только со словообразовательным аффиксом *-in*: масдары — мегр. *puṭṭinua-*, лаз. *o-puṭṭin-u*. В мегрельском налицо расширение старой семантики (сдвиг к значению 'плевать' стражен и в груз. (гур.) занизме *puṭṭna* [Глonti 1984: 552]).

Основа квалифицируется в качестве грузинско-занского достояния [ср. Климов 1964: 190—191; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 321], для которого естественно реконструировать архетип **puṭ- : puṭ(w)-*. От этой глагольной основы, вероятно, зависит и грузинско-занское именное производное **puṭw-* 'легкие' с характерным для одного из типов девербативных образований вокализмом.

Напрашивается сопоставление картвельского материала с аналогичной индоевропейской базой **preu-t(h)- : pru-t(h)-* 'фыркать (о лошади)'. В индоевропейстике эта база считается образованной посредством распространения *-t(h)* от простой глагольной основы **per(ə)- : pṛē-, preu-*, имевшей несколько более широкий круг значений [ср. Pokorny 1959: 810; Maughofer 1957: 382]. Согласно Ст.Манну, индоевропейская база реконструируется в виде **phreut-* [Mann 1986: col. 986]. Соотношением картв. *ṭ* ~ и.-е. *t(h)* основа не укладывается в рамки фонологических корреспонденций, как они намечались А.Бомгардом для ностратических языков [ср. Bomhard 1990: 353].

В качестве более конкретного источника заимствования можно предположительно назвать переднеазиатский арийский: ср. др.-инд. *pr̥bhati* 'фыркает (о лошади)'. Подобное предположение соответствует той выдающейся роли, которую играли носители индоевропейских языков в процессе как доместикации, так и распространения коневодства в Евразии. Арм. *pərtk-* 'фыркать' не могло быть антецедентом картвельской основы в силу как фактора хронологического порядка, так и своего фонетического облика.

Картв. **puṭur(o)-* 'гнилой, гниль'
~ и.-е. **pū-tro-*

Грузинско-занская именная лексема, тематически относящаяся прежде всего к лексике земледельческой культуры. Ее функционирование тяготеет к западному ареалу картвельской языковой области.

Груз. *puṭuro-* 'гнилой; гниль (о дереве, плоде)'

Мегр. [*puṭur-*] то же

Лаз. *punṭura-* 'гнилой, пустой (об орехе)'

Хотя в древнегрузинских памятниках это слово, по-видимому, не встречается (впервые оно зафиксировано в среднегрузинском), оно, несомненно, старое. В западногрузинских диалектах известны его варианты *poṭoro-* (имер., лечх.), *poṭro-* (гур.), *puṭo-* (адж.). Ср. также

картл. *poṭaro-* и ингил. *pruṭ-* [Глонти 1984: 548 и 549]. Большинство из этих вариаций указывает на преодоление в нем редкого для языка исторического сочетания *ṭr*, о чем свидетельствуют различия в срединном вокализме. Неясно, как относится к лексеме встречающаяся параллельно в литературном языке с тем же значением форма *puṭuro-* (сближение с *puṭu-* 'крот?').

Бацб. *puṭurḡ* и осет. *buṭro* 'гнилой (о дереве)' восходят к грузинско-му источнику.

Представлена основа и в языках занской ветви. В мегрельском она засвидетельствована в отыменном глаголе *puṭurua-* (встречающемся и с превербом *go-*) 'гнить, червиветь (о дереве, плоде)', от которого произведено причастие (*go*)*puṭurel-* 'гнилой, червивый (о дереве, плоде)'. Соответствующая лазская форма основы налицо в субстантиве *punṭura-* с вторичным сонорным и характеризуется сужением исходного объема семантики. В ее исходе имеем соотношение вокализма, наблюдающееся также в грузинско-занском обозначении соцветия: ср. груз. *buṭko-* при лаз. *buṭka-*. Старая лазская форма лексемы на правах заимствования выступает в гур. *puṭurai* 'гнилой, пустой орех' [Глонти 1984: 533].

В сванском языке известна напоминающая эти факты как по форме, так и отчасти по семантике глагольная основа *pt̃ar-* — ср. масдар *li-pt̃ar-e* 'продырявиться'. Однако больше оснований считать, что она является собственным образованием от *li-pt̃-e* 'дырявить(ся)', построенным путем присоединения известного сванского словообразовательного элемента.

Грузинский и лазский материал был отождествлен С.М.Жгенти [Жгенти 1984: 553]. Архетип лексемы рисуется в виде **puṭur(o)-* с семантикой, отражающей именной синкретизм, по сей день свойственный его грузинскому продолжению.

Напрашивается сопоставление картвельской лексемы с и.-е. **p̃i-tro-* 'гниль, гнилой', которое трактуется как производное от глагольного корня **p̃i-* 'гнить' с известным индоевропейским суффиксом *-tro-*, продолжения которого засвидетельствованы по крайней мере в итальянской и кельтской ветвях [Роконну 1959: 848; Мэпп 1986: col. 1015]. Как об источнике лексемы можно было бы думать о лат. *puter* 'гнилой, трухлявый'. Однако по соображениям как формального, так и семантического порядка предпочтительнее ее сопоставление с индоевропейским архетипом. В частности, против непосредственного сближения картвельского материала с латинским словом свидетельствует, вероятно, и то обстоятельство, что грузинская лексема являет собой один из примеров сохранения в языке древнего именного синкретизма (следует также учитывать факт по

существованию недолговременного пребывания римлян в Грузии, не оставивших за собой заметного следа в ее культуре и экономике). Отметим, наконец, что рассмотренный здесь параллелизм не укладывается в рамки схемы фонологических корреспонденций между ностратическими языками, как она рисуется А.Бомгардом [ср. Bomhard 1990: 353].

Картв. *kursl- 'пята (животного)'
~ и.-е. *kurs-ni-

Лексема соотносится с грузинско-занским состоянием. По своему характеру она составляет принадлежность лексики скотоводства, прежде всего — практики разведения лошадей (ср. выше картв. *p̄ōlo- 'копыто (непарное)', *prut- : pr̄t̄w- 'фыркать (о лошади)').

Груз. kusl- 'пята, пинок пятой'

Мегр. kurs-, kurc-, kur- то же

Лаз. kus-, ku(r)- 'пята, каблук'

Слово в современной его форме засвидетельствовано уже в памятниках древнегрузинского языка. Ср.: *poos guelman šišueli kusli misi...* 'найдет змея голую пяту его...' [Абуладзе 1973: 459]. В этой же форме с рядом своих производных оно отмечено и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 241]. В отличие от других новогрузинских диалектов в хевсурском лексема представлена, вероятно, в своем архаичном облике *kursl-*, обозначая здесь пяту плуга [Глonti 1984: 579].

В языках занской ветви обычно налицо вариации слова, отражающие различные фонетические преобразования исходной. Наиболее ранняя из них, по-видимому, *kurs-* [Кипшидзе 1914: 347], а остальные, как можно видеть, отражают последующие ступени упрощения основы. В частности, на ее максимально упрощенную форму опирается и мегр. производное *no-kur-* 'следы копыт'. Иногда исходным для занских форм считают архетип **kusr-* [Чикобава 1938: 65]. Максимально простая основа лексемы налицо и в лазском языке. Семантика 'каблук' здесь явно вторична.

Сванский аналог слова *kər-* восходит на правах заимствования к одной из его мегрельских разновидностей (в противном случае этимологическое *s* должно было в нем сохраниться).

Иногда в слове выделяют основообразующий суффикс *l* [Чикобава 1938: 65], хотя остающийся его элемент с каким-либо картвельским корнем не идентифицируется. Грузинско-занский архетип лексемы реконструируется в виде **kursl-* [Климов 1964: 200; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 340] с необычной для фонологической структуры картвельского корня консонантным комплексом.

При изолированной в картвельском корнеслове позиции лексемы допускают сопоставление ее упрощенной формы с урартским *kuri* 'нога' [Меликишвили 1952: 40], что трудно принять ввиду наличия в ней спиранта *s* (заметно и различие в семантике сопоставляемых форм). По существу те же обстоятельства фонетического порядка препятствуют и другому предлагавшемуся в литературе сопоставлению лексемы с арм. *krük* 'пятя' (возможно, от и.-е. **geur-* 'круглый'), несмотря на разительное тождество в плане семантики [ср. Nazarov 1974: 27].

Более правдоподобным представляется соположение картвельских форм с и.-е. **krūs-ni-*, *kūrs-ni-* 'голень', корневым элементом которого является первый компонент (к нему, в частности, восходит арм. *srin-k* 'голень' [ср. Pokochny 1959: 629]). При условии корректности этого сближения, не укладывающегося в схемы звуковых соответствий, намечавшихся В.М.Иллич-Свитыгчем и А.Бомгардом в их версиях ностратической гипотезы, картвельский архетип может отражать достаточно архаичный облик его индоевропейского антецедента (о последнем см. [Georgiev 1962; Lambertaine 1981]).

Поскольку обозначение пятки трудно отнести по классификации Г.Дёрфера к так называемым базисным обозначениям частей тела, не заимствуемым в обычных условиях [Дёрфер 1981: 39—40], допущение возможности его усвоения из иноязычного источника вполне реалистично; эта возможность подтверждается тем, что в лазском языке с рассматриваемой здесь лексемой конкурирует недавний тюркизм. Аналогичным образом Г.Хаарман указывает на возможность заимствования обозначения голени, ссылаясь на пример из кирмского языка [Haarmann 1983: 143].

Картв. **γery-* 'молоть (грубо, крупно)'
~ и.-е. **ghergh-*

Одна из глагольных основ, отражающих практику обработки продуктов земледелия у древних картвелов, связанная с технологией изготовления хлебной пищи. Ощутима ее культурная семантика. Восходит к грузинско-занскому состоянию.

Груз. *γery-* 'молоть (грубо, крупно)'

Мегр. *γary-* то же

Лаз. [*γa(r)γ-*] то же

Основа зафиксирована и в древнейших памятниках грузинского языка, в которых прослеживается, в частности, по производному от нее историческому причастию *γery-il-*: *nedli γeryili ... pirvelta nagopta...* 'приношение хлебное из первых плодов...' Левит 2₁₄ (в современном языке слово обозначает грубый, крупный помол). Предлагаемый

И.В.Абуладзе перевод древнегрузинского причастия как 'искривленный, искромсанный' [Абуладзе 1973: 461] позволяет определить исходную семантику основы как 'молоть грубо, крупно'. Приводимое в словаре С.Орбелиани толкование масдара *da-γery-va* 'обгрызть, сильно кусать' [Орбелиани 1965: 209; Орбелиани 1966: 250] обращено к одному из периферийных его значений.

В занских языках налицо закономерное фонетическое соответствие грузинской основе. Мегр. *γary-il-* обычно переводят как 'крупный помол' [ср. Кипшидзе 1914: 349]. Информанты указывают на дополнительные значения масдара в мегрельском — 'молоть вздор, бессмыслицу', а также 'жмурить глаза', являющиеся, по всей вероятности, вторичными. Возможно, именно эта форма, сопровождаемая толкованием 'незначительная мысль', оказалась засвидетельствованной среди нескольких других мегрелизмов в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 247]. Ср., однако, [Чикобава 1938: 346].

В лазком эквиваленте основы, прослеживаемомся по крайней мере по форме исторического пассивного причастия *γa(r)γ-il-* 'грубый, крупный помол', возможно позднейшее выпадение сонорного согласного, более характерное для форм хопского и архавского диалектов.

Грузинский и мегрельский факты впервые были отождествлены П.Чарая [Чарая 1895: 103]. Архетип **γery-* проецируется в грузинско-занское состояние [ср. Климов 1964: 202; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 346]. Значительная давность функционирования здесь этой глагольной базы удостоверяется также возможностью реконструкции производной от нее основы с нулевой ступенью огласовки **γγ-wṇ-* 'грызть, глотать', также восходящей к грузинско-занскому состоянию [Климов 1964: 207; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 356].

Встречающееся в литературе сопоставление картвельского материала с бурушаски *gurg-* 'молоть на камне' [Bouda 1954: 229] относится к области недоказуемого. В то же время по своему звукотипу картвельские формы не укладываются в рамки формулы фонетических соотношений, намечавшихся В.М.Иллич-Свитычем в его версии ностратической гипотезы, согласно которой и.-е. *gh* должно отвечать картв. *g* [ср. Иллич-Свитыч 1971: 147].

Напрашивается сопоставление картвельских форм с и.-е. глагольной базой **ghergh-* (/ **ghargh-*) 'делать(ся) грубым', находящей свои продолжения в греческом *κέρρω* 'делаю грубым, шероховатым', ирл. *geargaim* 'портиться, покрываться пятнами', лит. *geřgžti* 'хрипеть'. В индоевропейском эта основа может трактоваться как образование с распространением *-gh* от исходного корня **gher-* с семантикой 'hart wöüber streichen, reiben' [ср. Pokorny 1959: 439—440].

Если предлагаемое здесь сопоставление верно, то картвельский материал обнаруживает характерное для заимствующей стороны сужение семантики его индоевропейского прототипа. К закономерности передачи и.-е. *gh* через картв. *ɣ* в древних заимствованиях см. **diɣom-* / *diɣwat-*, **ɣor-*, **ɣrta-*, а также груз. *ɣoɣo-*.

Картв. **ɣor-* 'свинья'
~ и.-е. (диал.) *ghor-*

Один из важнейших ингредиентов лексики скотоводства, объединяющих грузинский и занские языки. Лексема отчетливо противопоставляется картвельским обозначениям дикой свиньи или кабана. Параллельно с нею реконструируются архетипы **tel-* 'поросенок' и **ɣru(n)ʃ-* 'хрюкать', также допускающие сопоставление с индоевропейским материалом.

Груз. *ɣor-* 'свинья (домашняя)'

Мегр. *ɣeʒ-* то же

Лаз. *ɣeʒ-* то же

Слово многократно встречается и в древнейших памятниках грузинской литературы, в частности, в тексте Библии: *igo mun ɣoɣi ɣorebisaj didi...* 'паслось же там большое стадо свиней...' Мк 5₁₁; *ʃevides ɣorta mat...* 'вошли в свиней...' Лк 8₃₃. Здесь же известны и некоторые производные от него образования [Абуладзе 1973: 463]. Лексема налицо и в Толковом словаре С.Орбелиани, которым она выделена как общее наименование животного, противопоставленное его отдельным половозрастным разновидностям [Орбелиани 1966: 254—255]. Диалектных вариаций она, по-видимому, не имеет.

Занская форма закономерно отвечает грузинской: *r* > *ʒ* здесь реализуется в позиции перед историческим показателем номинатива, а вокализм *e* получен, вероятно, вследствие умлаутизирующего воздействия последнего через ступень *ö* [Schmidt 1962: 139]. Напрашивается вопрос, не является ли груз. *ɣoʒ-* 'клык' древним занизмом, отражающим некоторую промежуточную стадию преобразования слова в занских языках (семантическое «чередование» такого типа встречается как на межъязыковом уровне [ср. Абаев 1965: 26], так и в одном языке в пределах единой лексемы). В лазском слово сохраняет довольно прочные позиции, несмотря на пренебрежение лазами-мусульманами свиноводством и некоторую конкуренцию со стороны тюркизма *domuz*.

В сванском налицо иное обозначение свиньи *xäm-*, которое, вопреки мнению М.Церетели [Tseretheli 1959: 92], не имеет каких-либо оснований для сближения с грузинско-занскими фактами.

Грузинская и мегрельская формы впервые были сопоставлены еще М.-Ф.Броссе [Brosset 1849: 72]. Их лазский эквивалент выявлен Н.Я.Марром [Marr 1909: 1058].

Реконструируемый обычно грузинско-занский архетип **γor-* характеризуется редким для исконных недескриптивных основ вокализмом. Тем не менее, известна не поддержанная в науке попытка объяснения слова на картвельской почве, согласно которой начальный согласный здесь корневой, а *-or* (в занских языках *-eʒ*) — суффикс [Чикобава 1938: 82; он же 1942: 82]. Столь же неправдоподобны попытки его сопоставления с существенно отличным материалом севернокавказских языков.

Впервые с индоевропейским материалом слово было увязано Н.Я.Марром, который приводил при этом греч. *χοῦρος* 'поросенок', трактовавшееся им к качеству «европейского яфетического слова» [Marr, указ. соч.]. Последующие авторы, за исключением Л.Эйхберга, усматривавшего ориентальное происхождение греческой лексемы [Eichberg 1959: 63—64], исходили из идеи индоевропейского происхождения картвельского слова [ср. Boisacq 1950: 1065; Меликишвили 1965: 210; Урушадзе 1980: 223]. Поскольку в заимствованном из греческого картвельском материале не наблюдается характерных для него фонологических корреспонденций, а греческое *χ* никогда не передается в нем в виде *γ*, рассматриваемую лексему следует возводить к более раннему, чем древнегреческий, «диалектному» индоевропейскому **ǵhor*, продолжениями которого являются как греческое слово, так и алб. *derr* 'свинья' (< **ǵhōr-n-*) [ср. Pokorny 1959: 445].

Картвельская сторона выступает как заимствующая и в свете известных науке культурно-исторических данных. Как известно, доместикация свиньи имеет у индоевропейцев очень глубокие корни. Так, зафиксированная еще в хеттских и микенских греческих письменных памятниках разветвленная терминология, относящаяся к свиноводству, считается отражением соответствующей общеиндоевропейской традиции [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 594—596]. В то же время для племен куро-араксской культуры, как свидетельствует археология, свиноводство было совсем не характерно (исключение составляла небольшая часть куро-алазанского бассейна, граничащая с Северным Кавказом). С точки зрения хронологии появления домашней свиньи у картвелов существенно, что в археологическом комплексе Самтавро (вторая половина II тысячелетия до н. э.) уже обнаружены ее кости, которые численно особенно возрастают в эпоху раннего железа [Мунчаев 1975: 123 и 383—384].

Картв. **γoγo-* 'теленки (буйвола)'
~ и.-е. **ǵhoghu-*, **ǵhāǵh-*

Весьма проблематичное сопоставление. Поскольку буйвол является на Кавказе интродуцентом (его распространение относится здесь к началу I тыс. до н.э.), есть некоторые основания думать, что, несмотря на свою внешнюю редуцированную форму, его картвельские обозначения могут быть культурными заимствованиями.

Груз. *ᲛᲟᲛᲟ*- 'теленка (буйвола)'

Мегр. *ᲛᲟᲛᲟ*- то же

В памятниках древнегрузинского языка лексема не встречается. В Толковом словаре С.Орбелиани она объясняется как обозначение буйволёнка, перезимовавшего одну зиму [Орбелиани 1966: 354]. Согласно другому толкованию, это диалектное слово относится преимущественно к телёнку буйвола до трех лет. Какого-либо ареального тяготения лексема не обнаруживает, так как известна в гурийском, картлийском и пшавском диалектах (в литературном грузинском ее роль играет синонимичное *zak*-, имеющее средневековый иранский источник). В некоторых случаях, как это имеет место в картлийском и пшавском диалектах, слово может параллельно обозначать и свежий росток семени [Глonti 1984: 594].

В мегрельском в функции обозначения телёнка буйвола лексема выступает параллельно с более широко известным *baṭ*-, *baṭia*-. И.Кипшидзе предполагал, что мегр. *ᲛᲟᲛᲟ*- восходит к грузинскому слову [Кипшидзе 1914: 352].

В остальных картвельских языках лексемы не видно.

Если слово не является редуликативным образованием, возникшим на картвельской почве, как это иногда предполагается [ср. Neisser 1953: 69], то оно может быть сопоставлено с и.-е. **ghogh-* или **ghāgh-* 'детеныш животного; птенец' [ср. Mann 1985: col. 409; Pokorny 1959: 409], имеющим свои продолжения в индоиранских и албанском. В случае корректности сопоставления оно может служить одной из иллюстраций фонетического соотношения картв. *Ქ* ~ и.-е. *gh*.

Картв. **ᲥᲗᲗᲗ*- 'ров, яма, углубление'

~ и.-е. (диал.) **r(u)ghma-*

Слово служит обозначением артефакта, составляющим грузинско-занскую лексическую изоглоссу. Реалия представляет собой особенно характерный атрибут древних поселений в зоне Колхидской низменности, связанный с дренажными (и, отчасти, оборонительными) работами в местности, изобилующей водами.

Груз. *ᲥᲗᲗᲗ*- 'глубокий'

Мегр. [*ᲥᲗᲗᲗ*]- 'углубление, впадина'

Лаз. *ᲥᲟᲗᲗᲗ*- 'яма, ров, дыра'

Лексема хорошо документирована древнегрузинскими письменными памятниками: ср. *žurumli ese ŋrta ars...* 'и колодезь глубок...' Ин 4₁₁. Она лежит здесь и в основе ряда производных [Абуладзе 1973: 463]. Отражено это слово и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 256]. В новогрузинских диалектах оно представлено несколькими вариантами, что нередко характеризует неисконный материал: ср. *ŋrim-* (ингил.), *ŋrime-* (мох., ингил.), *ŋrta-* (рачин.) [Глонти 1984: 595]. Подобно своим занским когнатам, первоначально оно должно было иметь семантику субстантива (см. ниже).

Мегрельское соответствие слова в несвязанном состоянии не встречается, однако отчетливо прослеживается по композиту *ŋrta-ža* 'дулистое дерево', а также по форме *eno-ŋrta / ino-ŋrta* 'впадина, углубление', первый элемент которой образует преверб с семантикой 'внутри'.

В лазском языке лексема широко употребительна и отчетливо сохраняет значение субстантива.

Груз. и лаз. материал сопоставлялся еще Н.Я.Марром [ср. Марр 1936: 146]. Мегр. соответствие было выявлено Фенрихом [Fährich 1984: 44].

Грузинско-занских архетип лексемы реконструируется в виде **ŋrta-* 'яма, глубина' [Климов 1964: 207; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 355], а не **ŋortan-*, как это предполагал, по-видимому, опираясь прежде всего на лазское продолжение слова, Н.Я.Марр [Марр, указ. соч.]. Как свидетельствуют груз. и лаз. эквиваленты, в мегр. форме имеет место метатеза *r* в консонантной группе. Идентичность вокализма в исходе основы картвельских слов указывает, согласно известной закономерности сандхиального характера, на первоначальную субстантивную семантику архетипа, сохранившуюся в обоих занских языках. Более того, следы такой семантики или, во всяком случае, былого именного синкретизма, достаточно четко прослеживаются и по памятникам древнегрузинского языка: ср. *ŋrtaman darana igini...* 'пучины покрыли их...' Исход 15₅; *ševline navi ege ŋrtad...* 'пошли лодку на глубину...' Лк 5₄.

На картвельской почве это слово, имеющее несколько необычную фонологическую и неясную словообразовательную структуру, не этимологизируется. По своему звукотипу оно противоречит и формулам фонетических соотношений, намечавшихся для ностратических языков как В.М.Иллич-Свитычем, так и А.Бомгардом.

Соблазнительно сопоставить картвельский архетип с и.-е. (диалектным) **r(u)ghma-* 'яма, ров', лежащим в основе греч. *βρυγμα* той же семантики, базирующемся на основе **rugh-*, которая трактуется в

индоевропейистике в качестве производной от глагольной базы **reu(ə)*- : *ri-* 'рыть; рвать' [ср. Роконгу 1959: 869]. По своей фонетической структуре картвельский архетип не может восходить к греческому источнику подобно тому, как картв. **γor*- 'свинья' не может зависеть от греч. *χοῖρος* (см. выше). Вероятно, нелишним будет заметить, что субстантив этой семантики оказывается заимствованным и в целом ряде нахско-дагестанских языков, где он имеет, как известно, тюркский источник.

Картв. **γru(n)t-* 'хрюкать'
~ и.-е. **grund-*

Хотя эта глагольная основа представлена во всех картвельских языках, хронология ее функционирования едва ли уходит здесь глубже уровня грузинско-занского единства. Вместе с приводимыми выше эксклюзивными грузинско-занскими обозначениями свиньи **γor-* и молочного поросенка **tel-* она образует некоторое семантическое микрополе.

Груз. *γrut-*, *γrunт-* 'хрюкать'

? Мегр. *γvint-* 'визжать (о свинье), хрюкать'

Лаз. *γrut-*, *xrut-* 'хрюкать'

В памятниках древнегрузинского языка основа, по-видимому, не встречается. Отсутствует она и в Толковом словаре С.Орбелиани, впрочем, и во многих других случаях не фиксировавшего обозначения звуковоспроизведений животных. Ныне она включена в модель экспрессивных образований с характерным суффиксом *-in* и наряду с семантикой хрюканья изредка обозначает фырканье лошади [Мартиросов 1984: 248]. Известны и ее диалектные варианты без этого суффикса: ср. гур. *γrunт-va*, а также *γrit-in-*. По характеру звукотипа основы ее трудно считать обычным звукоподражанием. В частности, отмечают, что само подзывание свиньи в Грузии *γuтu-γuтu-*, как и в случаях других подзываний, выводится из глагольной основы [Neisser 1953: 39].

Приведенная выше мегрельская форма основы претерпела ряд фонетических преобразований — метатезу, частичную ассимиляцию *rt* > *nt*, а также перегласовку [Фенрих-Сарджвеладзе 1990:356]. Не менее интересна, однако, возможность сопоставления грузинского материала с параллельным мегр. *(n)dγur-* 'хрюкать' (< **γru(n)d-* ?).

Лазские варианты глагольной базы очень близки к грузинской и даже могут от нее зависеть, что вполне реально в свете факта отсутствия ныне у исповедующих ислам лазов свиноводства. Форма с глухим анлаутом является здесь следствием дистантной ассимиляции, известной в лазском и в других случаях.

Аналогии основы, зафиксированные в сванском языке, невозможно признать за исконные. Например, вариант *γrut-*, как следует думать, судя по форме масдара *li-γrutən-e*, повторяет грузинскую с характерным для нее деривационным суффиксом, а параллельная ей форма *žγurɫ-* явно вторична [ср. Фенрих-Сарджвеладзе, там же].

Ранее автор этой работы допускал общекартвельский характер основы [Климов 1964: 207]. Независимо от характера принимаемого ее мегрельского эквивалента, соответствующий грузинско-занский архетип реконструируется в виде **γru(n)t-*.

Напрашивается сопоставление материала с и.-е. **gru(n)d-* 'хрюкать' [ср. Pokorny 1959: 406; Mann 1985: col. 301], представляющим собой распространение простой базы **gru-* и отраженным такими близкими к нашим фактам формами, как лат. *grundio*, англ. *grunt*, нем. *grunzen* и т.п. Если учесть, что в окружающем картвельскую область ареале (в том числе в других автохтонных языках Кавказа, обнаруживающих многочисленные схождения с картвельскими именно в сфере дескриптивной лексики) налицо обычно далеко отстоящие — в частности, основанные на редупликации — обозначения хрюканья или храпения, то бóльшая близость рассматриваемой основы к ее индоевропейским параллелям говорит сама за себя, предполагая действие фактора языкового контакта. Такое представление оказывается в согласии с историей распространения домашней свиньи в Закавказье, поскольку наличие свиноводства у картвелов в праязыковую эпоху вызывает в свете данных археологических исследований самые серьезные сомнения.

Неясно, однако, может ли настоящий случай послужить одной из иллюстраций фонетического соотношения картвельского абруптивного согласного индоевропейскому звонкому, представляющего интерес в плане обоснования глоттальной теории праиндоевропейского консонантизма, сформулированной Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым.

Картв. **qu(w)a-* 'обух (топора)'
~ и.-е. (диал.) **koũ-*

Лексему можно рассматривать в качестве одного из терминов металлургического производства древних картвелов, образующего вместе с картв. **plenz₁-* 'медь' (см. выше) единое семантическое микрополе. Она проецируется во всяком случае в грузинско-занское состояние.

Груз. *qua-* 'обух (топора); краюха хлеба'
Мегр. 'va 'лоб'
Лаз. *qva-*, *kva-* 'лоб'

В древнегрузинских памятниках слово как будто не встречается. У С.Орбелиани оно толкуется в своих обоих значениях (Орбелиани 1966: 270—271). Фонетического варьирования по диалектам не обнаруживает. В форме *qiv-* грузинская лексема в обоих значениях заимствована в бацбийском языке.

В занских языках его историческим эквивалентом специальная литература признает обозначение лба [ср. Чикобава 1938: 49; Schmidt 1961: 141; Климов 1964: 213; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 373]. В мегрельском оно лежит в основе нескольких производных. Встречающаяся здесь также 'ua 'обух (топора); краюха хлеба' обычно трактуется в качестве позднего заимствования из грузинского [ср. Кипшидзе 1914: 421]. Вариация согласных *q ~ k* характеризует в лазском языке разные диалектные зоны.

Аналогичное сванское обозначение обуха *quwa-*, *qua-* производит впечатление грузинского заимствования.

Как фонетическое, так и семантическое единство грузинского и занского материала очевидно. Если учесть, что общекартвельским обозначением лба являлось **šubł-*, удостоверяемое во всяком случае согласованными показаниями грузинского и сванского фактов [ср. Климов 1964: 218; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 384], то исходной семантикой рассматриваемой лексемы скорее могло быть 'обух (топора)'. Что касается несколько необычного соотношения фонетической стороны картвельских слов, а именно — их слоговой структуры, то его иногда стремятся объяснить позицией ударения [Schmidt, указ. соч.]. Впрочем, фонетическая история лексемы по существу аналогична истории общекартвельского **šüwa-* 'середина', как она представлена в работе [Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 384]. Вместе с тем, как уже указывалось выше (ср. **guga-*, **guda-*), фонологическая структура корневой морфемы типа *CuCa-* в огромном большинстве случаев характеризует неисконный материал.

Соблазнительно сопоставление картвельского архетипа с известной индоевропейской глагольной базой **kou-* : *kū-* 'ковать, ударять', континуанты которого так или иначе представлены в кельтской, италийской, германской и балто-славянской ветвях индоевропейских языков, но отсутствуют, как это подчеркивал еще А.Мейе, в греко-арийской [ср. Pokorny 1959: 599; Mann 1985: col. 483—484]. Фонетически и семантически грузинско-занский архетип стоит особенно близко к слав. **kova* 'обух топора' [см. Трубочев 1985: 5].

В связи с самой обозначаемой реалией необходимо отметить очевидную важность обушной части топора, мотыги и закавказской цалды для эффективного использования этих орудий, что отразилось, как показывают археологические данные, в ее существ-

венной трансформации в ходе истории [Кантария-Чанба 1987: 47–48].

Картв. **çkənd-* : *çknd-* 'осаждать(ся), выделять(ся)'
~ и.-е. **skendh-*

Основа представляет собой один из наиболее интересных картвельско-индоевропейских параллелизмов в области глагольного словаря. Входит, по-видимому, в совокупность древних терминов виноделия, соотносящихся во всяком случае с грузинско-занским состоянием.

Груз. [*çkənt-*] : *çknd-* 'осаждать(ся), выделять(ся)'

Мегр. *çkond-* 'то же; сучить нить'

Лаз. *çkond-* 'сучить нить'

В памятниках древнегрузинского языка в самостоятельном употреблении она как будто не встречается, однако прослеживается по деноминативному глаголу *şkinþva* в периферийном значении 'выделять (помет)', в основе которого лежит отглагольный субстантив **çkintl-* / *şkinþl-* 'помет (птичий)'. В Толковом словаре С.Орбелиани форма *çkənt-* встречается в частном значении выдавливания нарыва [Орбелиани 1966: 380]. Исторически единый архетип основы, характеризовавшийся двумя ступенями аблаутной огласовки, в новогрузинском дал две лексикализованные единицы. С одной стороны, это форма, продолжающая нулевую ступень (масдар *çknd-om-a* 'осаждать(ся), фильтровать(ся)') при зафиксированных по диалектам ее вариантах *çnd-* / *çmd-* > *çd-* с очевидным упрощением многоконсонантного комплекса [ср. Кавтарадзе 1985: 227]). С другой стороны, это лексически обособившееся от нее *çkənt-a* 'сочиться, выдавливать(ся)'.
Если в грузинском так или иначе отражены обе исторические ступени огласовки основы, то в занских языках продолжается лишь полная ступень. Ср. мегр. производное *çgari-çkonda-* 'отстоявшаяся вода'. Вокализм занских когнатов свидетельствует о возможности существования в прошлом параллельной формы полной ступени огласовки с гласным *a*, что характерно и для ряда других грузинско-занских основ. Если мегрельская основа сохраняет отчетливую связь с семантикой грузинской, то в лазской семантика резко сужена.

Неясно, может ли сюда же относиться основа редкого сванского (в.-бальск.) глагола *li-şkind-e* 'сочиться, выделяться'. Во всяком случае, сван. *şkidil-* 'помет (птичий)' производит впечатление заимствования из другого картвельского источника (ср. конечный сонорный основы, не сохраняющийся в сванских континуантах праязыковых форм).

Грузинский и занский материал отождествлен А.С.Чикобава [Чикобава 1938: 399].

Для грузинско-занского состояния реконструируется характеризующийся аблаутным чередованием архетип **çkënd-* : *çkɛd-*. Для этого же уровня восстанавливается и отглагольный субстантив **çkintɪ-* 'помет (птичий)' [Климов 1964: 245]. Характерное для грузинско-занских форм основы абруптивное качество последнего смычного основы указывает, на наш взгляд, на ее подверженность экспрессивной переработке. Наличие в ней аблаутного чередования говорит в пользу глубокой давности ее функционирования на картвельской почве. Необходимо, однако, подчеркнуть, что необычно сложная фонологическая структура формы нулевой ступени огласовки этой основы заставляет картвелистов искать пути объяснения ее истории. Так, Ф.Г.Эртелишвили полагал, что она представляет собой усложнение (с последующим преобразованием) основы *çmed-* : *çmd-* 'чистить' [Эртелишвили 1970: 284], а И.Г.Меликишвили, обращая внимание на обилие ее диалектных вариантов в грузинском, признает вероятность ее заимствования во всяком случае из одного картвельского языка в другие [Меликишвили 1980: 52].

В этих условиях напрашивается сопоставление картвельского архетипа с индоевропейской глагольной базой *(s)*kendh-* 'осаждать(ся), погружаться' на правах древнего заимствования, связанного, как можно думать, с практикой культуры виноделия. Индоевропейская глагольная база располагает своими континуантами по крайней мере в греческой и балтийской ветвях [Роконгу 1959: 930; Манин 1986: col. 1156—1157]. Греческое продолжение основы фонетически стоит слишком далеко от картвельского материала для того, чтобы усматривать в нем непосредственный источник заимствования. Противоречит такому допущению и факт закономерно дифференцированного соотношения вокализма в картвельском материале. В то же время в основе трудно усматривать, как это иногда предполагается, ностратическое наследие (так, например, начальный консонантизм картвельской и сходной индоевропейской формы не укладываются в схему соотношений, намеченную А.Бомгардом в его версии ностратики [ср. Bomhard 1990: 354]).

Картв. **çumb-* / *çumr-* 'промокать, пропитываться водой'
~ и.-е. **syomb(h)o-*

Глагольная основа грузинско-занского хронологического уровня. Относясь к лексической группе, связанной с обозначением не характерной для кавказской действительности сырой, болотистой местности, она рассматривается здесь как составная часть так называемой

колхидской лексики (ср. **z₁webu-*, **rabo-*, **ç₁ero-* и несколько других тяготеющих сюда архетипов).

Груз. *çitp-* 'промокать, пропитываться водой'

Мегр. *çitp-* то же

Лаз. *çitp-*, *çotp-* то же

В древнегрузинских памятниках основа засвидетельствована в двух основных фонетических вариантах — *mçub-* и *nçub-* (масдар — *mçubeba*, *açtomçubeba* 'купаться, брызгаться водой', ср. также *nçubva* [Абуладзе 1973: 311 и 331]. Ср. *çori imçuba sagorelsa mçvirisasa...* 'свинья извалялась в луже грязи...' 2-е Посл. Петра 2₂₂. В тексте Библии зафиксировано и соответствующее причастие *açtomçubebul-* 'ывалявшийся в грязи'. В примечании издателя к форме этой основы, представленной в «Истории Грузии», справедливо подчеркивается, что ее, видимо, давно не слышали переписчики этого летописного собрания, вследствие чего в целом ряде рукописных вариантов последнего налицо искажения в ее записи.

Редкость контекстов с вхождением соответствующего глагола дает основания считать, что его семантика могла быть шире. В пользу этого говорит, в частности, грузинское производное *çitp-e* 'грязная лужа, небольшое болотце', образованное посредством присоединения номинализующего аффикса *-e*. Хотя в опубликованных памятниках древнегрузинского языка последнее не встречается, в форме *çitbe-* оно налицо в словаре С.Орбелиани, широко пользовавшегося древнегрузинским материалом [Орбелиани 1966: 336].

Обращаясь к новогрузинским фактам, здесь можно назвать такие диалектные формы, как имер. и джавах. *çitpva* 'промокнуть, измокнуть', гур., аджар. и джавах. *ga-zitpva* той же семантики [ср. Нижарадзе 1971: 420; Беридзе 1981: 26; Глonti 1984: 116], а также картл. *da-çitpva* 'слегка намокнуть' (что касается отглагольных производных, то среди них засвидетельствованы рач. *çitpe-* и имер. *çitpo-* 'грязная лужа', а также джавах. *çitpl-* 'брызга грязи' [Беридзе 1981: 166] и ингил. *çitpal-* 'крупная капля').

Основа достаточно широко представлена и в занской ветви картвельских языков. В частности, в мегрельском она отражена в глаголе *doçitpua-* 'промокнуть до основания, забрызгаться грязью', от которого здесь произведено причастие *doçitper-*, *doçitpel(e)-* 'промокший до основания, забрызганный грязью' (именная лексема *çitpe-* имеет в мегрельском ограниченное распространение и нередко квалифицируется информантами как грузинизм). Засвидетельствована эта основа и в лазском языке, где ее выявляют как глагол *oçitpi-*, *oçotpi-* 'промокнуть, пропитаться водой' (ср. аористную форму 3-го лица ед. числа *diçitpi* 'он вымок'), так и атрибутив *çitper-* 'промок-

ший до основания' [Кутелия 1986: 122]. Она отсутствует, по существу, лишь в сванском языке, где спорадически встречающееся *çitp-*, *çwip-* 'лужа' воспринимается носителями языка как безусловный грузинизм.

Ясно, таким образом, что здесь перед нами одна из многочисленных грузинско-занских материальных общностей, обнаруживающая юго-западный центр тяготения. Заметна закономерность, согласно которой с продвижением с запада на восток картвельской языковой области, а также с ее юга на север эта глагольная основа оказывается все менее известной (в частности, по сведениям наших информантов, она неизвестна в восточногрузинских горских диалектах).

Фонетическая история корня довольно коротка. Грузинские диалектные формы с анлаутным *t* явно вторичны, что можно подтвердить аналогичным развитием, засвидетельствованным и на другом материале (менее ясны его формы с начальным *z*). Если спроецировать данные современных картвельских языков в грузинско-занское состояние, то будет естественным реконструировать праязыковую глагольную основу **çitp-* 'пропитываться водой, промокать'. Дополнительная перспектива фонетической реконструкции исследованию сообщает привошедший выше древнегрузинский материал, позволяющий картвелистам прийти к варианту архетипа **çumb-* [Neisser 1953: 16; Эртелишвили 1970: 165]. Как и в некоторых других картвельских основах, характеризующихся конечным абруптивом, в первом из вариантов ощутим звукосимволический оттенок, возникающий в картвельском материале в тех случаях, когда в нем имеет место субституция этимологического *b* абруптивным *p*, имеющим экспрессивную функцию (ср. аналогичное развитие в картв. **tkeb-* 'прижимать, придавливать' > груз.-зан. **tkep-* 'топтать, попирать').

Располагая вариантами грузинско-занского архетипа с конечным звонким и абруптивным, естественно сопоставить его с индоевропейской именной основой **sʷomb(h)o-* 'губчатый, пористый', продолжения которого зафиксированы в германской и греческой ветвях, ср. герм. **swampa-* (< и.-е. **sʷombo-*: н.-нем. *zwamp*, ср.-н.-нем., ср.-голл. *somp* 'болото, топь, трясина') наряду со **swamba-* 'губка; гриб' (др.-в.-нем. *swamb*, *swambo*, гот. *swamms*, нем. *Schwamm*) и греч. *σῶμβος* 'губчатый, пористый: рыхлый (о земле)' (< и.-е. **sʷombho-*) [Boisacq 1916: 887; Pokorny 1959: 1052; Lehmann 1986: 332]. Выказывалось также сугубо гипотетическое мнение о пеласгском происхождении греческого слова [Merlingen 1954: 298].

Семантическое сходство картвельской и индоевропейской основ не вызывает сомнения. В то же время фонетический облик картвельского материала полностью исключает возможность его трактовки

как более позднего заимствования — например, устным путем — из греческого. Отметим, что известны и несколько других иллюстраций передачи и.-е. *bh* посредством *b* в картвельском: ср. и.-е. **uebh-* ‘плетсти’ ~ картв. **γweb-* (см. II главу), и.-е. **ghrōbhō-* ‘ров, канава’ ~ картв. **rabo-* (см. выше). Если предлагаемое сопоставление корректно, то приведенный выше картвельский материал способен пролить, как думается, дополнительный свет на семантическую структуру и самой индоевропейской именной основы.

Придерживаясь мнения об ареальной природе этого материального параллелизма, мы не придаем слишком много веса тому факту, что соотношение и.-е. *s* ~ картв. *ç*, представленное здесь в инициальной позиции, не укладывается в схемы фонологических корреспонденций между языками обеих семей, как они очерчены в версиях ностратической гипотезы, принадлежащих В.М.Иллич-Свитычу и А.Бомгарду. Более существенными представляются в этом отношении другие аргументы.

В качестве одного из свидетельств в пользу признания рассматриваемой основы одним из древнейших индоевропеизмов в картвельских языках может служить то обстоятельство, что она обладает некоторыми чертами дескриптивных образований, характерных для индоевропейских языков. Так, согласно Р.Пфистеру, в соответствующем индоевропейском материале налицо, с одной стороны, ономато-поэтическая группа *si*, несущая широкое понятийное содержание, а, с другой стороны, аналогичный комплекс *tb*, содержащий экспрессивное *b*, особенно продуктивное (в своем рефлексе *p*) в германских языках [Pfister 1954: 90 и 100]. Напротив, в собственно картвельском наследии сочетания *tr* и *tr*, как это следует из работ по фонологической синтагматике картвельских языков, чрезвычайно редки, вследствие чего их иногда предлагают квалифицировать в качестве неканонических [Гудава-Гамкрелидзе 1981: 208—209].

Другим критерием такого рода служит отмеченная выше принадлежность картвельского глагола, содержащего эту основу, к специфической понятийной сфере, другие лексические корреляты которой также восходят к индоевропейскому источнику (ср. известные преимущества так называемой групповой реконструкции).

Наконец, в пользу предлагаемого решения в некоторой степени может говорить и ареальная закрепленность рассматриваемой основы за западной или, точнее, юго-западной частью картвельской языковой области, непосредственно примыкающей к восточной Анатолии, где существование индоевропейской речи представляется допустимым уже для отдаленной эпохи, предшествовавшей экспансии хуррито-урартских племен.

При современном состоянии исследования проблемы взаимоотношения картвельских и индоевропейских языков было бы неоправданным полностью исключить возможность объяснения рассматриваемой параллели как возникшей на основе принципов, характерных для дескриптивной лексики, что кажется менее вероятным (на фоне принципов дескриптивного словаря, общего для кавказских языков, бросается в глаза отсутствие его аналогий за пределами картвельской языковой области). Впрочем, и в последнем случае едва ли было бы возможным рассматривать эту параллель в качестве совершенно случайной, к чему склонялся в свое время Г.Фогт [Vogt 1939: 337].

Картв. **ç₁ero-* 'журавль'
~ и.-е. **ger(du)-* (**k'er-*)

Наряду с уже рассмотренными в предшествующем изложении груз.-зан. **kaḳab-* 'куропатка' и **opor-* 'удод'. это слово является одним из картвельских обозначений птиц, сближающихся с соответствующими словами индоевропейских языков. Если учитывать, что журавль, будучи по преимуществу болотной птицей, характеризует прежде всего мир пернатых Западной Грузии, то его обозначение может быть включено в состав колхидской лексики.

Груз. *çero-* 'журавль'
Мегр. [*çaro-*] 'птица-рыболов'

Грузинская лексема нередко встречается уже в древнейших памятниках письменности, где обычно выступает в форме *mçero-*: ср. ...*da mçero da šašuni...* '...и журавли и дрозды...' [Абуладзе 1973: 309]. Вариантами *çero-* и *mçero-* она зафиксирована в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 549]. Далее слово засвидетельствовано в тексте грузинского перевода «Калилы и Димны» («Килила и Дамана»). Еще позже оно отмечается у писателя XVIII столетия Бесики (Бесариона Габашвили).

Закономерное мегрельское соответствие лексемы Г.В.Рогава усматривает в форме *çaro-*, также фигурирующей в словаре С.Орбелиани. Согласно объяснению последнего, это — «птица, похожая на коршуна; садится на деревья, вылавливает из воды рыбу и ест». По догадке Г.В.Рогава, эта лексема может лежать и в основе мегрельского фамильного имени *Čaraia* — Чарая [Рогава 1988₂: 59]. Однако в современном мегрельском, равно как и в сванском языке, в ее роли уже выступают очевидные грузинские заимствования — ср. мегр. *çero-*, *mçero-* и сван. *čarw-* (факты подобного вытеснения исконных форм здесь широко известны).

Как полагает Г.В.Рогава, это обозначение журавля «могло проникнуть в картвельские языки из индоевропейских, поскольку, как

известно, через Кавказ проходили многие индоевропейские народы» [Рогава 1988₂: 60]. В связи с этим автор даже говорит о «субстратной индоевропейской лексике» в кавказских языках в целом. Здесь же сообщается, что историческую близость картвельского материала к русскому обозначению журавля впервые, по-видимому, отметил Г.С.Ахвледиани, что едва ли верно [ср. Мapp 1935: 256].

Грузинско-занский архетип сопоставим с и.-е. **ger(ōu)*- 'журавль', продолжениями которого являются такие обозначения птицы, как лат. *grūs*, греч. *γέρανος*, лит. *gėrvė*, лтш. *dzērve*, др.-русск. жеравль и др. [Рокорну 1959: 384]. Этот архетип, не уместающийся в рамках фонетических соотношений между картвельскими и индоевропейскими языками, намечавшихся в ностратических концепциях, способен поддержать реконструкцию праформы индоевропейского слова в виде **k'erō(u)*-, т.е. с начальным смьчногортанным согласным [ср. Гамкрелидзе-Иванов 1984: 540, 867] и тем самым служить одним из свидетельств в пользу глоттальной теории праиндоевропейского консонантизма.

Займствование слова из индоевропейского источника представляется достаточно вероятным и на фоне того особого отношения к птице, которое существовало у индоевропейцев в прошлом. Так, еще в древнем Риме журавль пользовался бесспорным расположением, отразившемся позднее и в Алеманнской правде, согласно которой «*si grus fuerit furata aut occisa 2 solidos solvat...*» [Schrader 1901: 918]. Будучи в кавказском регионе перелетной птицей, картвелами и их соседями журавль рассматривается как весник весны.

Глава IV. ПОЗДНЕЙШИЙ ПЛАСТ «ДОИСТОРИЧЕСКИХ» КАРТВЕЛЬСКИХ ИНДОЕВРОПЕИЗМОВ

Рассмотренный в двух предшествующих главах список древнейших картвельских индоевропеизмов был бы неполным, если не учесть наличия в картвельских языках еще одного их пласта, усвоение которого должно быть отнесено, по всей вероятности, к наиболее позднему периоду дописьменной истории картвелов. Поскольку в настоящее время не видно достаточно веских оснований идентифицировать источники соответствующих именных лексем и глагольных основ с формами каких-либо из исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, их также естественно включать в число «доисторических».

Отличительной формальной чертой конкретных единиц этого пласта лексического материала является его неподверженность закономерностям исторической фонетики картвельских языков. Обычно в глаза бросается либо значительное единообразие их фонетического облика по языкам, либо незакономерное расхождение их звукотипа, либо, наконец, фиксация единицы лишь в одном из языков. В тех единичных случаях, когда составляющие его лексемы образуют вместе с тем общекартвельские изоглоссы, т.е. засвидетельствованы во всех ингредиентах этой семьи, следует считать, что они распространялись уже посредством контактной передачи из одного языка в другие. Присущий иногда им архаичный фонетический облик признается все же недостаточным критерием для их проекции в более отдаленное прошлое, поскольку такие лексемы могли проникать сюда позднее через какие-то опосредствующие звенья. Тем не менее, как уже подчеркивалось в предшествующем изложении, отдельные из фигурирующих ниже лексем могли функционировать уже в некотором ареале предшествовавшего или даже праязыкового состояния. Должно быть очевидным, таким образом, что задача хронологиче-

ского размежевания заимствований характеризуется здесь своими трудностями. Другое, в значительной мере специфическое обстоятельство, осложняющее исследование на этом уровне, заключается в трудности взаимного разграничения некоторых «доисторических» индоевропеизмов, с одной стороны, и того материала, который находит свои antecedенты уже в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках, с другой. В частности, определенные проблемы возникают при попытке их строгого размежевания с древнейшими гречизмами, проникавшими в Закавказье, как уже установлено в специальной литературе, также и устным путем [ср. Deeters 1937].

Иллюстрацией трудностей, которые приходится преодолевать при рассмотрении подобных случаев, может служить обозначение невестки, зафиксированное в занских языках (ср. мегр. *nosa-*, *nisa-* при лаз. *nusa-*, *nisa-*), которое, судя по некоторым обстоятельствам, может претендовать на определенную давность заимствования и, как иногда отмечалось, способно отражать древние кавказско-индоевропейские связи. Так, аналогично ряду исконных лексем, ее формы множественного числа приобретают элемент *l*, считавшийся в прошлом историческим суффиксом-детерминантом основ: ср. лаз. *nusa-l-ep-* 'невестки'. К тому же в речевом сознании лазов она воспринимается как собственное достояние, в отличие от вытесняющего ее в лазском тюркизма. Соотношение вокализма первого слога мегрельской и лазской форм напоминает соответствие гласных, существующее в исконном для обоих языков материале. На раннем этапе исследования встречалось даже мнение об исконности лексемы.

В попытках объяснения происхождения слова нет недостатка. И.А.Джавахишвили трактовал его в качестве исконного достояния картвельских языков и даже усматривал в нем окаменелый префиксальный элемент *n-* [Джавахишвили 1937: 183]. По мнению А.С.Чикобава оно, напротив, неисконно и должно восходить к далее не уточнявшемуся им арабскому источнику [Чикобава 1938: 39]. Согласно осторожному высказыванию Г.Фогта, картвельские лексемы напоминают армянское *ни* 'невестка' и другие сходные индоевропейские формы [Vogt 1938: 338] (позднее Г.Зольта не без основания подчеркнул, что они не могут непосредственно зависеть от армянского источника [Solta 1960: 195]). Совершенно невероятно предположение К.Боуды о происхождении слова из «исламских культурных языков» [Bouda 1950: 298]. М.К.Андроникашвили считает ее очевидным иранизмом [Андроникашвили 1966: 101], а В.Поллак характеризует занские формы, имея в виду их греческую и албанскую аналогии, как связанные со «старым балканским словом» [Polák 1967: 137—138].

Из этой совокупности мнений в настоящее время имеется возможность с какой-то степенью надежности аргументировать гипотезу иранского происхождения слова, которое в формах *nus*, *nusa*, *nəs̄* широко распространено и в пределах Северного Кавказа.

В основе всех кавказских форм в конечном счете должно лежать некоторое продолжение известного индоевропейского обозначения невестки **snuso-s* / *snusā* [ср. Pokorny 1959: 978]. Дальнейшая фонетическая история слова оказывается подчиненной определенным закономерностям, если в качестве одной из его промежуточных ступеней признать индоиранский архетип **snušā-*, отражающий регулярный для ареала его функционирования переход *s* > *š* в позиции после *u*. Еще более существенно то обстоятельство, что в своей дальнейшей истории лексема подчиняется закономерностям исторической фонетики осетинского языка: в отличие от других иранских языков, именно для последнего характерны как утрата начального *s* в данной консонантной последовательности, так и последующий сдвиг шипящего согласного в свистящий.

Таким образом, в форме *nusa* перед нами, по-видимому, старый облик осетинского (аланского) *nostæ* 'невестка', последний слог которого является известным словообразовательным аффиксом, а вокализм которого считается результатом ассоциативного сближения слова с осетинским обозначением молодой женщины [ср. Абаев 1973: 190].

В соответствии с таким направлением заимствования решается и вопрос о хронологии заимствования в картвельских языках. Если исходить из того, что слово проникает сюда через посредство адыгских языков (ср. наличие в лазском таких несомненных адыгизмов как *nisaɣa-*, *nusaɣa-* 'жена деверя', восходящих к адыгскому *nəs̄əɣw* той же семантики, в котором к основе обозначения невестки присоединен продуктивный словообразовательный аффикс *-əɣw*), то вероятная эпоха его усвоения скорее всего соотносится с периодом начиная с XVI столетия, ознаменованным расцветом адыгского феодализма и усилением его политического влияния на всем Западном Кавказе. С таким решением во всяком случае согласуется тот факт, что производное от рассматриваемого слова груз. *nusadi* 'жена дяди' (< мегр.) впервые фиксируется в Толковом словаре С.Орбелиани, созданном на рубеже XVI—XVII вв. [Орбелиани 1965: 600] (что касается экстралингвистических стимулов этого заимствования, то они едва ли отличаются от причин упомянутого выше вытеснения слова тюркизмом в лазском языке).

В целом сферы внеязыковой реальности, отражаемые лексическим материалом этой главы, значительно более разносторонни, чем

в двух предшествующих главах. Помимо характерных элементов культурного вокабуляра, словаря экзотизмов и некоторых других категорий слов, как они представлены в общекартвельском и грузинско-занском пластах, здесь налицо и факты, не укладывающиеся сколько-нибудь строгим образом в эти группы. В нижеследующем кадастре несколько иначе выглядит и удельный вес различных лексических групп.

Так, из рассматриваемого далее материала следует, что заимствованная терминология скотоводства и земледелия занимает здесь более скромное место относительно некоторых других тематических групп слов, составляющих теперь более широкие наборы лексем. Обе названные группы представлены сравнительно скромно: ср. груз. *aṣua-* 'лошадка', мегр. и лаз. *ḵund-* 'экскременты, навоз', груз. (> мегр., лаз.) *nigoz-* 'ядро грецкого ореха', мегр. *kab(u)la-* 'теленочек (однолетний)', с одной стороны, и груз. *gogra-* 'тыква (посудная)' и *xendro-* 'клубника', с другой. К числу обозначений продуктов сельскохозяйственного производства можно отнести груз. *ḵvet-* 'сычуг', лаз. (/мегр. > груз.) *kra-* 'рог', груз. (> мегр., сван.) *saraḷ(a)-* 'пчелиные соты', а также сван. *ḡwäse-* 'нутряное сало'.

Вместе с тем, в особую лексическую группу здесь естественно выделить слова, относящиеся к сфере рыболовства: ср. встречающееся во всех картвельских языках обозначение удочки или рыболовного крючка типа груз. *anḵes-*, а также груз. и мегр. *zutx-* 'осетр' и *ṭop-* 'нереститься', усвоение которых, если учитывать издавна известную в Западной Грузии практику рыболовства, может, по-видимому, претендовать и на более глубокую хронологию.

Важный фрагмент культурного вокабуляра картвельских языков, по существу отсутствующий в предшествующих главах монографии, образуют несколько обозначений предметов домашней утвари и некоторых других атрибутов быта: ср. груз. и мегр. *bol-* 'дым', *ka(k)v-* 'крючок', груз., мегр. и лаз. *ḵera-* (с его вариациями) 'очаг', мегр. и лаз. (> сван.) *ḵala-* 'ключ, запор', груз. (> мегр., лаз., сван.) *sqwen-* (с вариантами) 'сени, чердак'.

Дальнейшее возрастание удельного веса в анализируемом материале обнаруживает словарь экзотизмов, связанных с обозначениями атрибутов равнинного, в первую очередь — низменного природного ландшафта, т.е. фонд колхидской лексики. Последнее обстоятельство способно, на наш взгляд, свидетельствовать о более основательном знакомстве древних картвелов с соответствующим регионом западной части Закавказья. Сюда с большей или меньшей степенью очевидности должны относиться такие лексемы, как груз. *anḵara-* 'уж', *breg-* 'небольшая возвышенность', *dube-* 'впадина, низина',

krazana- 'шершень, овод', мегр. и лаз. *leṭa*- 'грязь', мегр. *reka*- 'галечное русло реки', груз. *srufe*- 'протока, пролив', груз. (> сван.) 'ил, тина', груз., мегр. и лаз. (> сван.) *ṣurbel*- 'пиявка'.

Бросается в глаза появление здесь также нескольких именных и глагольных лексем весьма абстрактной семантики: ср. груз. (> мегр.) *gemo*- 'вкус', груз. (> мегр.) *dro*- 'время', груз. (> мегр.) *madl*- 'благодарение, милость', мегр. *lex*- 'больной', груз. (> мегр.) *pirv-el*- 'первый', груз. (> мегр., лаз.) *parto*- 'широкий', груз. *ṭp-* 'наслаждаться, любить', *pard*- 'продавать'.

Наконец, в отличие от материала двух предшествующих глав, здесь встречаем два слова, относящихся к сфере семейных отношений — лаз. *bere*- 'сын, мальчик', груз. *zaluu*- 'жена дяди'.

В целом из этого краткого обзора напрашивается вывод о том, что семантика рассматриваемых в этой главе лексем отвечает значительно более высокому уровню развития общества в Закавказье в эпоху, ознаменовавшуюся уже утверждением железа. Необходимо иметь в виду, впрочем, что отдельные из приводимых ниже параллелизмов могут претендовать на более глубокую древность. И только отсутствие критериев, которые однозначно указывали бы на несомненную давность их функционирования в картвельской языковой области, заставляет в настоящее время воздержаться от их более глубокой хронологической проекции.

При всем разнообразии семантических сфер распределения этих лексем имеется все же один критерий, позволяющий их разбить на две большие группы. Таковым является критерий преимущественной ареальной принадлежности слова, в соответствии с которым одна их группа явно тяготеет к западному ареалу картвельской языковой области, другая — к ее восточному ареалу.

В большинстве случаев трудно усмотреть сколько-нибудь конкретные источники этих заимствований. В лучшем случае имеются основания говорить о преимущественном тяготении некоторых из рассматриваемых здесь форм к материалу отдельных ветвей индоевропейских языков. Так, часть приводимых фактов, среди которых следует назвать груз. *aṣua*- 'лошадка' (детское слово), *dag*- 'прижигать каленым', груз. (> мегр.) *dro*- 'время, срок', мегр. *reka*-, *rega*- 'галечное русло реки', груз. (> мегр., сван.) *sara ṣ(a)*- 'пчелиные соты', груз. (> мегр.) *silu*- 'песок', а также груз. *ṭp-* 'наслаждаться, испытывать чувство любви', *parto*- 'широкий', *prta*- 'крыло, перо' и, наконец, сван. *ṣwäse*- 'нутряное сало', обнаруживает определенную близость к соответствующим индоарийским формам. В силу обстоятельств исторического порядка их наиболее вероятным источником могут служить древние индоарийские диалекты Передней Азии, хотя и по большей

части опосредованные другими языками, непосредственно соприкасавшимися с начала I тысячелетия до н.э. с картвельскими [ср. Климов 1993: 40—49]. Эти факты, вместе с уже приводившимися в III главе, поддерживают точку зрения, согласно которой некоторые из картвельских индоевропеизмов способны отражать собой следы каких-то передвижений древних индоарийских диалектов по территории Закавказья [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 919]. Лишь в двух случаях — груз. *goga-* ‘тыква (посудная)’ и *madl-* ‘благодарение’ — можно предполагать вероятный анатолийский источник (ср. в последней связи, по-видимому, согласующееся с этим обстоятельством мнение Я.Пухвела о том, что хетты не были знакомы с южным побережьем Черного моря [Puhvel 1984: 181]). Отметим, наконец, что в нашем материале по существу неощутимыми оказываются следы иранского воздействия (в этих условиях остается неясным, на какую аргументацию опиралось мнение, согласно которому грузинские племена лишь в IV в. до н.э. вытеснили из долины Куры длительное время господствовавших там скифов [см. Худадов 1938: 126]).

Груз. *ankara-* ‘уж’

~ и.-е. **ang#or-*, **ang#ur-*

В остальных картвельских языках лексема неизвестна (в самом грузинском распространены ее региональные синонимы *švela-* и *zlokv-* [Глонти 1984: 688]). В древнегрузинском она не встречается, однако засвидетельствована в своем современном значении в первом Толковом словаре грузинского языка [Орбелиани 1966: 61]. Конечный вокализм, по-видимому, является историческим диминутивным аффиксом. К грузинскому источнику восходят бацбийское, кистинское и удинское (октомб.) обозначения ужа.

Обладая необычной для картвельского корня фонетической структурой, слово сближается с индоевропейским **ang#or-*, **ang#ur-*, служащим в большинстве его продолжений обозначением угря: ср. лит. *ungurys* (из др.-балт. источника заимствовано фин. *ankerias*), слав. **ogorъ*, греч. (Гесихий) ἰμβηρίς, лат. *anguilla* ‘угорь’ [ср. Pokorny 1959: 44; Мapp 1984: col. 24]. Несмотря на фонетически особенно близкое к лексеме др.-в.-нем. *angar* ‘земляной червь’, ее едва ли возможно признать германизмом, для чего не видно реального исторического контекста. С точки зрения глоттальной концепции праиндоевропейского консонантизма здесь обращает на себя внимание передача индоевропейского звонкого абруптивом. В то же время, если принять во внимание, что само индоевропейское слово рассматривается в качестве производного от **ang#(h)i-* ‘змея’, образованного посредством присоединения диминутивного элемента [Pokorny 1959:

44; Schrader 1901: 1], то грузинская форма интересна и своей более архаичной семантикой.

Сопоставление материала впервые встречается в работе [Bouda 1950: 300].

Картв. *ankes-* 'рыболовный крючок, удочка'

~ и.-е. **ankes-*

Несмотря на наличие лексемы во всех картвельских языках, она не выявляет в них закономерных фонетических соотношений. Однако ее весьма архаичный звукотип, едва ли не совпадающий с индоевропейским архетипом, позволяет предполагать, что обозначение этой культурной реалии проникло в картвельскую языковую область достаточно давно и затем распространялось из одного языка в другие: ср. груз. *ankes-*, мегр. *ankes-* (сен.), *an(t)kɛc-*, *arkɛc-* (зугд.-сам.), лаз. *ankɛs-*, *ankɛc-*, сван. *ankɛs-* (б.-зем.), *ankɛz-* (лент.).

В древнегрузинских письменных памятниках лексема, по-видимому, не встречается (в этом значении употребляется иное слово, засвидетельствованное в Четвероголове). В обобщенном значении 'крючок' она налицо в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 61]. В плане семантики интересно обычное совмещение в слове двух по существу разных значений, характерное и для его аналогов в остальных картвельских языках.

Занские формы повторяют с некоторой вариацией грузинскую, хотя отношения зависимости между ними скорее обратные, поскольку практика рыболовства всегда тяготела к крайнему западу Закавказья — прежде всего к низовьям рек, впадающих в Черное море. Мегрельские вариации слова с *t* и *s* требуют объяснения; не исключено, что они обязаны контаминации с глагольной основой *tɛc-* / *tɛic-* 'треснуть, лопнуть'. Его лазский эквивалент с *s* записан у лазов Абхазии и, вероятно, зависит здесь от мегрельской формы (в лазском зафиксированы и другие обозначения удочки, что естественно, если учесть развитость рыболовецкого промысла у носителей этого языка).

Сванские аналоги слова несомненно зависят от форм других картвельских языков.

Звукотип этой изолированно стоящей в картвельском словаре лексемы, в частности, ее вокалический анлаут, указывают на ее неисконность. О зависимости грузинского и мегрельского слов от индоевропейского источника догадывался еще И.Кипшидзе, полагававший, что они идут из греческого [Кипшидзе 1914: 197]. Однако выглядящая весьма соблазнительной их непосредственная увязка с

греч. *ἄγκιστρον* 'крючок (преимущественно рыболовный)' затруднительна по фонетическим причинам.

Более правдоподобным кажется сопоставление картвельского материала с и.-е. **ankes-* 'изгиб, крючок', продолжениями которого являются др.-инд. *aṅka-ḥ* 'изгиб, крючок', лат. *ancus* [ср. Pokorny 1959: 45; Mann 1984: col. 25—26]. Принято считать, что индоевропейское слово произведено от корня *(H)*ank-* посредством аффиксации распространения *-es*. Картвельские формы объединяются в некоторое единое семантическое микрополе с рассматриваемыми далее груз. *zutx-* 'осетр' и *ṭop-* 'нереститься'. Лексема, по всей вероятности, распространялась из Западной Грузии, где издавна ловили рыбу, в частности, осетровых, удочкой на крючок. Археологические данные свидетельствуют, что рыболовный крючок, делавшийся первоначально из кости или раковины, является весьма древним изобретением и в благоприятствующих рыбной ловле регионах появился еще в позднем палеолите [ср. Косвен 1953: 62]. Отметим в этой связи, что уже для грузинско-занского состояния реконструируется обозначение сети или невода, представленное исконным материалом. (Не связано ли с индоевропейским словом и как будто изолированное рутульское *angaz* 'прядильный станок?').

Груз. *aṣua-* 'лошадка'

~ и.-е. (диал.) **aṣua-*

Эта изолированная в картвельском корнеслове грузинская лексема представляет собой «детское слово», связанное с междометным понуканием лошади *aṣu!* [ср. Орбелиани 1965: 87] (подобно другим случаям такого соотношения, междометие следует признать вторичным). Ее аномальная фонологическая структура дает основания видеть в ней заимствование.

Связь слова с индоарийским материалом впервые была замечена еще Ильей Чавчавадзе [ср. Глonti 1988: 16] и в дальнейшем принималась другими авторами. Действительно, оно обнаруживает наибольшую близость к др.-инд. *áśva-* 'лошадь', восходящему к и.-е. **eḱwo-* [ср. Pokorny 1959: 301; Mann 1984: col. 237—238], другие известные продолжения которого отклоняются от него в большей степени (ср. авест. *aspa-* 'лошадь, конь', лит. *ašvà, ešva* 'кобыла'). В литературе подчеркивают отражение в нем индоевропейского палатального *k̥* по архаичному индоиранскому типу с сохранением аффрикаты *č̥* [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 919]. Оно либо является архаизмом, восходящим еще к грузинско-занскому состоянию, либо проникло в грузинский позднее через какое-либо иное языковое средство.

Как известно, лошадь проникает в Закавказье во второй половине II тысячелетия до н.э. С конца этого тысячелетия она уже играла существенную роль в жизни населения Иоро-Алазанского бассейна в Восточной Грузии [Пицхелаури 1979: 49].

Лаз. *bere-* 'мальчик, сын'
~ и.-е. (диал.) **ber-*

Лексема в настоящее время представлена только в лазском языке. Мнение о сохранении следов ее функционирования в мегрельских и грузинских фамильных именах [Чикобава 1938: 19] нуждается в дополнительной аргументации.

Высказывалось предположение о зависимости слова от нахских форм (ср. чеч. *bēr*, инг. *ber*, бацб. *bader* 'дитя'). В целях преодоления возникающих при этом трудностей истолкования ареального соотношения картвельского и нахского материала допускалось, что факт заимствования мог относиться к весьма отдаленной эпохе, когда лазы «должны были обитать значительно южнее» [Чикобава, указ. соч.]. С другой стороны, В.М.Иллич-Свитыч со знаком вопроса сопоставляет лазское слово в рамках ностратической гипотезы с и.-е. **bher-* 'ребенок' [Иллич-Свитыч 1971: 194—195]. Этому препятствует вокализм лазской формы, не подвергшийся занскому передвижению гласных, характеризующему исконнокартвельский материал.

Скорее здесь имеем дело с одним из более поздних «доисторических» заимствований. Лаз. слово с индоевропейским материалом связал на правах заимствования В.Полак, указавший при этом на алб. *bir* 'сын' [Polák 1967: 130—131]. Из его других аналогов этого рода отметим готск. *bam*, ст.-лит. *bernas*, лтш. *bērns* 'ребенок', др.-исл. *burr* 'сын', зависящие, как нередко полагают, от индоевропейской глагольной базы **bher-* 'носить' > 'рождать' [ср. Pokoigny 1959: 130—131].

Груз., мегр. *bol-* 'дым (светлый)'
~ и.-е. **bhōlo-*

Одна из именных лексем, отражающих атрибутику многих производственных процессов, практиковавшихся древними картвелами. Ее заимствование внесло, по-видимому, ограничение в широкую семантику исконнокартвельского обозначения дыма и пара (ср. др.-груз. *kuaml-*, обозначавшее и то и другое [Абуладзе 1973: 204]).

В грузинском и мегрельском слово имеет единую форму. В памятниках древнегрузинской литературы оно не прослеживается. Впервые оно зафиксировано в среднегрузинскую языковую эпоху. В Толковом словаре С.Орбелиани лексема интерпретируется как 'большой дым' [Орбелиани 1965: 112]. В современном языке это широко

распространенная единица словаря, отчетливо отграниченная от обозначения густого, темного дыма. Налицо здесь и деноминативный глагол *bolva-* 'дымить, парить'.

В мегрельском слово также противопоставлено обозначениям густого, темного дыма. Здесь аналогичным образом строится производная глагольная основа *bolua-*.

Совпадение вокализма первого слога картвельских форм могло бы указывать, согласно закономерности, установленной Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани, на его историческую долготу. Однако ввиду его качества (поскольку перед нами не дескриптивное образование, где корневой гласный *o* достаточно обычен) имеются серьезные основания сомневаться в исконности лексемы.

Сопоставление картвельского материала с и.-е. **bhōlo-* 'пар, теплый поток воздуха, дымка' [ср. Pokoḡny 1959: 162] предложено Г.Фенрихом [Fähnrich 1988: 53]. В картвельских формах, как и в ряде других случаев (ср. также **pōlo-*, **puṭur(o)-*, **ḡwino-*), реализуется тенденция к утрате конечного вокализма основы. Это обстоятельство может свидетельствовать об определенной давности заимствования.

Груз. *breg-* 'небольшая возвышенность'

~ и.-е. **bherǵh-*

Исключительно грузинское достояние. Не функционирующее в литературном языке, это слово хорошо известно в новогрузинских диалектах, тяготея к их западному ареалу. Ср. имер. *breg-* 'слегка возвышенное место (на равнине)', лечх. и имер. *breḡ-* 'возвышенность, холм', мох. *beg-* 'возвышение (в поле)' [Глonti 1984: 66 и 87].

Лексема обозначает природный объект, выдающийся с точки зрения обитателя равнины. Фр.Найсер в свое время полагал, что в грузинских формах обычно имеет место вставка вторичного сонорного [Neisser 1953: 30], оснований для которой не видно.

Напрашивается сопоставление слова с широко распространенным в индоевропейских языках обозначением высокого берега или холма, отражаемым архетипом **bherǵh-*, ср. слав. **bregъ* 'берег, обрыв, холм', др.-инд. *br̥h-át-* 'высокий, большой', *br̥h-anta-* 'большой', хеттск. *parkuš* 'высокий' [ср. Pokoḡny 1959: 140—141; Mann 1984: col. 112].

Груз. (> мегр., сван.) *gemo-*, *gemr-* 'вкус'

~ и.-е. (диал.) **gām[u]r-*

Картвельский субстантив представлен груз. *gemo-*, мегр. *gemo-* / *gimo-* [Кипшидзе 1914: 214], а также сван. *gām-*. Хотя в древнейших памятниках грузинского языка (например, в тексте Библии) лексема не видно, она засвидетельствована в той части «Жизни Грузии»,

которая принадлежит историку VIII века Джуаншперу. Грузинское слово, равно как и производный от него адъектив *gemriel*- 'вкусный', толкуются у С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 10]. Мегр. формы, лежащие в основу отыменного глагола, а также сванская, зависят от грузинской. Фонемная структура слова дает основания считать его неисконным.

Картвельский материал может быть предположительно сопоставлен с его индоевропейскими аналогами, наиболее близкие из которых находим в балтийских и германских языках: лит. *gomurys*, лтш. *gaĩurs* 'десна, глотка, горло' (< и.-е. **ǵhā(u)-m̥-*), др.-в.-нем. *goumo*, нем. *Gaumen* (< и.-е. **ǵhāu-mon-*) при др.-исл. *góm-r*, др.-в.-нем. *guoto / giuto* 'нёбо' (< и.-е. **ǵhā(u)-mo-s*, **ǵhā(u)-mon-*, **ǵhēu-mon-*), являющиеся именными производными от глагольной базы **ǵhēu-* / **ǵhāu-* : *ǵhāu-* 'зевать, зиять' [ср. Рокотну 1959: 449]. Предполагаемая здесь зависимость лексемы от индоевропейского источника объясняет и наличие «незакономерного» сонорного *r* в производном от нее грузинском адъективе (любопытно, что еще Н.Я.Март, видимо, исходя из формы именно последнего, наделял прототип грузинского слова конечным сонорным [Март 1934: 205]). Для различия сопоставляемых здесь величин в семантике ср. арм. *kimk* 'нёбо; вкус'. Отметим, наконец, что грузинская лексема была в дальнейшем заимствована в цезских языках (бежт., гунз. *gemo-*, гин., цез. *gimu-*), а также в абхазском, где мы имеем *a-gam*.

Груз. *gogra*- 'тыква (посудная)
~ и.-е. (диал.) **ga(r)gra-*

Эта изолированная грузинская лексема, по-видимому, не прослеживается и в древнегрузинских памятниках. Согласно С.Орбелиани, она трактуется как обозначение разновидности тыкв, идущих на изготовление примитивной посуды [Орбелиани 1965: 168]. Ввиду несколько необычного для исконного картвельского корнеслова ее звуко типа еще Н.Я.Март находил, что слово «заимствовано или усвоено грузинским в процессе племенной метисации» и предполагал, что конечный слог *ga* выдает его «абхазско-сванское происхождение» [Март 1935: 84]. К грузинской форме восходят бацб. *gogra*, *gugra*, кист. *guaagar*, а также осет. *gog(u)ra* и бежт. *gogga* той же семантики.

Сугубо предположительно слово может быть сближено с некоторыми индоевропейскими обозначениями сосуда типа хеттск. *gagra*- 'род сосуда для воды' и др.-инд. *gárgarā* 'маслобойка' [Mayrhofer 1989: 472]. Вокализм ее первого слога мог бы указывать на занское посредство в распространении лексемы, однако в настоящее время в занском ареале слово отсутствует.

Груз. (> мегр.) *gor(a)*- 'небольшая гора, холм'
~ и.-е. **g^hor-*

Субстантив является, по-видимому, одним из ингредиентов семантического микрополя «равнинной» лексики картвельского корнеслова, понятийно обусловленным позицией равнинного наблюдателя (ср. нередкое отсутствие специализированного обозначения холма в языках насельников горных ареалов, в частности, в дагестанских). Другие индоевропеизмы, тяготеющие к этому микрополю — груз. *breg-*, *srute-*, (*ʒ*)*lam-*, груз. и мегр. *sil-*, мегр. *reka-* (см. ниже).

В наиболее древних памятниках грузинского языка слово как будто не встречается, но в виде *gor-* засвидетельствовано у Джуаншера. В Толковом словаре С.Орбелиани слово толкуется как обозначение небольшого холма [Орбелиани 1965: 171]. В современном грузинском налицо и его производное *gor-ak-* 'холмик'.

Близкие формы — мегр. *gola-* 'гора, холм' и лаз. *gola-* 'летняя кочевка', представленные в ареале занской ветви, характеризуются нерегулярным *l* (ср. также мегр. *golur-* 'горный, горец'). В мегрельском налицо вариант *gvala-* с «разложением» корневого гласного, известным и по другим примерам, а также форма *gore-* этой же семантики, производящая впечатление грузинизма. Минимальное отклонение значения лазского эквивалента исторически обусловлено характером скотоводческого хозяйства лазов, особенно в его отличии от жизненного уклада мегрелов. Следует думать, что нерегулярное занское *l* в этом субстантиве обусловлено воздействием производного от него адъектива *golur-* 'горный, горец', в котором присоединение словообразовательного аффикса с необходимостью вызывает диссимиляцию корневого сонорного. Более надежно, по-видимому, будет оперировать лишь грузинским фактом и не реконструировать грузинско-занский архетип.

Несколько необычный для собственно картвельского материала вокализм основы (не видно оснований считать ее конечный гласный признаком диминутива) позволяет думать о неисконности слова, восходящего к архетипу **gora-*. Очевидно и несоответствие облика последнего схеме фонетических соответствий, намечавшихся В.М.Иллич-Свитычем в рамках его версии ностратической гипотезы.

Если оставить в стороне связанные с этой лексемой яфетидологические выкладки Н.Я.Марра [ср. Марр 1936: 425], то упомянем мнение Н.А.Бердзенишвили, согласно которому грузинское слово восходит к социальному термину *gvar-* 'род' [Бердзенишвили 1960: 171—172], и которое исходит из идеи о первоначальной соотносительности раскопанных в различных частях Грузии холмов с искусственно измененными профилями с родовыми поселениями.

Грузинская лексема сопоставима с и.-е. *g[#]er- : g[#]or- 'гора', достаточно широко представленным своими континуантами в различных ветвях индоевропейских языков [см. Джаукян 1967: 83]. Ср. др.-инд. *giri-h*, авест. *gairi-* 'гора', лит. *girià* 'лес', алб. *gur* 'скала, камень', слав. **gora*, греч. (Гесихий) *δεῦρος* 'холм' [Pokorny 1959: 477—478; Трубачев 1980: 30]. Однако иногда предполагаемый более архаичный индоевропейский прототип, строящийся с опорой на соответствующее хеттское слово [ср. Иванов—Топоров 1974: 10—11], существенно отличается от картвельского материала.

Груз. *dag-* 'жечь (калёным)'
 ~ и.-е. (диал.) **dagh-*

Глагольная основа, известная лишь из грузинского. В древнегрузинских письменных памятниках она засвидетельствована своими именными производными — формально, причастиями будущего времени — *sa-dag-av-* и *sa-dag-(v)el-* 'каленная печать, тавро' [Абуладзе 1973: 354]. В Толковом словаре С.Орбелиани масдар этого глагола толкуется как 'прижигать калёным' [Орбелиани 1965: 190]. В современном языке форма масдара закрепила за собой и метафорическую семантику — 'боль, страдание, мýка'.

Основа может быть сопоставлена с продолжениями индоевропейской глагольной базы **dheg[#]h-* 'жечь, гореть', широко представленной в различных ветвях индоевропейских языков [Pokorny 1959: 240; Машп 1984: col. 179]. По своему вокализму она особенно близка к архаической ступени др.-инд. *dah-* < *dagh-* [ср. Mayrhofer 1957: 11, 39], что дает основания предположительно относить ее к числу отложенных языков переднеазиатских арийцев. Параллелизм впервые констатировал К.Боуда [Bouda 1950: 300]. В дальнейшем соположение принималось и Г.Б.Джаукяном, который, впрочем, параллельно сопоставляет индоевропейский архетип и с другим картвельским материалом [Джаукян 1967: 61 и 63]. Грузинский глагол отражает преимущественно практику клеймения скота (лошадей?), исторически тяготея, таким образом, к лексике скотоводства.

Груз. *dro-*, мегр. *rdo-* 'время, срок'
 ~ и.-е. (диал.) **rtu-*

Лексема известна в грузинском, а также в мегрельском. Встречается она и в древнегрузинских памятниках, где обладает семантикой, более близкой к ее индоевропейскому антецеденту: ср. *migcem žen drosa sam dxe...* 'дам тебе срок в три дня...' Син. мн. 11₁₀₁. Здесь же отмечен и ряд ее производных, среди которых *droeba-* 'опаздывать' и *midroeba-* 'повременить' [Абуладзе 1973: 142 и 242].

Мегрельская форма слова, несмотря на ее большую внешнюю близость к индоевропейскому аналогу, должна быть признана вторичной, поскольку она отражает результат характерной для этого языка метатезы согласного в комплексе, засвидетельствованной на достаточно широком фактическом материале и, в частности, в других заимствованиях (ср. мегр. *orko* 'золото' при груз. *okro*-, восходящем к греч. *ὄχρος*). Сван. *droj* 'время', как показывает его ауслат, идет из древнегрузинского.

Картвельские лексемы сопоставимы с индоиранскими формами типа др.-инд. *ṛtí-h* 'время, период; порядок, правило', авест. *ratu-* 'период, время' (сближение принадлежит К.Боуде [Bouda 1950: 300—301]) и демонстрируют сужение исходной семантики слова, относившегося к сакральной лексике [ср. Renou 1950: 431—432]. Для передачи конечного вокализма ср. приводимое далее груз. *parto-* 'широкий'. Отметим, что аналогичный индоиранизм зафиксирован и в финно-угорских языках.

Из специальной литературы известен опыт увязки с этим словом груз. *adre* 'рано' и мегр. *ordo-* 'утро' [Jedlička 1962: 112 и 114], структура которых остается не вполне ясной.

Груз. *dube-* 'впадина, низина'

~ и.-е. (диал.) **duobe-*, *đubē-*

Слово известно только из грузинского, где оно тяготеет к ареалу западногрузинских диалектов, хотя отмечено и для картлийского [Глonti 1984: 206 и 212]. В древнегрузинских письменных памятниках не прослеживается. Зафиксировано в Толковом словаре С.Орбелиани, где толкуется как 'низкое место' [Орбелиани 1965: 230]. Лексема служит составной частью известного топонима *Didube* (< *did-* 'большой' + *dube-*), обозначающего ныне один из районов Тбилиси, действительно расположенный в низине. Засвидетельствован также вторичный умлаутированный (месх.) вариант лексемы *dūbe-* и далее — *dvibe-* (гур., в.-адж.), семантика которого обнаруживает чрезвычайную важность передаваемого ею понятия для древнего картвела-земледельца. Лексема обозначает здесь несколько пониженное, защищенное от ветра место на склоне горы или холма, пригодное для обработки земли, или даже равнину у реки. Если учесть, что наиболее ранний этап развития земледелия у картвелов, не знакомых с использованием искусственных оросительных систем, связан именно со склонами гор и предгорьями, то в давности функционирования здесь слова, вероятно, не следует сомневаться.

Сопоставление слова с индоевропейским материалом предложено Я.Едличкой в совокупности с несколькими другими менее достоверными сближениями [Jedlička 1962: 106]. По своему звукотипу оно особенно напоминает балтийские формы типа лит. *duobė* 'яма, впадина', лтш. *dūobe* 'яма', восходящие к индоевропейской распространенной базе **dheu-b-* 'глубокий, полый' [Pokorný 1959: 267; Mann 1984: col. 213]. Ср. также лит. *dubūs* 'глубокий'.

Груз., мегр. *zutx-* 'осетр'
~ и.-е. **ǵhdū-*

Слово образует грузинско-занскую лексическую изоглоссу, тяготеющую к фонду колхидской лексики. Если это несколько проблематичное сопоставление корректно в формальном плане, то оно, по-видимому, может послужить одним из свидетельств практики речного рыболовства у древних картвелов в западной части Закавказья. В историческую эпоху осетр являлся уже одним из важнейших видов промысловой рыбы в этом регионе. Если в грузинском лексема представлена единообразно, то в мегрельском она выступает в трех вариантах — *zutx-*, *zuntx-* и *zəntx-*.

В древнегрузинских памятниках, возможно, в силу ограниченной жанровой принадлежности существующих текстов, лексема не видна. Она, однако, фигурирует в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1965: 293]. В грузинском она нередко служит обобщенным обозначением всех осетровых рыб. Зафиксировано и производное от него (*ga*)*zutxva-* 'зазубривать (бессмысленно)'.

В мегрельском более широко распространен вариант слова со вторичным наращением сонорного, хотя итальянский миссионер первой половины XVII века А.Ламберти приводит его форму без такового [Ламберти 1913: 207]. В самурзакано-зугдидском диалекте налицо также вариант слова с вокализмом *ə* (проникший и в абхазский язык). Часть информантов указывает для мегрельского синонимичное *çirpa-* / *çirpa-*.

В лазском лексема, по-видимому, вытеснена заимствованием. Сванское обозначение осетра *zəntx-*, как об этом свидетельствует характерная вставка сонорного, явно зависит от мегрельского.

Существенно учитывать, что следы рыболовства в низинных районах Закавказья отмечаются с достаточно давнего времени, хотя оно, по-видимому, далеко не всегда достигало высокой продуктивности. Еще в так называемой шулаверо-шомутепинской культуре, памятники которой сохранились в Центральной и Восточной Грузии и относятся к V тысячелетию до н.э., рыболовство вместе с охотой играло подсобную роль в хозяйстве. Об этом свидетельствуют иногда встре-

чающиеся здесь кости рыбы, предположительно определяемой в качестве осетровой [Кигурадзе 1987: 14]. Однако в дальнейшем значительное место в рыболовстве неизменно принадлежало Колхиде. В частности, по свидетельству исторических источников, в древности Черное море и низовья впадающих в него рек (Риона, Ингури, Чороха и др.) изобиловали осетром. И если выше по их течению, по видимому, издавна практиковалось ужение на крючок [ср. Бакрадзе 1987: 14], то у черноморского побережья еще во времена А. Ламберти, т.е. в начале XVII века, осетра продолжали ловить сетью [Ламберти 1913: 14].

И.Кипшидзе, вероятно, рассматривал мегрельское слово в качестве заимствованного из грузинского [Кипшидзе 1914: 238], что внушает сомнения уже в силу охарактеризованного выше реального положения вещей. И если говорить здесь о заимствовании, то скорее оно должно было характеризоваться обратной направленностью — из исторического ареала занской речи, где существуют и обозначения нескольких разновидностей осетровых.

Согласно далее не обосновывавшемуся предположению Ж. ван Гиннекена, картвельское слово должно восходить к праформе **zudx-*, конечный консонант которого, вероятно, отражал древний латеральный согласный [Ginneken 1938: 64].

Фонологическая структура слова, равно как и специфическая ареальная закреплённость обозначаемой им реалии, внушают мысль о его заимствованном характере. Названия осетра, равно как и его икры, благодаря их вкусовым качествам, во многих языках Европы и Ближнего Востока являются культурными словами, заимствовавшимися из одних языков в другие [ср. Georgacas 1978].

Принадлежность слова к числу доисторических заимствований может быть в какой-то степени поддержана двумя другими параллельными достояниями грузинского и занских языков — **top-*, обозначающим нерест (см. ниже), и общем ныне для всех картвельских языков названием удочки или рыболовного крючка *ankes-* (см. выше), которые распространялись, как будто, из одного картвельского языка в другие (скорее всего — из занского источника). В плане семантики картвельской лексики следует заметить, что она сложно взаимодействует с некоторыми другими обозначениями осетровых.

Впервые соположение грузинского слова с и.-е. **ghdū-* 'рыба', континуанты которого имеются в греческом, армянском и балтийских языках [ср. Рокорну 1959: 416], было предложено Г.Б.Джаукяном [Джаукян 1967: 81 и 185] при условии, «если груз. *z* соответствует и.-е. *gh*, а не является префиксальным образованием (тогда *tx-* = греч. *χθ'*)». В качестве индоевропеизма его рассматривает и В.П.На-

заров, сопоставлявший его с реконструированной им протоармянской формой **zutiH-* 'рыба', в которой конечное *H* служит обозначением ларингального [Nazarov 1977: 27]. На наш взгляд, не меньше оснований предположить некоторый более древний antecedent картвельского слова (говорить о префиксальной природе начального *z* здесь не видно оснований). Из других индоевропейских аналогий лексемы заслуживают внимания лит. диал. *žutis* 'рыбка', лтш. *zutis* 'угорь'. Индоевропейское консонантное сочетание дает посредством характерной для картвельских языков метатезы гармонический комплекс децессивного ряда *tx*. Ср. в последней связи материал, приводимый в предшествующих главах под архетипами **otxo-*, **txaz-* : *txz-*, **uxx(o)-*. Не исключена, вместе с тем, и более ранняя хронология заимствования слова.

Картв. *ķera-*, *ķira-* 'очаг'
 ~ и.-е. **ker(ə)-*

Субстантив служит обозначением одного из важнейших атрибутов жилища древних картвелов. При полном единстве семантики слова по языкам, оно обнаруживает некоторую вариативность, отклоняющуюся от закономерностей исторической фонетики картвельских языков: ср. груз. *ķera-* (в котором допустимо вычленение исторического суффиксального *-a*), лаз. (*n*)*ķira-*, сван. *ķerā-*. Встречающееся также в мегрельском и сванском *ķeria-* отражает позднюю диминутивную форму грузинского слова, засвидетельствованную в таких западно-грузинских диалектах, как имерский и рачинский [ср. Глonti 1984: 281]. В древнегрузинских памятниках лексема выступает в виде *ķerak-* [Абуладзе 1973: 196], что, по всей вероятности, является иранизмом, общим с армянским языком (ср. арм. *ķerak* 'огонь, жар' [см. Ачарян 1973: 679]).

Напрашивается сближение картвельского материала с и.-е. корнем **ker(ə)-* 'гореть, пылать; жарить', имеющим продолжения во многих ветвях индоевропейских языков, производные основы от которого служат, в частности, и обозначениями очага [ср. Рокотну 1959: 571]. Трактовка слова Н.Я.Марром как некоторого двухэлементного образования [Марр 1936: 327] всецело остается достоянием истории.

Груз. *ķvet-* 'сычуг (закваска)'
 ~ и.-е. **ķuat(h)-*

Как отмечает В.Т.Топуриа, слово является только одним из обозначений этого продукта скотоводческого хозяйства в грузинской языковой области (среди которых встречаем и производное от него *saķvet-*), тяготеющим к Западной Грузии [Топуриа 1963: 182]. Пола-

гают, что его исконно картвельским названием служило **qsan-*, сохраняющееся в своих континуантах в лазском языке, с одной стороны, и в восточногрузинских диалектах, с другой [Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 499—500].

Напрашивается сопоставление лексемы с и.-е. **kuat(h)-* ‘бродить, киснуть’, находящим свои продолжения во многих ветвях индоевропейских языков [ср. Pokorný 1959: 627—628; Mann 1985: col. 596]. Отклонение вокализма грузинской формы можно было бы объяснить действием в картвельских языках исторического механизма умлаутизации. Факты заимствования обозначения сычуга известны и на ином материале (ср. историю русского слова). Отметим, наконец, что в специальной литературе предложено и иное соположение лексемы — с грузинской глагольной основой *kvət-* ‘рассекать, отсека́ть’ [ср. Чинчараули 1974: 54], с которой, на наш взгляд, она ассоциативно сблизилась исторически.

Груз. *krazana-* ‘шершень, овод’

~ и.-е. **kʷs-en-*

Это исключительно грузинское слово не имеет картвельской этимологии. В древнегрузинском материале оно, по-видимому, не прослеживается. В Толковом словаре С.Орбелиани встречается омонимичное ему обозначение вида растения [Орбелиани 1965: 391], подерживаемое и данными некоторых грузинских диалектов [Глonti 1984: 309 и 516]. Предполагающийся при этом факт омонимичности остается недоказанным.

Конечный вокализм лексемы, вероятно, не принадлежит основе и является историческим словообразовательным (диминутивным?) элементом.

Сопоставление ее с индоевропейским материалом впервые предложено Г.А.Меликишвили [Меликишвили 1965: 217—218], а позднее она трактовалась в качестве так называемого восточносредиземноморского отложения в грузинском [Furnée 1982: 67]. При этом в виду имеется праиндоевропейское обозначение шершня **kʷs-en-*, восходящее в конечном счете к названию головы / рога и представленное такими продолжениями, как лит. *širšiuō* ‘большая оса’, лтш. *siřsenis*, русск. *шершень*, др.-в.-нем. *hornaz / hornuz*, лат. *crābrō* (< **crāsrō*), др.-инд. *śīrṣan-* ‘голова’ [ср. Pokorný 1959: 576].

Слово зафиксировано также в тохарских А и В в форме *kronšé* ‘пчела’. Обсуждая лексические свидетельства древнейших мест обитания тохаров (локализирующихся, согласно известной гипотезе, в обширной степной зоне, простиравшейся на юго-востоке России до Урала), Э.Бенвенист считает, что «название пчелы позволяет сделать

тот же вывод: *kronše* является, собственно, обозначением шершня, которое представлено в тех же языках (в виду имеются северные индоевропейские, т.е. славянские, балтийские и германские — Г.К.) плюс латинский; изменение значения в тохарском произошло, вероятно, из-за табу, которое налагалось на название пчелы у пчеловодческих народов; наличие этого слова говорит о соседстве с народами, занимавшимися пчеловодством..., тогда как в Центральной Азии пчела акклиматизировалась сравнительно недавно» [Бенвенист 1959: 106]. Из этого рассуждения следует, что грузинский сохраняет исконную семантику слова.

Очевидная близость картвельского материала к приводимому индоевропейскому будет выглядеть особенно эффектной, если принять, что он является историческим занизмом, предполагающим более архаичный, т.е. соотносящийся с эпохой до занского передвижения гласных, грузинско-занский архетип **kʷz-en-*. Отличие анлаута лексемы в рефлексации и.-е. **k* от обозначения рога (ср. картв. *kra-* в этой же главе) может свидетельствовать как о различной хронологии, так и о не идентичном источнике картвельских заимствований.

Груз. *krko-*, мегр. *qə-* 'желудь, дуб'
 ~ и.-е. (диал.) **kʷerkʷu-*

Один из грузинско-занских лексических параллелизмов, хронологическая соотнесенность которого остается не вполне ясной. При литературной форме грузинского слова *rko-* в мегрельском имеем *qə-*, *ki-* 'желудь'.

В формах *rko-* и *grko-* лексема засвидетельствована и в древнегрузинском, где, подобно другим названиям деревьев, обозначала как само дерево, так и его плоды: ср. *vitarcā rkoj, odes gamovardes budisagan misisa...* 'как от дуба, когда они и срублены...' Исайя 6₁₃. В новогрузинских диалектах налицо широкая вариабельность ее облика: *kurko-* (мтиул., тиан., туш.), *girko-* 'желудь' (хевс., пшав.), *qo-* (имерх.) 'дуб, желудь' [Глонти 1984: 296, 316]. Анлаутный смьчный обнаруживает тенденцию к исчезновению [ср. Neisser 1953: 68]. В названии дуба лексема в настоящее время почти вытеснена заимствованием. К грузинскому источнику восходят обозначения желудя в некоторых других языках Кавказа. Так, бацб. *kurqō-* зависит от тушинской формы, а осет. *gærko-* от хевсурской.

В мегрельском лексема представлена ныне в максимально упрощенном облике [Кипшидзе 1914: 263], хотя зафиксирован и вариант *qə-*. В отношении утраты начального сонорного в консонантном комплексе ср. **kra-*.

В картвельских языках бросается в глаза высокая степень вариативности в обозначениях дуба и желудя, которая, по всей вероятности, как-то связана с хорошо известными сакральными представлениями древних картвелов о дубе. Зафиксированы здесь и очевидные примеры заимствования обозначения этого дерева: ср. груз. *тиха-*, сближаемое с материалом ряда нахско-дагестанских языков, и сван. *žih-ra*, увязываемое с фактами абхазско-адыгских. В то же время в качестве соответствующего его исконного названия в литературе обычно фигурирует грузинско-занский архетип **c₁gan-* [ср. Чикобава 1938: 128; Климов 1964: 252; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 469]. Сказанное делает факт заимствования лексемы в высшей степени вероятным.

Картвельский материал был сопоставлен А.Г.Шанидзе с лат. *quercus* 'дуб' [Шанидзе 1947: 3—4], что обычно поддерживается и в современных работах. Поскольку возможное латинское воздействие в Закавказье было слишком эфемерным для того, чтобы создать условия для заимствования подобной лексемы, скорее следует думать о ее зависимости от более раннего индоевропейского антецедента типа **k^herk^hu-*, представленного не только в латинском, но и в некоторых кельтских языках [ср. Pokorny 1959: 822]. Несмотря на вторичность приведенной формы по сравнению с и.-е. **perk^hu-* 'дуб', обычно признаваемая достаточная давность процесса дистантной ассимиляции *p...k^h > k^h...k^h* в этом слове служила в прошлом одним из фонетических критериев объединения кельтских и италийских языков в единую ветвь индоевропейской языковой семьи.

Груз., занск., сван. *krōx-*, *krux-* 'наседка, квочка'
 ~ и.-е. **krok-*

Глагольная база, примыкающая к скотоводческой лексике картвелов. Ее функционирование не может уходить глубже эпохи грузинско-занского единства, поскольку далее него невозможно проецировать и картвельское обозначение курицы в связи с известным относительно поздним проникновением в Закавказье этой разновидности домашней птицы.

Аналогами груз. *krux-* (в ряде западногруз. диалектов — *krōx-*) в остальных картвельских языках служат лаз. *k(r)ox-* и сван. *krōx-* [ср. Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 191—192].

В древнегрузинских памятниках лексема, по-видимому, не зафиксирована. В Толковом словаре С.Орбелиани она фиксируется в качестве обозначения наседки [Орбелиани 1965: 394]. В современном грузинском она лежит в основе производной лексемы со словообразовательным элементом *-in*, обозначающей квохтанье насед-

ки [ср. Чикобава 1938: 299], приобрета по ассимиляции с ним вокализм *и*. В мегрельском слово по существу вытеснено новообразованием. В формах изолированных друг от друга и к тому же маргинальных лазского и сванского языков также налицо вокализм *о*, что подтверждает его исходность (следует учесть, что сванская форма должна была исторически зависеть от старой грузинской или занской [ср. Фенрих-Сарджвеладзе, там же]).

Картвельское обозначение насадки резко отлично от соответствующей «ареальной нормы», распространенной в других языках кавказского региона, в котором решительно господствует звукотип *qurt / qurɫ* [ср. Абаев 1958: 653]. Напротив, своей исходной формой оно сближается с и.-е. **krok-*, служащим обозначением птиц (в частности, домашних) и их голосов, засвидетельствованным во многих ветвях индоевропейских языков и рассматриваемым в качестве производного от простой основы **ker-*, *kor-*, образованного присоединением к ней так называемого гуттурального распространения [Рокотну 1959: 567—568; Mann 1985: col. 542]. Бацб. *ḳṛux-ḳṛux-* 'вхохтанье насадки' и бежт. *ḳuluxi* 'курятник' явно зависимы от грузинской формы, иллюстрируя собой возможность диффузии подобных лексем на контактной основе.

Мегр. *ḳəla-*, лаз. *ḳola-* 'ключ, запор'

~ и.-е. **klā(u)-*

Это достояние культурного словаря картвельских языков представлено преимущественно в их занском ареале: ср. мегр. *ḳəla-* (зугд.-сам.) и *ḳila-* (сен.), лаз. *ḳila-* (хоп.) и *(n)ḳola-* (арх., атин.). Вопреки иногда встречающимся указаниям, груз. *ḳliṭe-* 'ключ' сюда не относится. В занских языках лексема лежит в основе отыменных глаголов — мегр. *ḳəluə-*, лаз. *do-nḳil-u* 'запирать'. Сван. *ḳəl-* этой же семантики, впервые сопоставленное с мегрельским словом еще М. Джанашивили [Джанашивили 1906: 63], подтверждает ее соотношенность с западным ареалом, однако производит впечатление заимствования из мегрельского [ср. Deeters 1957: 389; Рогова 1962: 75—76].

Картвельские формы образуют только одно звено в чрезвычайно широкой зоне распространения этого культурного термина, охватывающей также индоевропейские, семитские и нахско-дагестанские языки (ср. авар. *ḳul*, лакск. *ḳula* 'ключ'). Древнейшим прототипом ключа являлся, как известно, деревянный крючок или гвоздь [Виск 1949: 468].

Антецедентом картвельского материала может скорее всего служить индоевропейская форма типа **klā(u)-* 'крючок, запор, острый колышек', отраженная в греческом, итальянских, кельтских, герман-

ских и балто-славянских языках [ср. Pokorny 1959: 604—605] и в свою очередь восходящая, как полагают, к древнему семитскому источнику [Иллич-Свитыч 1964: 6 и 8—9]. На фоне приведенных выше дагестанских обозначений ключа зависимость слова от латинского источника невероятна.

Мегр., лаз. *kund-* 'эксcrementы, навоз'

~ и.-е. **kūdh-*

Лексема являет собой исключительное достояние занской ветви картвельских языков, где также стоит изолированно. В лазском от нее произведен композит *puš-gund* 'коровий навоз' [Marr 1910: 195], первая часть которого представляет собой несколько видоизмененную основу лазского обозначения коровы (преобразование ожидавшегося комплекса *ʒk* в *ʒg* остается неясным и позволяет допустить, что здесь имеем дело с формой генитива). Если лазское слово служит обозначением эксcrementов как скота, так и человека, то информанты по мегрельскому языку указывают, что обычно оно относится лишь к навозу, что подтверждается и имеющимися текстами. В этих условиях можно полагать, что первоначально эта картвельская форма тяготела к сфере скотоводства.

Основа сближается с и.-е. **kūdh-* 'эксcrementы, навоз'. В индоевропейстике последнее трактуется как исторически членимое образование **keu-dh-*, восходящее к именной базе **keu-* 'грязь, эксcrementы' (отраженной также в некоторых других основах [ср. Pokorny 1959: 627, 628 и 629]) и характеризующееся расширением *-dh-* [ср. Schmitt-Brandt 1967: 54]. В истории картвельской лексемы происходит хорошо известное сравнительной фонетике занских языков наращение сонорного элемента. В письме к автору от 22.01.1991 г. У. Леман допускает, что отмечающееся разнообразие индоевропейских обозначений эксcrementов могло быть связанным с действием в этой сфере принципа табуирования.

Мегр., лазск. *leša-* 'грязь'

~ и.-е. **lat-*

Будучи исключительно занским достоянием, лексема является одним из характерных ингредиентов колхидского словаря. В обоих языках она представлена единой формой при следующем распределении семантики: 'земля, почва' (лазск) ~ 'грязь, глина' (мегр.). В занском материале отождествивший его А.С. Чикобава усматривал префиксальный элемент *le-*. Остальная часть слова сопоставлялась им с груз. *ʒalax-* 'грязь' [Чикобава 1938: 186—187]. Находил он его аналогию и в чеч. *latta* 'земля' (последнее отмечалось

и К.Боудой [Bouda 1957: 205]). Согласно А.С.Чикобава, первоначальное значение лексемы 'земля' сдвинуто в мегрельском в условиях заселения ими сырой зоны Колхидской низменности, хотя он замечал необъяснимость в этом случае семантики грузинского слова. Позднее, видимо, убедившись в ненадежности такого толкования, он допускал заимствованный характер слова [Чикобава 1942: 193].

Г.Деетерс не принимал сближений занских форм с приведенным грузинским словом и допускал их сопоставление с адыг. *jaṭā* 'грязь' [Deeters 1957: 389]. Автором настоящей работы они были сопоставлены с и.-е. **lat-* 'сырой, влажный; болото' [Климов 1981: 170]. Сопоставление представляется корректным, поскольку значения занской лексемы присутствуют и в семантике континуантов индоевропейского архетипа: др.-исл. *leṛja* 'глина, грязь'. Ср. [Pokorny 1959: 654—655]. Адыгская форма может также восходить к индоевропейскому источнику.

Мегр. *lex-* 'больной'
~ и.-е. **leik-*, *leig-*

Эта изолированная в картвельском корнеслове лексема не прослеживается и в ближайше родственном мегрельскому лазском языке. Она лежит в основе производного *lax-ala-* 'болезнь', в котором вокализм словообразовательного элемента абстрактных субстантивов *-ala* уподобляет себе вокализм основы. Ср. также мегрельское обозначение крупной мухи *malaxia-*, несущей, согласно старым поверьям, болезнь [ср. Кипшидзе 1914: 271 и 273].

Возможно сугубо гипотетичное сопоставление слова с и.-е. **leik-* или **leig-* 'быть больным, страдающим', имеющим континуанты в нескольких ветвях индоевропейских языков, в частности, в греческом, албанском, армянском, балтийских и кельтских языках [Pokorny 1959: 667].

Груз. *madl-* 'благодарение, милость'
~ и.-е. (диал.) **mald-*

Исключительно грузинское достояние (если не учитывать явно восходящие к нему мегр. *mard-* и сван. *madl-*), относящиеся к сфере ритуала. Лексема хорошо известна и из древнегрузинских памятников письменности (ср. *raj ars madli tkuenda...* 'какая вам за то благодарность...' Лк 6₃₂), где характеризовалась и высокой словообразовательной продуктивностью [Абуладзе 1973: 212]. В Толковом словаре С.Орбелиани лексема также представлена с множеством производных [Орбелиани 1965: 431].

Если допустить в ней наличие суффиксального элемента *l*, то сколько-нибудь реальной для картвельских языков производящей основы здесь не вырисовывается.

Еще А.Глейе сопоставил слово с его индоевропейскими аналогами, и в первую очередь — с балтийскими формами: ср. др.-прусск. *maddla*, лит. *malda* 'молитва' [Глейе 1902: 16]. Поскольку о непосредственной связи с последними не приходится думать, целесообразно указать на более широкую совокупность континуантов и.-е. архетипа **meldh-* 'обращаться к богу с ритуальными словами', среди которых герм. **meld-* (др.-в.-нем. *melda* 'жалоба, показание'), слав. **modliti* 'молить(ся)', хеттск. *mal-*, арм. *maṭem* 'умолять' и др. [ср. Pokorny 1959: 722; Mann 1986: col. 746]. Отметим здесь также необычность в грузинском консонантного комплекса *ld*.

Слово должно было проникнуть как элемент культурного словаря (кроме германских форм, в остальном индоевропейском материале оно сохраняет свою ритуальную семантику [ср. Benveniste 1933: 134]). В дальнейшем оно прочно вошло в терминологию грузинского христианства.

Груз. *nigoz-* 'ядро грецкого ореха'
(> мегр. *нез-*, *nez-*, лаз. *нез-*)
~ и.-е. (диал.) **ni-gauza-*

Эта лексема образует картвельское звено культурной изолексы, объединяющей также иранские, семитские, часть тюркских и некоторые другие языки. Как и едва ли не вся остальная терминология, связанная с культурой грецкого ореха (и во многом совпадающая с армянской), слово не имеет этимологии на картвельской почве. Оно засвидетельствовано и в древнегрузинском [ср. Абуладзе 1973: 328]. В мегрельском ему отвечают формы *нез-* и *nez-*, в лазском — *нез-*. Занские аналоги лексемы представляют собой, по-видимому, нерегулярное упрощение грузинской. По выпадении срединного согласного (что еще предстоит объяснить) здесь возникают условия для «слияния» *io* > *e*, которое встречается и в нескольких других случаях.

Как можно думать, слово восходит к древнеиранскому отглагольному образованию типа **ni-gauza-* 'внутри сокрытое', в дальнейшем отраженному в иранских обозначениях грецкого ореха [ср. Стеблин-Каменский 1982: 110; Эдельман-Климов 1987: 166—167]. Хотя в древнеперсидском лексема не засвидетельствована, в этом случае речь уже может идти о довольно конкретном источнике заимствования.

Груз. *piv-el-* 'первый, передний'

~ и.-е. **př(u)-*

Один из рано выявленных картвельских индоевропеизмов, который уже в силу своей семантики не может претендовать на глубокую давность. Хорошо документируется в древнегрузинском, где имеет много производных [Абуладзе 1973: 340—341]. В нем вычленяется словообразовательный суффикс адъективов *-el*. Мегр. *privel-* 'первый' зависит от грузинской формы.

Существует опыт истолкования лексемы на картвельской почве, восходящей еще к Фр.Боппу, который, опираясь на содержащий ее основу др.-груз. композит *piv-mšo-* 'первородный', выводил ее из картв. **piv-* 'край, рот' [Борр 1847: 42—43; ср. также Марр 1925: 80]. Эта версия, поддерживаемая некоторыми авторами и в настоящее время, наталкивается на серьезное препятствие в виде «избыточного» элемента *v*, являющегося принадлежностью корня [Чикобава 1942: 139].

По вычленении словообразовательного элемента прилагательных *-el* более естественно сопоставление слова с индоевропейским материалом, впервые встречающееся у того же Фр.Боппа, привлекавшего к сравнению славянскую аналогию слова [Борр 1846: 298]. В аспект картвельско-индоевропейских ареальных связей лексему помещает принятое рядом картвелистов предположение А.Глейе, согласно которому оно увязывается с и.-е. **př(u)-* 'прежний, первый' [Глейе 1902: 106; Меликишвили 1965: 233; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 843]. Наличием элемента *v* грузинская лексема прежде всего сближается с и.-е. диалектными континуантами основы **př-*, содержащими распространение *-*u(o)*, ср. тохар. А *pärvat* 'старейший', тохар. В *pärweſſe* 'первый', др.-англ. *forwost* 'первый; предводитель, главарь', слав. **рьвъ* и, особенно, с др.-инд. *pūrva-* и авест. *paurva-* 'прежний, первый' [ср. Pokorny 1959: 815; Mayrhofer 1960: 324—325; Mann 1986: col. 1004]. На наш взгляд, правдоподобнее исходить из утраты *v* в срединном консонантном комплексе производного **piv-mšo-*, чем допустить ничем не обусловленное его развитие перед аффиксом имени прилагательного *-el-*.

Мегр. *reka* 'галечник'

~ и.-е. (диал.) **rēka-*

Мегр. лексема встречается в нескольких формах: ср. *reka-*, *rega-*, *rege-* (> *reče-*), и обозначает галечный намыв в русле реки [ср. Кипшидзе 1914: 305], особенно характерный для более низменных местностей Закавказья, что понятийно объединяет ее прежде всего с груз.-зан. **mřwer-* 'пыль' и груз. (> мегр., лаз.) *silā-* 'песок'. Вокализм ее

первого слога указывает на неисконность слова (в исконном материале в этой позиции имеет место сдвиг *e > a в силу занского передвижения гласных). Другие картвельские аналогии лексемы с вокализмом первого слога i производят впечатление более поздних заимствований, напоминая собой перс. *riḡ* 'песок'.

В.Полак усматривает в одной из своих работ глубокую давность албанского *rekë* 'речка, поток' и сопоставляет его на правах «кавказского» субстратного наследия (в духе медитерранистской концепции) с мегрельским словом, с одной стороны, и с андийским *rekka* 'овраг, лощина', с другой [Polák 1967: 140].

Между тем, лексема с большими основаниями уже давно сопоставлялась с индоарийским материалом: др.-инд. *rēka-ḥ* 'Ausleerung (вынос, нанос)' при др.-перс. *raika-* 'песок, намытый рекой или морем' [Müller 1897: 204].

Груз. (> мегр., сван.) *saraž-a-* 'пчелиные соты'
~ и.-е. (диал.) *sāragha-*

Слово является одной из составляющих лексики пчеловодства и, подобно некоторым другим старым культурным заимствованиям, вытесняемым из сферы литературного языка, представлено в грузинском несколькими диалектными разновидностями: ср. лечх. *saraž-a-*, имер. *saraž-*, *sarač-a-*, в.-имер. *saranč-a-* 'пчелиные соты' [Глонти 1984: 473]. Лексема имеет в картвельской языковой области заметный западный центр тяготения: ср. сван. *saraž-* [Gudjedjiani-Palmaitis 1985: 257], а также мегр. *saranž-* то же. Ее словообразовательная структура непрозрачна (слово следует, конечно, обособлять от омонимичного с одним из его вариантов груз. *saraž-* 'шорник', являющегося очевидным арабизмом).

Напрашивается сопоставление картвельского материала с др.-инд. *sāraghā-*, переводимым М.Майрхофером как 'von der Biene stammend; Biene' [Mayrhofer 1972: 441], что, согласно разъяснению Т.Я.Елизаренковой, является производным от *sarāgh-* 'пчела'. Если учесть, что процесс аффрикатизации *g* > *ž* особенно характерен для сванского языка, то не исключено, что его непосредственным источником мог быть и язык северокавказских (кубанских) синдов, фиксируемых на Кавказе древнегреческой традицией [ср. Трубачев 1976]. Казалось бы, в пользу этого говорит и засвидетельствованная А.Л.Ониани сванская (н.-бальск.) форма *sarāg-*, обозначающая соты, наполненные медом (как свидетельствуют некоторые информанты, такую же семантику несет и упомянутая выше мегрельская лексема в отличие от *rič-a-* 'соты'). Однако минимум индоаризмов в сванском, а также отсутствие ожидавшегося при этом переходного звена в абхаз-

ско-абазинских диалектах, где налицо формы, явно зависящие от мегрельской, препятствуют этому допущению. Адекватность сопоставления удостоверяется, на наш взгляд, тем, что вариативность конца картвельских форм согласуется с давно замеченной нестабильностью исхода самой древнеиндийской основы, сложно взаимодействующего с различными падежными показателями [Pisani 1938: 119—120].

Следует, вероятно, напомнить, что глубокие корни картвельской традиции пчеловодства, особенно высоко развитого в Западной Грузии, хорошо известны. Выяснено, что закавказский ареал издавна был одним из очагов этой культуры, что получило свое отражение в широком использовании ее продуктов в хозяйстве, а также в обычаях и представлениях, образующих целую систему. Указывают, в частности, что уже во II тысячелетии до н.э. у соседей картвелов имелось эффективное домашнее пчеловодство, которое для IV в. до н.э. документально засвидетельствовано и у колхов [Робакидзе 1960: 210—211; ср. Тандилава 1972: 109—112]. О том же говорит и совокупность собственно картвельских терминов пчеловодства (ср. обозначения меда, пчелы, воска и прополиса), восходящих частично к общекартвельской эпохе, а частично к эпохе грузинско-занского единства.

Груз., мегр. *sila-* 'песок'
~ и.-е. (диал.) *silā-*

Эта именная лексема обнаруживает преимущественно западный центр тяготения, отражая собой одну из типичных характеристик равнинного и, в частности, приморского ландшафта Закавказья. Она известна лишь из грузинского, где имеет форму *sila-*, и мегрельского, в котором наряду с *sila-* встречается и *psila-* (сведения о распространении этой изолексы на лазский проверить не удалось).

В памятниках древнегрузинской литературы лексема, по-видимому, не встречается. Она отмечена, однако, в Толковом словаре С.Орбелиани, где толкуется как 'песок, связанный с водным пространством' [Орбелиани 1966: 81 и 225]. В рачинском диалекте слово имеет метатезированную форму *lisa-*.

В мегрельском представлены два варианта слова, один из которых — более характерный для самурзакано-зугдидского диалекта — содержит в анлауте наращение *p* [Кипшидзе 1914: 318]. Последний лежит в основе первого компонента абхазского сложения *a-pslā + mɜ* 'песок' [Чарая 1912: 33].

Если в лазском лексема как будто не видно, то сван. *silā*, *silaj* представляют собой очевидные грузинизмы.

Сопоставление картвельского материала принадлежит П.Чарая [Чарая, указ. соч.]. Слово может проецироваться и в грузинско-закское состояние. Вокализм его структуры, а также изолированное положение в картвельском корнеслове дают основания подозревать в нем древнее заимствование.

Н.Я.Марр в период его увлечения гипотезой яфетическо-семитского языкового родства сближал грузинское слово, выведившееся им из **silla-*, с семит. *qll* (< **hll*) 'песок', будто бы, в свою очередь, полученным из корневой структуры *sl* [Марр 1908: 5]. Полвека спустя К.Боуда сопоставлял картвельские формы с авар. *salı* и чамал. *sera* 'песок' в совокупности с другими лексическими параллелизмами, приводившимися им в обоснование гипотезы генетического родства всех автохтонных языков Кавказа [Bouda 1957: 202]. По существу это же сопоставление встречаем в одной из недавних работ Г.Фенриха, полагающего, что картвельский материал обязан вкладу нахско-дагестанских языков и восходит к лексеме, представленной в их аваро-андоцезской группе (ср. авар. *salı* 'песок' и тинд. *selu* 'песок, гравий') [Fähnrich 1988: 35].

На наш взгляд, эти картвельские формы могут быть скорее обязаны переднеазиатскому арийскому источнику. Ср. др.-инд. *śilā* 'камень, осколок скалы' (при пали *śilā* той же семантики), с которым в индоевропеистике иногда сближают арм. *sal* 'каменная плита, наковальня' [ср. Maughofer 1970: 343]. Среди других приводимых в настоящей работе картвельско-арийских параллелизмов ср. отражающее этот же семантический круг мегр. *reka-* 'галечное русло реки', приведенное выше.

Груз. *srute-* 'протока, пролив'
~ и.-е. **sru-to-*

Судя по семантике слова, это исключительно грузинское достояние, засвидетельствованное также в виде *srut-* [Орбелиани 1966: 112], составляет характерный ингредиент колхидской лексики. В памятниках древнегрузинского языка оно не встречается.

В лексеме естественно видеть отражение известной индоевропейской глагольной базы **sreu-* : *sru-* 'течь' [ср. Pokorny 1959: 1003; Mann 1986: col. 1276—1278 и 1280]. Фонетически она особенно близка к таким продолжениям ее именного производного **sreu-to-* и **sru-to-*, как ирл. *sruth* 'река', др.-инд. *sruta-* 'текущий, протекающий', лит. *srutà* 'навозная жижа'. Значительно дальше она отстоит от соответствующих греческой и иранской форм, утративших древний спирант в анлауте слова, а также от вторичных форм других индоевропейских языков, характеризующихся вставным *t* после *s-*.

В остальных картвельских языках слово не прослеживается (его изредка встречающийся мегрельский аналог, по всей вероятности, грузинизм). Значительно труднее — во всяком случае, семантически — связать его с грузинской глагольной основой *сruf-* / *сruf-* 'вдыхать, всасывать воздух (ртом)'.
Груз. *sqwen-* 'сени, чердак, потолок'
~ и.-е. **skēin-*, *skāin-*

Слово служит обозначением существенной части картвельского жилища, по-видимому, не лишенной некоторого символического значения (что наблюдается и в некоторых индоевропейских традициях). Оно широко известно по всему ареалу картвельских языков: ср. груз. *схвен-* 'сени, чердак, потолок', мегр. *схвен-* (сенак.), *схвин(д)-* (сам.-зугд.) 'потолок', лаз. *о-(н)схон-* 'потолок из несбитых балок', сван. *схвен-* 'чердак, потолок'.

В своем наиболее архаичном облике *sqwen-* лексема засвидетельствована в древнегрузинском [Абуладзе 1973: 409]: ср. ...*აჯიყანა იგინი სვენად* '...отвела их на кровлю' Кн. Иисуса Навина 2₆. Несколькими близкими формами она представлена в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 82 и 129]. На правах культурного заимствования из грузинского слово отмечено в бацбийском (*зхвен*) и некоторых цезских языках — гунзибском, бежтинском, гинухском.

В мегрельском налицо две диалектных разновидности слова, отмеченные характерным для грузинско-занских лексических общностей фонетическим соотношением груз. *сх* ~ занск. *сх*. То же касается и идентичности сочетания *ие*. Форма с вокализмом *i* объясняется известным для языков занской ветви развитием *e* > *i* в позиции перед *n* [Меликишвили 1975]. Более точная семантика сам.-зугд. формы — 'потолок над очагом'. Иногда мегрельские формы считают грузинским заимствованием [Кипшидзе 1914: 372; Schmidt 1962: 133]. Напротив, другие авторы рассматривают их скорее в качестве древнего грузинско-занского достояния. Так, согласно И.В.Абуладзе, они скорее являются закономерным соответствием грузинской лексемы [Абуладзе 1976: 317; ср. Климов 1964: 167; Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 276—277].

Лазский эквивалент усматривают в префиксальном образовании с элементом *о-* [Март 1910: 215; Schmidt 1962: 133], которое имеет свои производные. Сванский аналог всегда считался заимствованным из занского источника [Schmidt 1962: 133], поскольку в исконно сванском материале этимологическое *q*, как правило, представлено без изменений.

В настоящее время мы склоняемся к мысли, что в остальные картвельские языки слово проникло из грузинского, о чем, возможно, говорит ее преимущественная семантика 'потолок', которая не могла быть очень древней. На неисконный характер субстантива может указывать и необычное для грузинского консонантное сочетание *sq*.

По мнению Гр.Ачаряна, мегрельское слово, записанное им несколько неточно, восходит к армянскому источнику (с ссылкой на форму трапезундского диалекта *cxink* [Ачарян 1977: 148]). Скорее, однако, здесь налицо обратная зависимость, если она вообще существует.

Груз. *sqwen-* может быть сопоставлено с и.-е. **skē(i)n-* / *skā(i)n-* 'тень, сень', имеющем свои продолжения в таких ветвях индоевропейских языков, как греческая, албанская, германская и балто-славянская [Рокоту 1959: 917—918; Mann 1986: col. 1201]. Из реально засвидетельствованных его континуантов к картвельским формам особенно близко стоит греч. *σκῆνος* 'шатровая крыша, палатка', хотя выведение здесь отношений непосредственной зависимости трудно обосновать как фонетически, так и семантически. Из числа иногда восстанавливаемых промежуточных индоевропейских праформ к картвельскому материалу очень близки также архетипы **skēni-* и **skōni-*, предполагающиеся иногда для албанского (*h*)*ona* 'тень' [Jokl 1923: 65].

Груз., мегр. *ʃop-* 'нереститься'
~ и.-е. **top-*

Одна из грузинско-занских материальных общностей, косвенно указывающих на возможность экстенсивного речного рыболовства у древних картвелов. Вместе с двумя другими рассматриваемыми в настоящей работе лексемами (см. **ankes-* 'удочка, рыболовный крючок' и **zutx-* 'осетр') она обнаруживает довольно отчетливый западный центр тяготения. При грузинской глагольной основе *ʃop-* в мегрельском имеем и параллельный вариант *nʃop-*, повторяющийся в лазском в качестве единственной формы, к тому же с существенно отклоняющейся семантикой.

В древнегрузинских письменных памятниках, возможно, в силу их известной жанровой ограниченности, основа не прослеживается. Отсутствует она и в Толковом словаре С.Орбелиани. Наряду с обычной формой масдара *ʃopva-* (лечх. *ʃopoba-*) в новогрузинских диалектах встречается и вариант с корневым звонким губным: ср. в.-имер., лечх. *ʃoboba-* 'время нереста' [Глonti 1984: 514], в котором налицо случай регрессивной ассимиляции.

В мегрельском эта глагольная основа представлена в масдаре *ṭopia-*. О давности ее бытования в языке может свидетельствовать топоним *O-ntop-o* Онтопо в Мегрелии (букв. 'нерестилище, место нереста'). Несомненно связанный с ней субстантив *ṭop-* обозначает не столько род рыбы [ср. Кипшидзе 1914: 330], сколько — согласно указаниям многочисленных информантов — малька. Относительно расхождения в семантике ср. русск. *нерест* при серб.-хорв. *mr̂st* 'нерест' и 'икра мелкой рыбы'.

Наличие лазского эквивалента остается под некоторым сомнением: формально совпадающая с одной из мегрельских форм лазская основа зафиксирована в заметно отклоняющемся значении 'макать чурчхелу в виноградный кисель', которое может быть обязано сдвигу ее первоначальной семантики, либо, что более вероятно, являться ее периферийным значением.

Исходная глагольная основа имеет в картвельских языках форму *ṭop-*. Ее занские вариации характеризуются отмечаемым и во множестве других случаев позднейшим развитием сонорного в анлауте. Вокализм картвельской основы выявляет неканоничность ее звукотипа, поскольку он обычно характеризует здесь дескриптивную лексику.

Картвельский материал может быть сопоставлен с и.-е. глагольной базой **top-* 'добираться до чего-либо, достигать, стремиться', имеющей свои продолжения в нескольких ветвях индоевропейских языков: ср. греч. *τόπος* 'место', *τοπάζω* 'ставить на место; нащупывать, догадываться (< находить место ?)', лтш. *tapt* 'становиться, доходить, добираться', лит. *pri-tàpti* 'пристать, приобщиться' и т.д. [ср. Pokorny 1959: 1088].

Если это сопоставление адекватно, в чем остаются сомнения, то для заимствовавшей основу стороны следует принять сужение ее первоначальной семантики.

Груз. *ṭrp-* 'наслаждаться, удовлетворяться'
~ и.-е. **terp- : ṭrp-*

Исключительно грузинская глагольная основа, отражаемая рядом образований, засвидетельствованных и в древнегрузинских памятниках. Ср. *ṭrp-ial-* 'любовник, возлюбленный' (*gangašores šen ṭrpialta šenta...* 'презрели тебя любовники...' Иеремия 4₃₀), у которого зафиксированы и несколько производных [Абуладзе 1973: 372 и 413—414]. Префиксально-суффиксальным образованием *sa-ṭrp-o* 'возлюбленная' основа представлена и в Толковом словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 59 и 145—146]. Бросается в глаза совершенно необычное словообразовательное оформление лексемы, обозначающей имя деятеля суффиксом, который, как правило, характеризует

символические лексемы, передающие различные зрительные и звуковые эффекты.

Известен опыт сближения грузинской основы с арабским глагольным корнем *trf* 'смотреть, взирать' [Андроникашвили 1965: 323]. В.М.Иллич-Свитыч, сопоставлявший этот материал на каком-то этапе разработки развивавшейся им версии ностратической гипотезы в качестве общего индоевропейско-картвельского наследия [Иллич-Свитыч 1968: 317], впоследствии от этого сопоставления, по всей вероятности, отказался. Не укладывается эта глагольная основа и в схему фонетических соответствий между картвельскими и индоевропейскими языками, защищаемую А.Бомгардом в его аналогичном построении [ср. Bomhard 1990: 353].

Между тем эта основа обнаруживает далеко идущую формальную и семантическую близость к индоевропейской глагольной базе **terp-: ttp-* 'испытывать удовлетворение, удовольствие; насыщаться', имеющей свои продолжения в греческом, армянском, древнеиндийском, славянских и других языках [ср. Pokorny 1959: 1077—1078; Mann 1986: col. 1387, 1446]. Ее соположение с аналогичным индоевропейским материалом впервые встречается, по-видимому, у Г.Фогта [Vogt 1938: 336—337], а затем повторяется В.Полаком, В.Ф.Назаровым и некоторыми другими авторами [Polák 1967: 123; Nazarov 1974: 39].

Необычное распространение основы в виде *-ial*, присоединяющееся в грузинском, как правило, к основам дескриптивного характера, скорее всего указывает на такой ее индоевропейский антецедент, в котором имелся подобный вокализм. Ближе всего к нему оказывается др.-инд. *tṛpyati* 'насыщается, получает удовлетворение'.

Груз. [*pard-*] : *prd-* 'продавать, торговать'
~ и.-е. (диал.) **para-dā-*

Основа засвидетельствована лишь в грузинском. Широко употреблялась в древнегрузинских памятниках: *pr̄dides zroxasa da sxovarsa...* 'продавали волов и овец...' Ин 2₁₄; *romelni igi treds̄a pr̄dides...* 'которые продавали голубей...' Ин 2₁₆ (масдар — *prda*). Со своими производными, в которых как будто выступает полная ступень огласовки основы (ср. др.-груз. *te-pard-ul-* 'продавец, торговец', *sa-pard-ul-* 'место торговли, продажи' [ср. Абуладзе 1973: 280, 373 и 447]), она зафиксирована и С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 198]. С этой базой несомненно связаны и новогруз. *pard-* 'равный' и *še-pard-eba* 'соотношение'.

Глагольная основа сопоставима с индоиранским, греческим и балто-славянским материалом. Ср. индоиран. **para-dā-* (др.-инд. *pari-dā-* 'передавать', авест. *para-dā-* 'отдавать'), греч. *παρά-δω-* 'пере-

давать, вручать', лит. *par-dūo*- 'продавать'. Этот параллелизм должен являться продуктом контактов картвельских языков с ингредиентами индоиранской ветви индоевропейских. Если в наблюдаемом вокалическом чередовании действительно имеем дело с явлением аблаута, то хронология заимствования может быть весьма глубокой.

Груз., мегр., лаз. *parto*- 'широкий'
~ и.-е. (диал.) *prthu*-

Поскольку в грузинском и обоих занских языках лексема обычно выступает в идентичном виде (исключение составляет мегрельский вариант *parte*-), своим распространением в картвельском ареале она скорее всего обязана фактору контакта. Слово хорошо засвидетельствовано в памятниках древнегрузинской литературы (ср. *parto ars bčej*... 'широки ворота...' Мф 7₁₈), где оно оказывается по существу синонимичным исконному картвельскому адъективу *vrcel*-, вытесняя последний в некоторых контекстах. В мегрельском и лазском зафиксированы и его производные: ср. мегр. *lapartia*- 'широкий'.

Согласно Г.Фогту, это доисторическое заимствование из армянского, точнее — из протоармянского, отраженное в современном армянском в виде *hart* [Vogt 1938: 331] (против этого допущения высказывался Ж.Дюмезиль [Dumézil 1939: 162]). Позднее было сформулировано не менее правдоподобное предположение о том, что грузинское слово восходит к индоарийскому источнику (ср. др.-инд. *prthú*- 'широкий'), отражая собой один из следов передвижений носителей древних индоарийских диалектов в Закавказье [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 919] (вместе с тем авторы допускают, что оно могло иметь и иранский источник, на что ранее также указывалось [ср. Андроникашвили 1966: 38—39]). Относительно закономерности передачи индоарийского вокализма ср. груз. *dro*- 'время' (см. выше). Заметим, что упомянутое здесь армянское слово также считают неисконным и усматривают его индоиранский источник [ср. Ачарян 1977: 58].

Груз. *pta*- 'крыло, перо'
~ и.-е. (диал.) **patra*-

Исключительно грузинское достояние. Лексема широко документирована в древнегрузинских письменных памятниках, где имеет вариант *pte*- и характеризуется вариацией семантики — 'крыло, перо; край, подол, угол; хвост?' [Абуладзе 1973: 447]. В современных диалектах встречается в варьирующем фонетическом облике: ср. *pta*-, *pte*-, *tbe*- [Глонти 1984: 246, 542]. Изолированное положение лексемы в картвельском корнеслове, особенно при параллельном наличии исконного грузинско-занского **swe*- 'крыло, перо' [Климов 1964: 163;

Фенрих-Сарджвеладзе 1990: 269], внушает мысль об ее иноязычном происхождении.

При допущении метатезы в консонантной последовательности слово естественно сближать с известным индоевропейским рядом, звеньями которого являются греч. *πτέρων*, др.-инд. *pāttra-m* 'крыло, перо', хеттск. *pattar* 'крыло' (с последним его сопоставил Г.Гиоргадзе [Гиоргадзе 1979: 65]), др.-в.-нем. *fedara* 'перо' и др. Если учесть, что консонантизм его греческого аналога не мог передаваться грузинскими аспирированными, как это имеет место в нашем случае, то наиболее близкой к грузинской лексеме следует признать древнеиндийскую форму, о которой см. [Mayrhofer 1957: 203]. Индоевропейское слово является производным от глагольной базы **pet-* 'летать' с аффиксом *-r-* [ср. Pokorny 1959: 826; Mann 1986: col. 930].

Мегр. *ka(b)ula-* 'теленки (однолетний)'

~ и.-е. (диал.) **kalba-*

Слово представляет собой исключительно мегрельское достояние, широко употребительное в вариантах *kab(ə)la-* [Кипшидзе 1914: 341] и *kaula-*, противопоставляясь своим значением 'подросший/однолетний теленок' лексеме *gen-*, обозначающей новорожденного теленка. Оно стоит в едином ряду с другими обозначениями половозрастных градаций в названиях домашних животных, обычно восходящими, как свидетельствует практика лексикологических исследований, к сравнительно поздним заимствованиям.

Напрашивается сопоставление слова с германским материалом, прежде всего — с готск. *kalbō* 'теленки, бычок' при нем. *Kalb* [ср. Lehmann 1986: 214]. Если соположение корректно, то в мегрельской форме налицо метатеза в необычном для языка консонантном комплексе *lb > bl* с его последующим упрощением. Это сближение заставляет вспомнить сообщения грузинской летописной традиции о пребывании готов в начале I тысячелетия н.э. в Западной Грузии.

Груз. *kka-*, мегр. *ka-*, лаз. *kra-* 'рог'

~ и.-е. **kṛā-*

Слово служит обозначением одного из видов сырья, сыгравшего огромную роль в развитии производящего хозяйства как на Кавказе, так и за его пределами. Несмотря на то, что звуковые отношения между сопоставляемым грузинским и занским материалом не приходится считать регулярными, лексема должна относиться к числу древнейших заимствований в занском ареале, поскольку предполага-

ет весьма архаичный архетип по сравнению со многими индоевропейскими продолжениями слова.

При фонетически единых формах слова в грузинском и мегрельском языках (ср. груз. *rka-* 'рог; лоза (виноградная)' и мегр. *ka-* 'рог') в лазском налицо развитая вариативность (ср. виц.-арх., хоп. *kra-* > *kja-*, арх. *nkra-*, сарп. *ka-*).

Лексема нередко встречается и в древнегрузинских письменных памятниках: ср. *damoekida rkita nergsa sebeksa...* 'запутался в чаще рогами своими...' Бытия 22₁₃; *mohkuetes mier rka...* 'срезали там виноградную ветвь...' Числа 13₂₄. Она означала также 'желудь'. Известны также и ее производные, среди которых глагольная основа *rken-* 'бодаться' [Абуладзе 1973: 350]. В аналогичной форме она представлена как у С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 17], так и в новогрузинском, где налицо и ее вторичные значения.

В мегрельском обозначением рога служит упрощенная, как это видел еще Г.Деестерс, форма. Об этом свидетельствуют такие производные от него, как *rkalua-* 'наматывать (веревку) на рога скоту', *o-rka-l-* 'веревка (для наматывания)', а также *kirinua-* 'замахиваться рогами, боднуть' [Deeters 1927: 7; Чикобава 1938: 94]. Ср. также сложное образование *ka-škil-i do ka-sagan-i* 'лук и стрелы (из рога)', отражающее излюбленный атрибут героев-охотников мегрельских сказок.

В лазском слово выступает в максимальном числе диалектных вариаций.

Приведенный материал предполагает архетип **kra-*, сохраняющийся в одной из лазских форм. Закономерности фонологической синтагматики в мегрельском обнаруживают нехарактерность для последнего консонантной последовательности *kr*, преодолевавшейся в истории языка посредством перестановки [Гудава-Гамкредидзе 1981: 231—232]. Подобное преобразование иллюстрируется здесь как исконно картвельским материалом, так и рядом заимствований: ср. груз. *kreva-* 'дуть (о ветре)' ~ мегр. *rkia*, груз. *okro-* 'золото' ~ мегр. *orko* и т.п.. Если учесть, что в грузинском исторический комплекс *kr* не претерпевает каких-либо изменений, то естественно думать, что грузинский эквивалент лексемы является древним мегрелизмом. В сванском, не знающем ее аналогов, представлено, вероятно, исконное картвельское обозначение рога *mičw-* / *mičw-*.

Связь груз. и мегр. форм была впервые замечена М.Броссе [Brosset 1899: 74]. Их лаз. эквивалент выявлен А.С.Чикобава [Чикобава 1938: 93—94]. В специальной литературе лексема обычно рассматривалась как общее грузинско-занское достояние.

В литературе встречаются попытки увязать картвельскую лексему с нахско-дагестанским материалом. Так, по мнению А.Тромбетти,

груз. слово едва ли характеризуется метатезой по сравнению с лазским, выявляя скорее связь с фонетически существенно отличными дагестанскими обозначениями кости (и балто-славянскими названиями рога) [Trombetti 1925: 116]. Ж. ван Гиннекен, напротив, видел единство груз. и лаз. форм, однако в свете его гипотезы о наличии в пракартвельском латеральных согласных сближал их с авар. *λλar* 'rog' [Ginneken 1938: 30 и 41]. Поскольку сопоставление не подчиняется закономерностям фонетических соотношений, предполагавшихся в рамках ностратической гипотезы [ср. Иллич-Свитыч 1971: 351], нет оснований трактовать этот материал и в качестве общего для картвельских и индоевропейских языков наследия.

Более правдоподобно предположение о зависимости картвельского материала от и.-е. **k̑rā-* 'рог, голова, верх', представленного многочисленными континуантами в разных ветвях индоевропейских языков. Архаичный фонетический облик лазской формы, очень близкий к индоевропейскому архетипу [ср. Рокотну 1959: 594], должен свидетельствовать о достаточно большой давности заимствования. Заимствованные обозначения рога как части тела животного не столь редки в языках мира. В частности, в пределах индоевропейских языков они отмечены, например, в бретонском и кимрском [Haarmann 1983: 144 и 148]. Тем более естественно усвоение лексемы в качестве обозначения сырья для производства различных артефактов, с течением времени расширявшего свою семантику. Существуют серьезные основания для ее проекции еще в грузинско-занское состояние на правах лексемы, первоначально распространенной лишь в его занском ареале.

Как известно, наиболее ранние заготовки орудий из рога оленя и других животных относятся еще к энеолитической эпохе. Если в целом ряде регионов мира за редкостью или отсутствием соответствующих животных роговой материал не играет в хозяйстве общества существенной роли, то совершенно иное положение сложилось на Кавказе, где традиции использования рога уходят далеко в глубь истории и довольно прочно сохраняются вплоть до настоящего времени. Археологический материал свидетельствует о том, что здесь рог шел на изготовление стрел или их наконечников, иголок, крючков, сосудов для питья. Использовался он и для земляных работ — ср. находки на поселении III тысячелетия до н.э. Квацхелеби и в других местах экземпляров сохи из оленьего рога [ср. Мунчаев 1975: 379]. Весьма ранним может оказаться и развитие у слова значения виноградной лозы. Практика ее весенней подрезки восходит в Закавказье к весьма отдаленной эпохе. Древнейшим ее инструментом являлись специальные ножи и серпы. Уже к концу II тысячелетия до н.э. были

выведены по крайней мере две разновидности лозы, одна из которых по сей день имеет название *rka-citel-* 'лоза красная' [ср. Киквидзе 1976: 97].

Сван. *ɣwäse-* 'нутряное сало'

~ и.-е. (диал.) *ɥasā-*

На фоне минимума древних индоевропеизмов, представленных в сванском, это соположение вместе с последующим выглядит очевидным исключением. Отсутствующее в остальных картвельских языках слово известно сванским диалектам в форме *ɣwese-*, отклонения от которой засвидетельствованы в верхнебальском: ср. *ɣwäse-* [Gudjedjiani-Palmaitis 1985: 268], а также форму ушгульского говора *ɣwase-*. Слово характеризуется специфическим для этого языка позднейшим развитием звонкого спиранта перед аялаутным *w* (*v*), иллюстрируемым и целым рядом других примеров, о которых см. во II главе, а также в следующей статье.

Независимо от того, как представлять себе фонетическую историю на сванской почве (существует мнение о давности в ней вокализма *e* [Калдани 1969: 56]), она сопоставима с др.-инд. *vásā* / *vasā* той же семантики, которое еще с начала XIX века [ср. Charpentier 1914: 40—41] считается одним из продолжений индоевропейской именной основы **ues-* 'жидкость; сырой' [Роконю 1959: 1172; Маутофер 1968: 168—169; Мапп 1986: col. 1525]. Остальные континуанты последней — иранский, германский (ср.-н.-нем. *wase* 'тина, сырость') и балтийский — имеют иную семантику и поэтому не сопоставимы непосредственно со сванским материалом. Архаичный характер гласного в исходе основы вызывает сомнения — скорее он отражает типичные для сванского языка комбинаторные изменения конца слова. Если срединный вокализм *e* признать здесь древним, то перед нами, возможно, одно из наиболее ранних индоиранских заимствований, относящееся еще к эпохе до передвижения *e* > *a* в индоиранском.

Сван. *ɣwer-* 'клясться'

~ и.-е. **uer-*

Эта сванская глагольная основа в остальных картвельских языках не прослеживается. Вполне вероятно, что аялаутный спирант здесь позднего происхождения и наряду с другими примерами, приводимыми во II главе, отражает, таким образом, известный специфически сванский процесс типа индоевропейского *Verschärfung*. В пользу глубокой давности функционирования основы на картвельской почве говорит наличие апофонического производного субстантива (лашх.) *ɣwar-* 'клятва' (для в.-бальского диалекта слово приводят в форме

ɣwara- [Gudjedjiani-Palmaitis 1985: 268]), а также факт вокалического чередования типа аблаутного: ср. формы имени действия *li-ɣwer* и *li-ɣwr-e*.

Возможно сближение основы с и.-е. корнем **uer-* 'говорить торжественно, вещать', имеющим свои продолжения в нескольких ветвях индоевропейских языков [ср. Pokorny 1959: 1162]. Отклонение семантики в сванском — в пределах допустимого.

Груз. (*š*)*lam-* 'ил, тина'
~ и.-е. (диал.) **lāmā-*

Если оставить в стороне сван. (н.-бал. и в.-бал.) *šlām-*, несомненно восходящее к грузинскому источнику, лексема является исключительно грузинским достоянием. В памятниках древнегрузинского, по-видимому, не встречается. У С.Орбелиани представлена в форме без начального шипящего и толкуется как 'черный ил' [Орбелиани 1965: 409]. Слово должно быть отнесено на правах экзотизма к числу ингредиентов колхидского словаря. Ж. ван Гиннекен без видимых на то оснований полагал, что аглаутный консонантный комплекс восходит к предполагавшемуся им историческому латеральному спиранту [Ginneken 1938: 74]. В качестве грузинизма лексема представлена в бацбийском и осетинском языках [ср. Абаев 1973: 12].

Материал сопоставим с континуантами и.-е. **lāmā-* 'лужа, болотце' [ср. Pokorny 1959: 653—654; Mann 1986], засвидетельствованными в латинском и балтийских языках: лат. *lāma*, лит. *lotà*, лтш. *lāma*. Менее вероятна связь грузинского слова с германскими формами типа ср.-в.-нем. *slam*, нем. *Schlamm* 'ил, грязь'. Впервые на возможность такого сопоставления обратил внимание Г.Фогт, считавший, впрочем, близость картвельской и индоевропейских форм случайностью (вместе с тем, из грузинского слова он выводил арм. *šlam* 'зола') [Vogt 1938: 337]. В дальнейшем сопоставление принималось и другими исследователями [ср. Меликишвили 1965: 224].

Груз. *zaiua-* 'жена дяди'
~ и.-е. **ǵeǵu-*

Исключительно грузинский термин свойства, обнаруживающий индоевропейские параллели (другая лексема этого семантического круга — лаз. *bere-*, о которой см. выше). Известен к тому же, по-видимому, лишь в восточногрузинских (кизик., мохов.) диалектах [Глонти 1984: 683]. Лексема имеет несколько необычную фонологическую структуру и в картвельском корнеслове стоит изолированно, что позволяет усматривать в ней заимствование.

Она обнаруживает свои параллели в нескольких ветвях индоевропейских языков, в которых представлены продолжения и.-е. архетипа **ǵelb-*, обозначающие по языкам свойственницу — жену брата (невестку) или сестру мужа (золовку): ср. лат. *glōs*, греч. (аттич.) *γάλως*, арм. *tal* [Pokorný 1959: 367Т368; Mann 1985: col. 396]. К фонетической истории индоевропейского слова, в части форм которого выделяется позднейшее распространение *-s*, см. [Vey 1955: 87—88]. Особенно близкими внешне к грузинской форме странным образом оказываются ее славянские аналогии типа русск. диал. *зѡлва*, серб.-хорв. *зѡва* [ср. Фасмер 1967: 103; Трубачев 1959: 136—137], которые не могли служить ее источником.

Груз. *čurbel-*, мегр., лаз. *čurvel-* ‘пиявка’
~ и.-е. (диал.) **surb-el-*

Слово представляет собой один из характерных ингредиентов колхидской лексики картвельских языков. В настоящее время оно образует одну из общих грузинско-занских изолекс. Ср. груз. *čurbela-*, мегр. *čurvel-*, *čruvel-*, лаз. *čurvel-*, *ču(r)el-*.

Лексема хорошо документирована и древнегрузинскими памятниками, где встречается в форме *čurbel-*; ср. *čurbelsa sam asul esxnes...* ‘у пиявки были три дочери...’ Кн. притч Соломоновых 30₁₅; *čurbelisa misebr...*, *romelman ar icis ganžyoma...* ‘подобно пиявке...’, которая не знает насыщения...’ Рук. А-92₃₂₄ [ср. Абуладзе 1973: 552]. В таком же виде она представлена и в словаре С.Орбелиани [Орбелиани 1966: 387]. Новогрузинская форма отмечена позднейшим суффиксальным элементом *-a*.

Основным и исходным по отношению к остальным занским формам слова является, по-видимому, *čurvel-*. В мегрельском окказионально встречаются как метатезированная форма, так и недавний грузинизм *čurbel-*. Первая из приведенных лазских форм принадлежит архавскому диалекту, вторая — хопскому. Что касается сванских обозначений пиявки *čurbelaj* и *čurbelaj*, то их источником несомненно служит новогрузинское слово.

Из грузинского лексема заимствована также в абхазский, осетинский [Абаев 1958: 337], бацбийский [Кадачидзе 1984: 770], а также в цезские языки — бежтинский, гунзибский, гинухский.

Определяющим моментом в адекватном обосновании истории лексем *и*, в частности, далеко не бесспорной давности ее бытования на картвельской почве, является признание первичности согласного *b*, которое едва ли могло возникнуть из *v*, представленного в занских формах. Фонетический переход *b > v* особенно реален, если принять во внимание вероятность аттракции со стороны грузинско-занского

глагола *ṣurva-* (груз.) ~ *ṣurua* (мегр.) 'выжимать' (последний, однако, не мог служить производящей основой для слова в силу как формальных соображений — ср. отсутствие в картвельских языках словообразовательного аффикса *-bel*, так и его очевидного семантического отклонения). Этот переход известен, например, из истории грузинского языка и из диалектологии, отмечающей его как в восточногрузинских диалектах (где он, впрочем, может объясняться воздействием со стороны некоторого дагестанского субстрата), так и в западных, например, в имерском [Цхададзе 1981: 103].

С этих позиций получает свое объяснение и сохранение в середине занского слова исторического вокализма *e*, который здесь мог сохраниться только в составе старой последовательности *ve*, подобно тому, как это имеет место в истории таких грузинско-занских лексем, как **gwel-* 'змея', **z₁wel-* 'старый' и некоторых других. Сказанное свидетельствует о возможной хронологической соотнесенности архетипа **ṣurbel-* и с грузинско-занским состоянием.

При единственно вероятном историческом членении рассматриваемого слова в виде *ṣurb-el-* естественно выделение в нем корневого элемента **ṣurb-*.

Как известно, сама обозначаемая лексемой реалия не встречается в характерных для Кавказа горных речках, будучи распространенной обычно лишь в равнинных ареалах наиболее крупных рек Закавказья (особенно в заводях Риона на западе и Алазани на востоке). Уже одно это обстоятельство допускает мысль о неисконности и обозначающей эту реалию картвельской лексемы. Целесообразно заметить в этой связи, что и в других автохтонных языках Кавказа название пивяки часто оказывается либо относительно поздним заимствованием (ср. распространение слова на правах грузинизма в упомянутых выше языках, а также азербайджанизмы ряда дагестанских языков [Хайдаков 1973: 14]), либо прозрачным по своей внутренней форме описательным образованием.

В свете изложенного понимания истории лексемы в картвельских языках и природного контекста обитания самой реалии было бы естественным сближением ее основы с индоевропейской глагольной базой **s(ṁ)erbh-* : *surbh-* или **sürbh-* (*srühb-*) : *srbh-* 'сосать, высасывать', отраженной своими континуантами во многих ветвях индоевропейских языков: ср. лит. *siürbti*, лтш. *sürbt*, лат. *sorbēre*, русск. *сербать* и др. [ср. Schulze 1934: 97; Pokorny 1959: 1001; Mann 1986: col. 1275 и 1278]. Эту же базу содержат германские формы, например, нем. *schlürfen*, голл. *slurpen*, в которых усматривают вставку сонорного, возникшего в силу их ассоциации с глаголом типа нем. *schlucken* 'глотать' [ср. Kluge-Gotze 1951: 677].

Вместе с тем после аргументов, приведенных С.Алленом [Allen 1968: 10—11], трудно сомневаться в замеченном еще А.Лескином ономастопозитическом характере этой глагольной основы, встречающейся и в других языках мира. Поэтому с точки зрения рассматриваемой в этой монографии проблематики интерес вызывает сопоставление картвельского слова с балтийскими. Действительно, к картвельскому материалу особенно близко стоят балтийские обозначения пиявки (ср. лит. *siurbėlė* и лтш. *sūrbēle*, засвидетельствованное по крайней мере на юге латышской языковой территории [Mühlenbachs 1928: 1124—1125]), что и было в свое время отмечено А.Г.Шанидзе [см. Gudjedjiani-Palmaitis 1986: 100]. Ясно, однако, что последние формы не могли послужить непосредственным прототипом для картвельских слов.

Груз. *xendro*- 'клубника'
 ~ и.-е. **κϰendh-ro*-

Слово известно из новогрузинского. Являясь ныне достоянием литературного языка, оно ведет свое происхождение, по-видимому, из Западной Грузии: см. имер. *xendro*- [Глонти 1984: 747]. Конечный вокализм основы и необычный консонантный комплекс в ее срединной позиции внушают мысль о неисконности лексемы. В словаре С.Орбелиани она толкуется как 'крупная земляника' [Орбелиани 1966: 419].

От соблазна сближения слова с мегрельским редуцированным (?) образованием *xvixindia*- 'клубника' (< *xvind-xvind-ia*-) лучше воздержаться ввиду слишком существенных различий в их фонетическом облике.

Напрашивается сопоставление основы с и.-е. архетипом **κϰendh-ro*- (с распространением, чередующимся по языкам с *-no*-), выступающим в обозначениях довольно различных растений и имеющим свои континуанты в балтийских, германских и итальянских языках [ср. Pokorny 1959: 631]. Для отражения индоевропейского *k* в виде *x* ср. картв. **txaz*- : *txz*- 'сплетать, сочинять', **otxo*- 'четыре'. Если принять семантику и.-е. архетипа, реконструируемую Ст.Манном — 'растения с полым стеблем' [Mann 1986: col. 647—648], то степень надежности сопоставления становится минимальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя отдельные попытки выявления древнейших лексических индоевропеизмов в картвельских языках имеют уже сравнительно длительную традицию, до последнего времени исследования в этом направлении были лишены необходимой систематичности и перспективы. Более того, в большинстве случаев констатировавшийся разными авторами материал оказывался по существу побочным продуктом работ, направленных на решение иных — в некоторых случаях даже нелингвистических — задач. Одним из неизбежных атрибутов подобных изысканий было недостаточно четкое отграничение ареально обусловленных параллелизмов от совпадений, основанных на дескриптивной (звукоподражательной и звукосимволической) природе сопоставлявшихся фактов, а также от сходств, которые могли бы в дальнейшем послужить предметом исследования генетического характера (автор настоящей работы не разделяет ностратической гипотезы). В качестве еще одной причины их неэффективности приходится назвать отсутствие в соответствующих публикациях такого важнейшего компонента любого историко-лингвистического исследования, которым является хронологическая перспектива.

Стимул к разработке рассматриваемой здесь проблематики был двояким. С одной стороны, проблема древнейших картвельских индоевропеизмов была еще в середине 60-х годов введена фундаментальным исследованием Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани, обнаружившими определенный структурный изоморфизм между индоевропейской и картвельской морфологическими системами и поставившими вопрос о наличии в глубоком прошлом между обеими лингвистическими семьями отношений некоего языкового союза [Гамкрелидзе-Мачавариани 1965]. Другой подобный стимул исходил из индоевропейского языкознания, в рамках которого на основе как собственно лингвистических, так и совокупности экстралингвистических аргументов была сформулирована гипотеза о древнейших местах обитания носителей индоевропейской речи в Передней Азии в полосе к югу от картвельской языковой области [Гамкрелидзе-Ива-

нов 1984: 859—957], нашедшая свою внешнюю аналогию в археологическом исследовании К.Ренфрю, согласно которому «Центральная и Восточная Анатолия были ключевым ареалом, где на ранней форме индоевропейского языка говорили в эпоху до 6500 г. до н.э.» [Renfrew 1986: 205] (к оценке культурологического аспекта выводов последнего труда см. [Polomé 1991]).

Накопленный научной традицией материал свидетельствует о том, что картвельская языковая область с древнейшей поры находилась в соприкосновении с ареалом распространения индоевропейской речи. Хотя в настоящее время трудно провести сколько-нибудь четкое разграничение в этом материале обычных заимствований и вероятных субстратных отложений, имеется возможность его некоторой временной стратификации. Однако если для исторически документированной эпохи он может быть не только помещен в определенные хронологические рамки, но и атрибуирован более или менее конкретным языковым источникам, то для так называемого доисторического периода ему пока может быть придана главным образом хронологическая перспектива. В соответствии с этим в работе построены кадастры общекартвельских, грузинско-занских, а также еще более поздних «доисторических» индоевропеизмов.

Самыми общими критериями отнесения картвельских индоевропеизмов к обоим их наиболее древним стратам служат соответствие их плана выражения фонетическим процессам, имевшим место в истории картвельских языков, а также соответствие их плана содержания понятиям и реалиям эпохи.

Как известно, в плане выражения эти критерии усматриваются прежде всего в занском и сванском материале, отразившем целый ряд закономерных преобразований. В первом — это столь широкая фонетическая закономерность, как сдвиг артикуляции в более заднее положение (комбинаторно обусловленный для гласных *e* и *a*, и фронтальный — для одной серии смычных согласных и аффрикат), а также некоторые явления более частного порядка. Во втором — это аналогичный сдвиг того же ряда смычных согласных и аффрикат, последовавшая за ним спирантизация аффрикат, умлаут и отдельные менее существенные закономерности [ср. Гамкрелидзе 1959; Климов 1960; Мачавариани 1965].

Представляется, что план содержания каждого из трех выявляемых пластов индоевропеизмов согласуется с динамикой самой культурно-исторической перспективы контактов обеих лингвистических семей. Если наиболее архаичный из них способен отражать эпоху относительно раннего производящего хозяйства (ср., в частности, слабо представленную в нем лексику земледелия), то грузинско-занский

пласт свидетельствует о значительном прогрессе как скотоводческого, так и земледельческого уклада хозяйства. Наконец, наиболее разносторонним оказывается индоевропейский материал последнего из рассматриваемых здесь пластов.

Наш материал представлен прежде всего типичными ингредиентами культурного словаря (в глагольной лексике — соответствующими основами). В большинстве случаев они отражают такие характерные сферы хозяйственной практики древних картвелов, как скотоводство и земледелие (особенно в том случае, если не понимать обе эти сферы слишком узко), и представляют собой более или менее очевидные заимствования. Другую часть выявленного здесь материала образуют так называемые экзотизмы, т.е. обозначения различных атрибутов не характерной для природной среды Кавказа низменной болотистой местности, избыливающей влагой. Их совокупность получает в работе несколько условное обозначение «колхидской лексики», поскольку по своему плану содержания, равно как и по ареалу своего преимущественного распространения, они прежде всего характеризуют Колхидскую низменность Западной Грузии. Хотя в работах по ареально-лингвистической проблематике подобный лексический пласт, как правило, рассматривается в качестве свидетельств языкового субстрата, автор на настоящем этапе исследования воздерживается от сколько-нибудь категорических в этом отношении выводов. Наконец, третью составную часть выявленного здесь материала образуют лексемы, имеющие более или менее осязаемый дескриптивный характер, но примыкающие по своему фонетическому облику не к принципам звукописи, характерным для ареальной нормы кавказского региона, а к их индоевропейским аналогам (пути формирования этой категории словаря предполагают, по-видимому, взаимодействие нескольких факторов и, в частности, фактора языкового контакта).

Отметим также, что подавляющее большинство констатируемых в работе индоевропеизмов либо не укладывается в рамки схем фонологических корреспонденций, намечавшихся В.М.Иллич-Свитычем или А.Бомгардом в их версиях ностратической гипотезы, либо не удовлетворяет им обеим.

В целом проникновение в картвельские языки основного корпуса рассмотренного здесь материала, на наш взгляд, оказывается в значительной степени связанным с процессом постепенного расселения картвелоязычных племен в долинах крупных рек Закавказья из горного региона, на который довольно отчетливо указывает определенный фрагмент исконной картвельской лексики, отражающий характерные черты экологической среды обитания древних картвелов. Та-

ким образом, предпринятый в работе анализ материала вносит свою долю в дальнейшее обоснование сформулированной несколько лет тому назад гипотезы Т.В.Гамкрелидзе о первоначальном ареале расселения картвельских племен в горных местностях, конкретно локализуемом им на Закавказском нагорье [ср. Гамкрелидзе-Иванов 1984: 881]. В свете сказанного, равно как и свидетельств ряда античных авторов, естественно прийти к выводу о так называемом вертикальном размещении этносов в древнем Закавказье, подобно тому как это имело место в древности в гористых зонах Западной (например, в Гельвеции) и Центральной Европы, а также еще в относительно недавнем прошлом — Северо-Восточного Кавказа, где процесс смещения этносов в более низменные регионы протекал в несравненно более позднюю историческую эпоху.

Из совокупности фигурирующих в монографии индоевропеизмов около пятнадцати способны претендовать на общекартвельскую древность (и, следовательно, на соотнесение с эпохой IV—III тысячелетий до н.э.). Около сорока единиц могут проецироваться в грузинско-занское состояние, продолжавшееся по обособлению сванского языка (с начала II тысячелетия до н.э.). Остальные параллелизмы восходят скорее всего к более позднему периоду.

Материал обоих наиболее древних пластов представлен в работе соответствующими архетипами — общекартвельскими и грузинско-занскими, исторически засвидетельствованные континуанты которых обязаны уже фактору их генетической передачи. Отсюда — их закономерно выдержанный фонетический облик. Единицы последнего пласта заимствований, хотя и нередко представленные в одном-двух (реже — в трех или даже во всех) картвельских языках, не подвержены основным закономерностям дифференциации картвельского материала и не позволяют реконструировать их архетипы. Судя по всему, эти единицы распространялись из одного языка в другие. Определенную трудность здесь представляет строгое обособление древнейших индоевропеизмов от наиболее ранних заимствований из уже исторически засвидетельствованных источников.

Необходимо иметь в виду, что построение строгой хронологической стратификации анализируемого материала в целом ряде случаев затруднено вследствие закономерной фонетической недифференцированности части языковых данных. К примерам такого рода относятся, в частности, архетипы картв. **guga*- 'сердцевина, ядро (плода)', **skwi*- 'шип, стрела' или груз.-зан. **guda*- 'бурдюк, сума', **wel*- 'равнина, поле', **li*- 'ил, тина' и т.д. В подобных случаях экстраполяция материала в один из трех констатируемых здесь лексических пластов ставится в зависимость от степени его фонетической и се-

мантической близости к соответствующим индоевропейским архетипам, от культурно-исторического контекста его функционирования, а также от наиболее общих соображений ареально-лингвистического плана. Трудности аналогичного порядка препятствуют и строгой хронологизации материала, соотносимого здесь с наиболее поздним пластом. Какой-то его фрагмент мог быть усвоен еще в достаточно отдаленную эпоху (вплоть до общекартвельской), но затем утрачен в основной части ареала. С этим нельзя не считаться, поскольку в семьях, представленных малым числом языков, объем латентного праязыкового фонда значительно больше, чем в крупных лингвистических семьях [Иллич-Свитыч 1966: 314]. Однако в случаях серьезных сомнений в давности функционирования материала на картвельской почве он, как правило, соотносится в работе с наиболее поздним пластом.

Представляется естественным, что материал II главы не обнаруживает (за малыми исключениями) сколько-нибудь заметного тяготения к формам каких-либо известных ветвей индоевропейских языков. В целом сходная картина налицо и в III главе. Однако налицо здесь и некоторые исключения. Среди последних наиболее заметное место принадлежит части материала, приводимого в III и IV главах, которая выявляет определенную близость к индоарийским континуантам соответствующих индоевропейских прототипов. Ср. груз.-зан. **bandγ-* 'сплетать, связывать', **guda-* 'бурдюк, сума', **gwal-* 'засуха, жара', **xal-* : *sxl-* 'срывать(ся), скользить', **s₁uš-* 'иссушать, сохнуть, заживать', **pruŋ* : *pr₁w-* 'фыркать (о лошади)', а также, возможно, позднее усвоенные груз. *ačua-* 'лошадка' (детское слово), *dag-* 'жечь калёным', *dro-* (> мегр.) 'время, срок', *sara ža-* (> мегр., сван.) 'пчелиные соты', *sila-* (> мегр., сван.) 'песок', *trp-ial-* 'испытывать любовь', *parto-* (> мегр., лаз.) 'широкий', а также мегр. *reka-*, *rega-* 'галечник речного русла' и сван. *γwäse-*, *γwese-* 'нутряное сало'. Этот материал представляет определенный интерес с точки зрения дальнейшего обоснования гипотезы о пребывании носителей индоарийской речи в первой половине II тысячелетия до н.э. в Передней Азии, оставивших свой след в виде отдельных глосс в хеттских документах, в именах богов и царей хурритского государства Митанни, а также в ряде других источников [ср. Mayrhofer 1966; он же 1974; Kammenhuber 1968]. Против проникновения его с Северо-Западного Кавказа, где древнегреческие источники локализовали Синдику, говорит минимум индоаризмов, отмеченных в сванском языке, составлявшем северную периферию картвельской языковой области, а также отсутствие соответствующих опосредующих звеньев в абхазско-абазинских диалектах. Эти факты согласуются и с данными археологических исследований, свидетель-

ствующих о том, что пребывание индоарийцев в Передней Азии было не относительно кратковременным эпизодом в истории региона, как это, по-видимому, иногда представлялось в прошлом, а характеризовалось длительным периодом их проживания бок о бок с другими местными этносами. Ср. в этой связи уже неоднократно фиксировавшиеся в литературе данные о контактах индоарийцев и с протоармянами [Порциг 1954: 238—241; Капанцян 1946: 26—27; Хачатурова 1975; она же 1982: 112—113].

Во всяком случае два параллелизма, фиксируемых во II и III главах (картв. **uγ*- 'яро, иго' и груз.-зан. **band*- 'связывать, сплести'), должны быть атрибуированы древнему иранскому источнику. Такое решение не противоречит поддерживаемым данными археологии современным представлениям индоевропейстики, согласно которым эпоха расщепления индоиранского языкового единства на индийскую и иранскую ветви соотносится с периодом не позднее конца IV — начала III тысячелетия до н.э. [Girshman 1977: 45; Har-matta 1986: 76].

Вместе с тем бросается в глаза минимальная доля нашего материала, способного восходить к анатолийскому источнику (сюда могут быть отнесены груз. (> мегр., сван.) *madl*- 'благодарение, милость' и, возможно, груз. *gogra*- 'посудная тыква', рассматриваемые в IV главе). Это обстоятельство кажется неожиданным с точки зрения популярной в прошлом гипотезы Ф.Зоммера о продвижении носителей анатолийской ветви индоевропейских языков из Восточной Европы в Малую Азию через кавказский регион.

Трудности привязки основного корпуса картвельских индоевропейцев к материалу той или иной ветви индоевропейских языков обуславливаются очевидной нестабильностью картвельских рефлексов одних и тех же индоевропейских фонем. Такая неоднозначность проявляется даже в иллюстрируемых несколькими примерами отражениях индоевропейского анлаутного *ɟ* в одной группе случаев — по-видимому, в наиболее архаичных заимствованиях — в виде *ɟw* (где допустимо усматривать след наиболее позднего ларингального), а в другой их группе — в виде *w*. И если в этих случаях имеется возможность соотнесения наших фактов с хронологически разными эпохами в истории картвельских языков, то в других случаях такой возможности в настоящее время не представляется. Еще меньше регулярности наблюдается в рефлексации других согласных. Например, индоевропейскому палатальному *k* здесь, по существу независимо от позиции в слове, отвечают то спирант *x* (ср. **txaz*- : *txz*- 'сплести, сочинять', **otxo*- 'четыре', *xendro*- 'клубника'), то смьчный аспирированный *k* (ср. **kursl̥*- 'пятка, нижняя часть ноги', *kra*- 'рог; молодая ло-

за'), то абруптивный *k* (ср. **mkerd-* 'грудь', *kund-* 'экскременты', *kraza-na-* 'шершень, овод'; в связи с последним примером показательно, что его предполагаемый индоевропейский antecedent типа **k̑s-en-* 'шершень' является производным от **k̑rā-* 'рог, голова'). Впечатление о нерегулярности отражений и.-е. *k* возрастет, если учесть, что разные рефлексyы нередко характеризуют материал одного и того же хронологического пласта.

Среди случаев наиболее стабильной рефлексации индоевропейских консонантов следует отметить шесть примеров упомянутого выше отражения и.-е. *ɥ* (*Hu*) картвельским комплексом *ɥw*, а также почти столько же случаев передачи звонкого аспирированного *gh* картвельским фарингальным (по другой классификации — увулярным) спирантом *ɣ*. При этом возникает вопрос, был ли этот спирант специфически картвельским отражением прототипа, или он являлся одной из форм фонетической реализации фонемы *gh* уже в некотором ареале индоевропейского.

Заметную черту адаптации индоевропейских заимствований к фонетике картвельских языков образует метатеза согласных в кластерах, результирующая в становлении характерных для фонемной синтагматики картвельских языков консонантных гармонических комплексов децессивного ряда: ср. **otxo-* 'четыре' < и.-е. **ok̑to-*, **txaz-* : *txz-* 'сплестать, сочинять' < и.-е. **teks-*, **usx-* 'жертвенный бык' < и.-е. **uks-on-*, *zutz-* 'осетр' < и.-е. **ghd̑u-*.

В целом различия в фонетической трактовке индоевропейского материала в картвельских языках говорят о неоднородности их источников и одновременности заимствования. Впрочем, исходя из идеи перманентности дивергентного процесса, сколько-нибудь унитарной картины в индоевропейской языковой области в IV—III тысячелетиях до н.э. и не приходилось бы ожидать.

В аспекте решения основных проблем сравнительной фонетики картвельских языков принципиальное значение приобретает констатация параллелизма между груз.-зан. **s₁uš-* 'иссушать (почву); сохнуть, заживать (о ране)' и и.-е. (индоарийским) *śus-* 'сушить'. При условии его корректности картвелистика получает еще один пример (наряду с картв. **š(i)wid-* 'семь' при семитском *šibit* 'то же'), указывающий на первичность грузинских простых шипящих согласных по сравнению с их комплексными занскими соответствиями, отмеченными развитиями в них самостоятельного заднеязычного сегмента: ср. груз. *šus-* (где начальное *s₁* > *š* в силу регрессивной ассимиляции) ~ лаз. *šus̑k-*. Нетрудно видеть в этом примере и свидетельство сдвига в занском и сванском ареалах одного (свистящего или свистяще-шипящего) ряда смычных и аффрикат в шипящие. Другую аналогич-

ную иллюстрацию следует видеть в груз.-зан. **werz*₁- 'самец, баран' при и.-е. **uers*- то же, дающем в занской ветви рефлекс с конечным шипящим. Подтверждает наш материал и вторичность занских рефлексов общекартвельского вокализма по сравнению с грузинскими. Следует признать, таким образом, что в настоящее время именно древние индоевропейские заимствования удостоверяют адекватность целого ряда фундаментальных положений сравнительной фонетики картвельских языков.

Высказывавшаяся в прошлом гипотеза о возможности проникновения картвельских индоевропеизмов с севера не поддерживается ни собственно лингвистическими данными, ни известными современной науке экстралингвистическими свидетельствами. С точки зрения определения вероятной зоны соприкосновения обеих языковых семей в глубоком прошлом существенны, в частности, три следующих обстоятельства лингвистического порядка. С одной стороны, обращает на себя внимание высокий удельный вес индоевропеизмов в сфере так называемой колхидской лексики. С другой стороны, еще более показательным является заметный индоевропейский компонент в лексике виноградарства и виноделия, которая могла проникнуть в Закавказье только с юга (ср. картв. **γwino*- 'вино', **wenaq*- 'виноградная лоза', **guda*- 'бурдюк', **çkend*- : *çknd*- 'осаждать(ся), фильтровать(ся)'). С третьей стороны, заслуживает внимание и то обстоятельство, что наименьшее число древних индоевропеизмов характеризует сванский язык, занимающий крайнюю северную периферию картвельской языковой области (едва ли случайно, что сванский разделяет с остальными картвельскими прежде всего их наиболее ранний пласт).

В плане культурно-исторического обоснования такого положения вещей целесообразно подчеркнуть, что на Северном Кавказе отмечается крайне незначительное число археологических памятников, относящихся к IV тысячелетию до н.э., что должно свидетельствовать о весьма низкой здесь степени концентрации общественной жизни в ту эпоху. Как констатируют грузинские археологи, до второй половины III тысячелетия до н.э. Северный Кавказ не имел сколько-нибудь ощутимых культурных связей с Закавказьем. Следует к тому же учесть, что гипотеза о миграции некоторых индоевропейских групп из юго-восточной части Европы того времени в Переднюю Азию через Кавказ никогда не оперировала сколько-нибудь весомой системой аргументов в свою пользу (заметим в этой связи, что домашняя лошадь и колесный транспорт начинают более или менее широко использоваться в Закавказье только со второй половины II тысячелетия до н.э. параллельно с общей интенсификацией его

культурных контактов с носителями переднеазиатской цивилизации).

Вытекающие из настоящего исследования выводы имеют непосредственное отношение к обоснованию гипотезы о древнейших местах обитания носителей индоевропейской речи в Передней Азии в полосе к югу от картвельской языковой области, сформулированной Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым [Гамкрелидзе-Иванов 1980; Гамкрелидзе-Иванов 1984: 859—957]. Представляется, что приводимые в нем факты достаточны, чтобы показать реальность картвельско-индоевропейских контактов на протяжении ряда эпох начиная с III или IV тысячелетий до н.э.

Что касается характера передачи индоевропейского консонантизма и, прежде всего, состава смыхных в рассмотренном здесь материале, то в подавляющем большинстве случаев он обнаруживает отражение традиционно принимаемого в науке звонкого ряда теми же звонкими (картвельские глоттализированные отвечают индоевропейским звонким не более чем в пяти случаях). Такую рефлексацию естественно приписать происхождению наших форм из некоторого индоевропейского «диалектного» источника, уже озвончившего серию предполагаемых исходных глоттализированных [ср. Гамкрелидзе-Иванов 1984: 880], что в очередной раз говорит против внушаемой концепцией родословного древа унитарности облика праязыковых состояний. Таким образом, вопреки встречающемуся мнению [ср. Hayward 1989], сказанное не снижает ценности картвельских индоевропеизмов как свидетельства доисторических контактов между обеими языковыми семьями.

Естественно полагать, что принятая в монографии относительная хронология картвельских индоевропеизмов должна иметь и свои корреляты в плане абсолютной хронологии, столь существенные в лингвоареальном исследовании. В этом отношении весьма интересным оказывается сопоставление некоторых лингвистических выводов работы с результатами ведущихся на Кавказе и в смежных ареалах археологических исследований. Так, если ориентироваться на фиксируемые исторической наукой эпохи этнокультурных подвижек, приводивших, как свидетельствует современная археология, к наиболее заметным изменениям в общем ходе развития общества в циркумпонтийском ареале, то в плане возможности абсолютной хронологизации имеющегося языкового материала обращают на себя внимание два периода.

Первый из них связан с констатируемым в ряде исследований распадом так называемой циркумпонтийской провинции около середины IV тысячелетия до н.э., ознаменовавшимся концом определен-

ной культурной стабильности и наступлением периода кардинальных этнокультурных преобразований [Черных 1988: 41—42]. Подобная датировка оказывается как будто в согласии с мнением М.Гимбутас, согласно которой в IV тысячелетии индоевропейцы уже соприкасались с «протокавказским (картвельским) народом» [Gimbutas 1973: 174, 207] (это мнение представляется, впрочем, несколько неожиданным в свете локализации ею древнейшего очага индоевропейцев в юго-восточной части Европы). Естественно, что возникает соблазн проецировать наиболее ранние индоевропейские контакты именно в эту эпоху.

Второй подобный период нестабильности в культурном развитии ареала относится к более позднему времени. В соответствии с ним имеются некоторые основания предположить, что постепенный процесс «сползания» картвелов с Закавказского нагорья происходил начиная с середины III тысячелетия до н.э., когда, по свидетельствам археологии, стабильное существование культур раннебронзовой эпохи вновь было прервано и наступил очередной «деструктивный период», характеризовавшийся не только распадом культур предшествовавшего времени, но и отмеченный следами резкой активизации миграционных процессов по всем циркумпонтийским территориям от Балкано-Карпатской области и Эгеиды на западе до Закавказья на востоке. Как известно, в этот период и происходит смена раннебронзового века эпохой средней бронзы в этом обширном регионе [Черных 1988: 44—45].

Любопытно, что именно в эпоху средней бронзы в регионе к югу от Кавказского хребта в последний раз возобладал скотоводческий, подвижный уклад хозяйства. А это обстоятельство представляется естественным сопоставить с известным в картвелистике фактом несомненной исконной общности для картвельских языков скотоводческого словаря наряду со слабой представленностью в нем исконной лексики земледелия. В какой-то мере такая хронология согласуется с глоттохронологической датировкой наиболее позднего общекартвельского состояния самым концом III тысячелетия до н.э. Ср. также точку зрения Г.А.Меликишвили, в соответствии с которой «уже с середины II тысячелетия до н.э. население Кавказа, в частности, Закавказья, имело в основном тот же этнический состав, что и впоследствии» [Меликишвили 1965: 103].

Конечно, начальный по своему существу этап систематического изучения картвельских индоевропеизмов сообщает некоторому числу из принятых в монографии материальных сопоставлений определенную степень условности. Какая-то их часть, не выдержав испытания временем, может оказаться обязанной не ареальному, а какому-

либо иному фактору языковой истории. В частности, естественно допустить, что некоторые из этих сопоставлений смогут послужить в будущем и предметом исследования сравнительно-генетической ориентации (например, нелегко убедиться в ареально обусловленном характере части картвельских лексем, не обнаруживающих бесспорной принадлежности к фонду культурного словаря или словаря экзотизмов). Тем не менее, невозможно сомневаться в том, что любому историко-лингвистическому исследованию картвельского материала придется в будущем серьезным образом считаться с наличием в нем нескольких пластов древних индоевропеизмов.

Напротив, невозможно придавать какой-либо вес утверждениям авторов, не владеющих картвельским материалом и допускающих, вопреки научной традиции, лишь некоторое минимальное число подобных заимствований, к тому же опосредованных другими языками. Конечно, возможность усвоения части индоевропеизмов опосредованным путем не исключается (например, через посредство хуррито-урартских языков, по-видимому, контактировавших с картвельскими со II тысячелетия до н.э. по крайней мере до VII—VI вв. до н.э.). Должно быть очевидным, однако, что не продиктованное какими-либо фактическими данными ограничение исследования таким ракурсом лишено доказательной силы (к тому же вовлечение в рассмотрение ареальных взаимоотношений двух известных языковых величин некоторой неизвестной в виде посредника резко снижает его объяснительную способность). Что же касается допустимого с позиции знаний современной науки посредства хуррито-урартских языков для части индоевропеизмов грузинско-занского уровня, то, насколько можно судить по известному к настоящему времени урартскому корнеслову [ср. Джаукян 1968: 18—45], в нем по существу не видно индоевропеизмов, разделявшихся бы и картвельскими языками.

Целесообразно подвести некоторые самые предварительные итоги сопоставления фонда древнейших картвельских индоевропеизмов с аналогичным пластом словаря, засвидетельствованным в уральских (преимущественно — финно-угорских) языках. Оставляя в стороне неясную на начальном этапе исследования картину соотношения объема обоих, следует отметить, как того и можно было ожидать из нетождественной перспективы соответствующих ареальных контактов, что совпадений в их составе пока очень немного. Свои аналогии в уральском материале находят такие картвельские лексемы, как **uxh*- 'бык (жертвенный)', **cxwi*- 'шип', **werz₁*- 'самец, баран', **s₁uš*- 'иссушать, сохнуть, заживать', **ankara*- 'уж', **ankes*- 'рыболовный крючок, удочка', **kra*- 'рог' и, возможно, некоторые другие. Напротив, в на-

шем материале не находим параллелей множеству уральских индоевропеизмов, усвоение которых должно было относиться, судя по их семантике, к более поздней исторической эпохе (ср. обозначения цены, платы, тысячи, раба, конопли, железа, стали и т.п.). Как уже неоднократно отмечалось в литературе, основной состав древнейших уральских индоевропеизмов имеет не столько индоиранский, сколько собственно иранский характер, что образует его существенную характеристику. Иногда, впрочем, исследователи отмечают и исключительно архаичные индоиранские заимствования, вокализм которых, как предполагается, еще не отражает типичных признаков индоиранского состояния (в этом плане в нашем материале подобную картину, возможно, выявляют картвельские лексемы типа сван. *ɣwäse- / ɣwese-* 'нутряное сало' при и.-е. **ues-*). Однако в картвельских языках этим заимствованиям противостоят, по всей вероятности, не менее архаичные включения, вообще не обнаруживающие особой близости к фактам известных ветвей индоевропейского.

Существенно учитывать, что наша проблема значительно сложнее проблемы индоиранско-уральских языковых контактов хотя бы уже в силу большего разнообразия языков-источников, с которым приходится считаться. Последнее обстоятельство явно не способствует разработке сколько-нибудь единой хронологической стратификации индоевропеизмов по признакам историко-фонетического порядка, подобной тем, которые уже предложены в работах некоторых иранистов [ср. Абаев 1981: 84—89; Harmatta 1981: 75—82].

Анализируемый в работе лексический материал может, очевидно, способствовать и решению некоторых вопросов индоевропеистики, подтверждая тем самым справедливость указания Э.Поломэ на импульсы к ее дальнейшему прогрессу, поступающие в последнее время со стороны ареальных исследований [Polomé 1983: 1359]. Представляется, что фактическая база настоящей работы прежде всего проливает дополнительный свет на хронологию филиации индоевропейской языковой общности и, в частности, свидетельствует о глубокой расщепленности ее ареала не только на рубеже III—II тысячелетий до н.э., но и, по-видимому, в более раннюю эпоху. Этого, впрочем, и следовало ожидать, если руководствоваться идеей о перманентности процессов языковой дивергенции.

Ср., например, обнаруживающий свою «диалектную» природу спирант *x* как отражение и.-е. **k* в общекартвельском обозначении четырех (подтверждающем трактовку и.-е. **okʷ(u)*- в качестве формы дуалиса), или спирант *ɣ* в роли рефлекса и.-е. **g* в общекартвельском названии ярма, свидетельствующий о глубокой давности процесса спирантизации смычных *b*, *d* и *g* в иранских языках и подтвер-

ждающий глубокую хронологию процессов внутреннего дробления индоиранского состояния. Небольшая группа наиболее ранних индоевропеизмов, обнаруживающая анлаутную консонантную последовательность γw на месте и.-е. ζ или $H\zeta$ (в их антецедентах типа * $\zeta web-$ 'плести', * $\zeta wed-$ 'ремень, привязь ярма') позволяет сформулировать гипотезу о возможном отражении в них позднего индоевропейского ларингала, считающегося продуктом совпадения предшествовавшей ему хронологически серии ларингальных фонем. Бросающийся в глаза индоарийский фонетический облик некоторых других упомянутых выше заимствований, в частности, восходящих к грузинско-занскому состоянию, имеет немаловажное значение в плане обоснования оживленно дискутировавшейся еще недавно гипотезы о переднеазиатской или месопотамской ветви индоарийских языков (часть этого материала должна была заимствоваться позже и, к тому же, через какие-то опосредовавшие звенья).

Некоторые интересные для индоевропейского языкознания следствия вытекают и из анализа семантической структуры рассмотренного в работе материала. Например, такие его важные составляющие, как некоторые термины виноградарства и виноделия, а также так называемая колхидская лексика, указывают на то, что иррадиация древнейших индоевропеизмов скорее всего исходила не с севера, связи Закавказья с которым на протяжении ряда эпох оставались весьма слабыми, а из некоторого более южного ареала. Последнее обстоятельство согласуется с идеей о переднеазиатской ойкумене индоевропейцев.

Заслуживающими внимания представляются и некоторые более частные факты семантического порядка. Так, общекартвельское обозначение жертвенного быка * $ux-$ как будто удостоверяет предложенную фактически еще А.Мейе этимологию индоевропейского архетипа * $uks-$ [Meillet 1934: 393], связывающего его с глагольной базой * $\zeta eks-$: $uks-$ 'растить'. В то же время отличное качество заднеязычного согласного в картв. * eks_1w- 'шесть' при и.-е. *(s) $\zeta eks-$, в котором некоторые авторы усматривают эту же базу, как будто не поддерживает такого предположения (впрочем, нельзя не учитывать того обстоятельства, что картвельские слова могли восходить к источникам, существенно отстоявшим друг от друга как в пространстве, так и во времени). В форме числительного * $otxo-$ 'четыре', вероятно, отражено древнейшее индоевропейское обозначение четырех, представленное в и.-е. * $okt\acute{i}d(u)-$ 'восемь', которое обычно трактуется в качестве исторической формы дуалиса. Очевидное семантическое (и, отчасти, фонетическое) расхождение и.-е. глагольной базы * $legh-$ 'класть, лежать' с др.-инд. $lag-$ 'прикрепляться, приставать' как будто теряет свою кате-

горичность на фоне общекартвельского **lag-* : *lg-* 'сажать, класть, укреплять', закономерным продолжением которого является сван. *laʒ-* : *lʒ-* 'сажать, укреплять, прикреплять'.

Небезынтересными представляются в этой связи и отдельные черты семантики картвельских индоевропеизмов, восходящих к более поздним грузинско-занскому и последующему состояниям. Так, например, первичная семантика груз.-зан. **werʒ*₁- 'самец домашнего животного' (> 'баран'), еще вполне отчетливо прослеживающаяся в его современных континуантах, поддерживает архаичное значение его индоевропейского antecedента **uers-*. Семантика груз.-зан. **pu-tur(o)*- 'гниль, гнилой (о дереве, плоде)' подтверждает принадлежность его прототипа **pu-tro-* к числу лексем, характеризовавшихся именованным синкретизмом. Некоторое уточнение в исходную семантическую структуру своей индоевропейской аналогии как будто способны внести груз.-зан. **cumb-* 'пропитываться влагой, промокать' и груз. (> мегр., сван.) *saraʒ(a)-* // *sarag(a)-* 'пчелиные соты'. В первом случае бросается в глаза явное господство глагольного функционирования основы в картвельских языках при атрибутивной семантике, приписываемой индоевропейскому архетипу **suomb(h)-*. Во втором случае как будто проясняется значение индоарийского *sāraghá-* как производного от *saragh-* 'пчела'.

В заключение следует коротко остановиться на некоторых перспективах дальнейшего изучения рассмотренной в работе проблематики. Необходимо подчеркнуть, что сформулированные в ней выводы отражают лишь первый итог начатого систематического исследования, в орбиту которого был вовлечен материал, во многом лежащий на поверхности. И если некоторая его часть не выдержит испытания временем, то будут, несомненно, выявлены и факты, обнаружение которых потребует более углубленного ареального исследования. Должно быть поэтому очевидным, что важнейшей предпосылкой эффективной работы в этом направлении будет дальнейший прогресс этимологических штудий в картвельском языкознании.

В плане метода актуальной задачей остается выработка более строгих критериев распределения материала по трем выделенным хронологическим стратам, даже относительная временная приуроченность которого все еще допускает весьма существенное варьирование. Необходимо также дальнейшее совершенствование критериев взаимного обособления «доисторических» индоевропеизмов и заимствований уже исторической эпохи, далеко не всегда отражаемых памятниками грузинской письменности. В этом отношении полезными могут оказаться и некоторые работы, выполненные на ином языковом материале (целесообразно, в частности, изучить в этой связи

репертуар древнейших греческих заимствований в некоторых других языках Ближнего Востока).

Особый аспект исследования древнейших индоевропеизмов картвельских языков может, по всей вероятности, составить изучение лексических калек с индоевропейского материала. Хотя в настоящее время они известны почти исключительно по грузинским фактам, их естественно ожидать и в других языках. Об этом позволяет думать, в частности, словообразовательная структура некоторых засвидетельствованных в древнегрузинском композитов, напоминающая соответствующие модели индоевропейских языков. Ср., например, др.-груз. *qel-mçipe-* 'царь', букв. 'руки простирающий' при и.-е. (диал.) **rēg-s*, интерпретируемым в литературе как «*der, der sich, bzw. seine Arme schützend, helfend, segnend ausstreckt*» [Gonda 1955: 156; Scherer 1965: 20], или груз. *dia-saxlis-* 'госпожа', повторяющее известный индоевропейский композит типа греч. *δέσποινα* < **dem-s potniā* 'Frau des Hauses' (в лазском языке некоторую аналогию последнему грузинскому факту как будто образуют композиты *oxor-ža* 'женщина' > 'жена' и *oxor-čkjura-* 'госпожа дома', о чем см. [Чикобава 1938: 33]).

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том III. Ленинград, 1979.

Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

Абуладзе И.В. Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

Абуладзе И.В. Труды. II. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

Адлейба Е.А. Жертвенное животное в культуре святыни фамилии Адлейба в Абхазии // Этнографические параллели. Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии (5—7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси, 1987.

Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974.

Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

Андроникашвили М.К. Арабские слова, проникшие в грузинский язык через персидский // Труды Тбилисского университета. Т. 105. Серия филол. наук. VI. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

Апакидзе А.М. Термины обозначения единиц населения в древнегрузинском // В кн.: Орион. Акакию Шанидзе. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

Ачарян Гр. Коренной словарь армянского языка. II. Ереван, 1973 (на арм. яз.).

Ачарян Гр. Коренной словарь армянского языка. III. Ереван, 1977 (на арм. яз.).

Ачарян Гр. Коренной словарь армянского языка. IV. Ереван, 1979 (на арм. яз.).

Бардавелидзе В.В. По этапам развития древнейших религиозных верований и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.

Барроу Т. Санскрит. М., 1976.

Барсегян Л.А. Из истории древнейших племенных союзов Армянского нагорья в XV—XIII вв. до н.э. (Хайаса-Аззи). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1964.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1956.

Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959.

Бендукидзе Н.А. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели // Вопросы древней истории (кавказско-ближневосточный сборник, IV). Тбилиси, 1973.

Беридзе В. Грузинский (к'артский) глоссарий по имерскому и рачинскому говорам // Материалы по яфетическому языкознанию, VI. СПб., 1912.

Беридзе Г.М. Лексический материал джавахетского диалекта. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Берозашвили Т., Месхишвили М., Нозадзе Л. Словарь картлийского диалекта. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Бердзенишвили Н.А. Одна страница из историко-географического дневника // Сборник исторической географии Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).

Бохочадзе А.В. Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим данным (с древнейших времен до XII—XIII вв. н.э.). Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX века. Л., 1988.

Вахушти. Описание царства Грузинского (География Грузии). Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).

Газделиани Е.К. О долготе гласных в некоторых сванских основах // Этимологические разыскания, 1990. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).

Гамкрелидзе Т.В. Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

Гамкрелидзе Т.В. Хеттский язык и ларингальная теория // Труды Института языкознания (Серия восточных языков). Т. III. Тбилиси, 1960.

Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. II // ВЯ. 1970, № 3.

Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.).

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ, 1980, № 3.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II. Тбилиси, 1984.

Гачечиладзе П.Л. Лексический материал имеретинского диалекта. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Института Востоковедения при Азиатском музее. Том 5. Ленинград, 1930.

Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.

Георгиев В.И. Праславянский и индоевропейский языки // Славянская филология. Т. III. Доклады, сообщения и статьи по языкознанию. София, 1963.

Герценберг Л.Г. Индоевропейский, картвельский, иранский // Актуальные проблемы иранской филологии. Труды VI Всесоюзной научной конференции по актуальным проблемам иранской филологии. Тбилиси, 1978.

Герценберг Л.Л. Реконструкция протоармянского консонантизма // Второй международный симпозиум по армянскому языкознанию. 21—23 сентября 1987 г. Тезисы докладов. Ереван, 1987.

Гиоргадзе Г.Г. О характере некоторых индоевропейско-грузинских (картвельских) языковых параллелей // Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979.

Глейе А. О происхождении грузинского народа и его языка // СМОМПК, вып. XXVII, отд. 4. Тифлис, 1900.

Глейе А. Арио-европейские, в частности, иллирийские элементы в грузинском языке // СМОМПК, вып. 31. Тифлис, 1902.

Глonti А.А. Словарь грузинских народных говоров. 2-ое изд. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).

Гордезиани Р.В. Илиада и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

Гордезиани Р.В. Догреческий и картвельский. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

Горьев В. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Гудава Т.Е., Гамкрелидзе Т.В. Комплексы согласных в мегрельском // «Акакию Шанидзе». Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. Москва, 1953.

Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // ВЯ, 1981, № 4.

Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н.э. Тбилиси, 1973.

Джавахишвили И.А. История грузинского народа. I. Тбилиси, 1928 (на груз. яз.).

Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. I. Тбилиси, 1930; II. Тбилиси, 1934; III. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.).

Джавахишвили И.А. Введение в историю грузинского народа. Т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).

Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ, 1939, № 4.

Джавахишвили И.А. Материалы по экономической истории Грузии. Кн. I, части IV и V. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).

Джанашвили М. Картвельский язык и славяно-русский. Точки соприкосновения между этими языками // СМОМПК. Вып. 31, отд. 4. Тифлис, 1902.

Джанашвили М. Грузинская грамматика. Тбилиси, 1906 (на груз. яз.).

Джанашиа С.Н. Труды, VI. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).

Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен. По данным археологии. Тбилиси, 1976 (на груз. и русск. яз.).

Джаукян Г.Б. Урартский и индоевропейские языки. Ереван, 1963.

Джаукян Г.Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.

Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.

Джаукян Г.Б. Заметки о некоторых картвельско-армянских лексических совпадениях // ИКЯ, Тбилиси, 1973, XVIII.

Джаукян Г.Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982.

Дзидзигури Ш.В. Понятие синонимического параллелизма // Вестник АН Груз. ССР, 1941, № 7 (на груз. яз.).

Дзидзигури Ш.В. Контакты грузинского языка с языками мира // В кн.: Дзидзигури Ш.В. Литературно-лингвистические очерки. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

Дирр А.М. Две статьи о современном состоянии кавказоведения. 1. Новейшие взгляды на отношения кавказских языков к другим. 2. Закавказье, как родина арийцев // СМОМПК. Вып. 37. Отдел третий. Тифлис, 1907.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ, 1982, № 3.

Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем) // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Жгенти С.М. Занизмы в гурийских глаголах // Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я.Марра. V—VI. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).

Жгенти С.М. Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).

Жгенти С.М. Фонетика чанско-мегрельского языка. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

Жгенти С.М. Фонетика грузинского языка. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929.

Иванов Вяч.Вс. О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам // Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979.

Иванов Вяч.Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

Иллич-Свитыч В.М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.

Иллич-Свитыч В.М. Caucasia // Этимология 1964. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1965.

Иллич-Свитыч В.М. Соответствия смычных в ностратических языках // Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968.

Иллич-Свитыч В.М. Рец. на кн.: G.Devoto. Origini indoeuropee. Firenze, 1962 // Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. b — Қ. М., 1971.

Имнашвили И.В. Симфония-словарь к древнегрузинскому Четвероглаву. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).

Кавтарадзе Г.Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы в Грузии. Тбилиси, 1983.

Кавтарадзе Г.Л. К расселению картвельских племен в Анатолии. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

Кавтарадзе И.И. Дефектные глаголы в отношении числа в древнегрузинском языке // ИКЯ, Тбилиси, 1946, I (на груз. яз.).

Кавтарадзе И.И. Материалы для имеретинского словаря // Вопросы структуры картвельских языков. IV. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

Кавтарадзе И.И. Мохевский диалект грузинского языка. Исследование, тексты, словарь. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

Калдани М.М. Фонетика сванского языка. I. Система умлаута в сванском языке. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

Кантария М.В., Чанба Р.К. Некоторые вопросы земледельческой культуры (грузино-абхазские этнографические параллели) // Этнографические параллели (Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии. 5—7 июня 1985 г. Сухуми). Тбилиси, 1987.

Капанян Г. К происхождению армянского языка. Ереван, 1946.

Кереселидзе Д. Ланчхутское сельское общество Кутаисской губернии Озургетского уезда // СМОМПК, вып. 22. Тифлис, 1897.

Керкадзе И.К. Зоологическая лексика в древнегрузинском литературном языке. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

Кигурадзе Н.Ш. К истории населения центральной Колхиды в античную эпоху. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1972.

Кигурадзе Т.В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

Кизириа А.И. Композиты в новогрузинском языке // Структура картвельских языков. V. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Киквидзе Я.А. Земледелие и земледельческий культ в Древней Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию. VII. СПб., 1914.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Климов Г.А. Заимствованные числительные в картвельских языках? // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967.

Климов Г.А. Картвельское *otxo- ~ индоевропейское *okto- // Этимология 1975. М., 1977.

Климов Г.А. Общеиндоевропейский и картвельский (к типологии падежных систем) // ВЯ, 1978, № 4.

Климов Г.А. Несколько картвельских индоевропеизмов // Этимология 1979. М., 1981.

Климов Г.А. Дополнения к заметке «Картвельское *otxo- ~ индоевропейское *okto-» // Этимология 1981. М., 1983.

Климов Г.А. Три древних заимствования в картвельских языках // Этимология 1981. М., 1983.

Климов Г.А. Еще одна индоевропейско-семитско-картвельская лексическая параллель // Этимология 1982. М., 1985.

Климов Г.А. Опыт стратификации картвельских индоевропеизмов // Этимология 1984. М., 1986₁.

Климов Г.А. Об ареальной конфигурации протоиндоевропейского в свете данных картвельских языков // ВДИ, 1986₂, № 3.

Климов Г.А. Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков. III // Этимология 1985. М., 1988.

Климов Г.А. Некоторые вопросы картвельской этимологии // Материалы первого Международного картвелологического симпозиума. Тбилиси, 1988.

Климов Г.А. К литовскому *duõlas* 'безрогий' // Baltistica, 1989₁, XXV (1).

Климов Г.А. Индоевропейское *g^heb(h)u ~ картвельское *ǰwabu-* // Этимология 1986—1987. М., 1989₂.

Климов Г.А. Рефлекс индоевропейского ларингального в картвельских языках? // ВЯ, 1989₃, № 6.

Климов Г.А. Индоевропейское *scomb(h)o ~ картвельское **çimpr-* // Этимология 1988—1990. М., 1992₁.

Климов Г.А. Из истории имени прилагательного (картвельские данные) // ВЯ, 1992₂, № 5.

Климов Г.А. Еще одно свидетельство пребывания арийцев в Передней Азии // ВЯ, 1993, № 3.

Кобалава И.Д. Об образовании некоторых типов звукоподражательных слов в грузинском языке // Вопросы современного общего языкознания. V. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

Кортландт Ф. Восемь индо-уральских глаголов? // ВЯ, 1992, № 1.

Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

Кудечкина Н.К. Значение слова "бай" в произведениях устного народного творчества // Национальное наследие и современность. Горно-Алтайск, 1984.

Кутелия Н.С. Фонематическая структура лазского языка (сегментные фонемы и группы фонем: парадигматика, синтагматика). Тбилиси, 1986 (ДЦ).

Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.

Ламберти (А). Описание Колхиды Ламберти в переводе И.Ф.Гана с предисловием от автора и картой // СМОМПК, вып. 43. Тифлис, 1913.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть I. Греческие писатели // ВДИ, 1947, № 2.

Ломтадзе Э.А. Некоторые общие корневые элементы в иберийско-кавказских языках // ИКЯ. Тбилиси, 1955, VII (на груз. яз.).

Манджгаладзе А. О структуре некоторых именных основ с гласным исходом -а в грузинском языке // К истории склонения имен в картвельских языках. Кн. I. Труды кафедры новгородинского языка. I. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

Март Н.Я. Ипполит. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Книга третья. СПб., 1901.

Март Н.Я. Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908.

Март Н.Я. Яфетический *к* в армянском языке // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. XIX, вып. 4. СПб., 1909.

Март Н.Я. Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). I // Известия Академии наук. Петроград, 1915.

Март Н.Я. Яфетические элементы в языках Армении. IV—VIII // Известия Академии наук, 1911—1914.

Март Н.Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры // Материалы по яфетическому языкознанию. XI. Лейпциг, 1920.

Март Н.Я. Термин «скиф» // Яфетический сборник. I. Л., 1922.

Март Н.Я. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925.

Март Н.Я. Об яфетической теории // В кн.: *Март Н.Я.* По этапам развития яфетической теории. М.—Л., 1926.

Март Н.Я. Яфетические зори на украинском хуторе // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. I. М., 1930.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. I. Этапы развития яфетической теории. Л., 1933.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. II. Основные вопросы языкознания. Л., 1936.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. III. Язык и общество. Л., 1934.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. IV. Основные вопросы истории языка. Л., 1937.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. V. Этно- и глоттогония Восточной Европы. Л., 1935.

Мартиросов А.Г. Фонетические особенности памятников светской литературы // ИКЯ. Тбилиси, 1954, VI (на груз. яз.).

Мартиросов А.Г. Джавахский диалект грузинского языка. Исследование и тексты со словарем. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).

Мартынов В.В. Пруско-славянские эксклюзивные изолексы // Этимология 1982. М., 1985.

Мачавариани Г.И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Мачавариани Г.И. Некоторые вопросы диахронической фонологии картвельских языков // Тбилисский университет Георгию Ахвледiani. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

Меликишвили Г.А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952.

Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Меликишвили Г.А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Меликишвили Г.А. Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ, 1965, № 1.

Меликишвили И.Г. Общекартвельская сибилантная система с точки зрения функциональной типологии // Вопросы современного общего языкознания. Т. V. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

Меликишвили И.Г. К объяснению двух изолированных звукосоответствий в сванском (груз.-зан. *t* : сван. *šd* и груз. *a* : сван. *e*) // Вопросы современного общего языкознания. Т. VI. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Мельничук А.С. Этимологическое гнездо с корнем **цеj-* в славянском и других индоевропейских языках. Доклад на VIII Международном съезде славистов. Киев, 1978.

Мельничук А.С. О генезисе индоевропейского вокализма // ВЯ, 1979, № 5.

Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья (II—I тысячелетия до н.э.). Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975.

Наумкин В.В., Порхомавский В.Я. Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981.

Николаева Н.А. О пракартвело-индоевропейских контактах по археологическим данным // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. I. М., 1984.

Норакидзе Н. Занизмы в географических названиях Самцхе // Мнатоби, 1971, № 4 (на груз. яз.).

Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в современной индоевропеистике. М., 1988.

Орбелиани Сулхан-Саба. Сочинения. Т. IV₁. Тбилиси 1965; Т. IV₂. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

Откупщиков Ю.В. Об индоевропейском происхождении лат. *vīnum*, др.-греч. (F)οἶνος 'вино' // ВЯ, 1985, № 4.

Палмайтис Л. Пять важных картвельско-балтийских и картвельско-семитских сходжений // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. I. М., 1984.

Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.

Погодин А. К вопросу о влиянии индо-европейских языков на кавказские // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1902.

Робакидзе А. К истории пчеловодства. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).

Рogaва Г.В. Вопросы исторической фонетики картвельских языков. I. Некоторые вопросы истории гласных в картвельских языках. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).

Рogaва Г.В. Об одном индоевропейском слове в картвельских и адыгских языках // Труды Тбилисского университета. Т. 245. Языкознание 8. Тбилиси, 1984 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Рogaва Г.В. Грузинская основа глагола *xclavs* ('обрезать ветви') и ее соответствия в сванском и занском языках // Этимологические разыскания 1988. Тбилиси, 1988₁ (на груз. яз.).

Рogaва Г.В. О некоторых сходных словах в картвельских и индоевропейских языках // ИКЯ. Тбилиси, 1988₂, XXVII (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Рogaва Г.В. К происхождению сванского слова *kwanč*- 'лепешка' // Этимологические разыскания 1990. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).

Сабалюскас А. Из истории терминологии животноводства в балтийских языках. Названия безрогого скота // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.

Сафронов В.А. Кавказ в раннебронзовую эпоху и проблема локализации индоевропейской прародины («кавказский узел» индоевропейской проблемы) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. I. М., 1984.

Сванидзе А. Материалы по истории алародийских племен. Тбилиси, 1937.

Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.

Тандилава З. Лазская народная поэзия. Батуми, 1972 (на груз. яз.).

Тедеева О.Г. Очерки по осетинско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).

Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. Е — Н. М., 1979.

Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. I — К. М., 1980.

Топуриа В.Т. Фонетические наблюдения над картвельскими языками. 1. Последовательность звуковых явлений // Обозреватель. I. Тбилиси, 1926 (на груз. яз.).

Топуриа В.Т. Состояние и задачи изучения диалектов картвельских языков // Вопросы структуры картвельских языков. III. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

Топуриа Г.В. К реальности одной гипотетической формы из ареала занского языка (Из топонимики Самцхе) // Мацне, 1968, № 6 (на груз. яз.).

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Трубачев О.Н. О синдах и их языке // ВЯ, 1976, № 4.

Трубачев О.Н. (Ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 7. М., 1980.

Урушадзе А.В. Некоторые вопросы истории греческого языка // Историко-филологические разыскания. I. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

Фенрих Х. Некоторые вопросы корневых морфем в раннем общекартвельском языке-основе // Труды Тбилисского гос. ун-та, 164. Языкознание. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

Фенрих Х., Сарджвеладзе З.А. Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

Хаханов А.С. Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии. Тифлис, 1903.

Хакутаишвили Д.А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987.

Хачатурова Е.Г. Древнейшие армяно-индоарийские языковые контакты. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1975.

Хачатурова Е.Г. Лингвистические данные о контактах протоармян с индоарийцами в Передней Азии во II тыс. до н.э. // Международный симпозиум по армянскому языкознанию 21—22 сентября 1982 г. Тезисы докладов. Ереван, 1982.

Хэмп Э. Заметки // Этимология 1982. М., 1985.

Худадов В.Н. Халды-урартийцы после падения Ванского царства // ВДИ, 1938, 2 (3).

Цагарели А. Мингрельские этюды. Второй выпуск. Опыт грамматики мингрельского языка. СПб., 1880.

Церетели Г.В. Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры // Научная сессия Тбилисского гос. унта. Сборник докладов. № 1 (2—4/III 1946). Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).

Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках // В кн.: *Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965.

Церетели Г.В. (Ред.). Метр и рифма в поэме Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре». Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

Цоцанидзе Г.И. От листопада до листопада (этнографические экскурсии в недавнее прошлое Тушетии). Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).

Цхададзе Б.А. Суффикс *-ovan* в древнегрузинском языке // Структура картвельских языков. V. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Цховребов В.К. Скотоводческая терминология в осетинском языке. Тбилиси, 1986.

Чарая П. Родственное отношение мегрельского диалекта к грузинскому (материалы) // Моамбэ, X. Тбилиси, 1895; XII. Тбилиси, 1895 (на груз. яз.).

Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим // Материалы по яфетическому языкознанию. IV. СПб., 1912.

Чартолани Ш.Г. Медные горнорудные выработки в Сванетии // Медные рудники Западного Кавказа III—I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тезисы докладов Башкалсарского полевого археологического семинара. Сухуми, 1988.

Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.

Чикобава А.С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).

Чикобава А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Чинчараули А.Л. Семантические переходы в некоторых лексических группах // ИКЯ. Тбилиси, 1974, XIX (на груз. яз.).

Чинчараули А.Л. Из лексики картвельских языков // Этимологические разыскания 1987. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).

Читая Г. Мотыжная культура в Западной Грузии (Колхиде) // Институт истории имени Ивана Джавахишвили. Труды. IV, вып. 2. Тбилиси, 1959 (на груз. и русск. яз.).

Шанидзе А.Г. Этимологические разыскания. *Rko-* и *tuxa-* // Научная сессия Тбилисского гос. ун-та. 29/X — 3/XI. Тезисы докладов. Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).

Шанидзе А.Г. К названию столицы Грузии // «Тбилиси — 1500». Юбилейный сборник. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).

Шанидзе А.Г. Вступительное слово, произнесенное на защите диссертации на заседании Ученого Совета Тбилисского университета 9 мая 1920 года // Труды кафедры древнегрузинского языка ТГУ. 11, Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индогерманской древности. СПб., 1886.

Шумахер В.В. Индоевропейское $(pen)k^{w}e \sim$ Кавказскому $xw\acute{e}$ "5"? // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1977, Bd. 30, H. 2.

Эдельман Д.И. К генетической классификации иранских языков // ВЯ, 1984, № 6.

Эдельман Д.И., Климов Г.А. Из истории одной древнеперднеазиатской лексической изоглоссы // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.

Эртелишвили Ф.Г. Вопросы фонематической структуры и истории глагольных основ в грузинском языке. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).

Adams J.N. Anatomical Terms Transferred from Animals to Humans in Latin // Indogermansische Forschungen, 1982, Bd. 87.

Adrados Fr.R. Estudios sobre las laringales indoeuropeas. Madrid, 1961.

Allen W.S. Varia onomatopoeica // Lingua, 1968, vol. 21.

Benveniste E. Une racine indo-européenne // BSLP, 1932, vol. 33, fasc. 2.

Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 4-e ed. Heidelberg, 1950.

Bomhard A.R. A survey of the comparative phonology of the so-called «Nostratic» Languages // *Ph. Baldi* (Ed.). Trends in Linguistics. Studies and Monographs 45. Linguistic Change and Reconstruction Methodology. Berlin — New York, 1990.

Bopp Fr. Über das Georgische in sprachverwandtschaftlicher Beziehung // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-historische Klasse, 1846.

Bopp Fr. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. Berlin, 1947.

Bork F. Beiträge zur kaukasischen Sprachwissenschaft. Teil I. Kaukasische Miscellen. Königsberg, 1907.

Bouda K. Beiträge zur etymologischen Erforschung des Georgischen // *Lingua*, 1950, vol. II, 3.

Bouda K. Buruschaski Etymologien. 2. // *Orbis*, 1954, t. 3, № 1.

Bouda K. Südkaukasisch-nordkaukasische Etymologien // *Die Welt des Orients*, Göttingen, 1954—1956. Bd. II, H. 2.

Brunner L. Die gemeinsame Wurzeln des semitischen und indogermanischen Wortschatzes. Versuch einer Etymologie. Bern und München, 1969.

Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago, 1949.

Cardona G.R. Un nome grec de la perdrix: κκακκαβη // *Orbis*, 1968. T. XVI, № 1.

Charachidzé G. Gamkrelidze/Ivanov. Les indo-européens et le Caucase // *Revue des Études Géorgiennes et Caucasiques*. 1986, № 2.

Charpentier J. Zur arischen Wortkunde. // *Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft*, 1914, Bd. 46.

Collinder B. Indo-uralische Sprachgut (— UUA, 1934). Uppsala, 1934.

Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung // *Caucasica*. Leipzig, 1926. Fasc. III; Leipzig, 1927. Fasc. IV.

Deeters G. Graeco-Georgica // *Mélanges E.Boisacq*. Paris, 1937.

Deeters G. (Rec.). W.Koppers (Hrsg.). Die Indogermanen and Germanenfrage. Neue Wege zu ihrer Lösung. Salzburg — Leipzig, 1936 // *IF*, 1938. Bd. 56, H. 2.

Deeters G. Bemerkungen zu K.Bouda's "Südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien" // *Die Welt des Orients*. Göttingen, 1957, № 3.

Deeters G. Armenisch und Kaukasische Sprachen // *Handbuch der Orientalistik*. I Abt., Bd. 7, Leiden — Köln, 1963.

Diakonoff I.M. Hurro-Urartian Borrowings in Old Armenian // Journal of the American Oriental Society, 1985, vol. 105, № 4.

Diebold A.R.Jr. The traditional view of the Indo-European paleoeconomy: Contradictory evidence from anthropology and linguistics // *E.C.Polomé, W.Winter (Eds.)*. Reconstructing Languages and Cultures. Trends in Linguistics. Studies and Monographs. 58. Berlin — New York, 1992.

Dumézil G. (Rev.). Hans Vogt. Arménien et Caucasique du Sud // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1938. Bind IX.

Eichberg L.W. Etymologien vorindogermanischen Wörter aus orientalischen Sprachen. Freiburg, 1959.

Erckert von.R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Teil I. Wörterverzeichnis. Teil II. Sprachproben und grammatische Skizzen. Wien, 1895.

Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1939.

Euler W. Tiernamen im Altpreußischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft, 1985. Bd. 98, № 1.

Fähnrich H. Abweichungen von den regelmäßigen Phonementsprechungen in den Kartwelsprachen // Bedi Kartlisa (revue de kartvélogie), 1975, vol. XXXIII. Paris.

Fähnrich H. Lexikalische Parallelen zwischen indoeuropäischen und kartwelischen Sprachen // Papiere zur Linguistik, 1988, № 39, Heft 2/88. Tübingen.

Fähnrich H. Der Anteil der nachisch-daghestanischen Sprachen an der Prägung des georgischen Wortschatzes // Georgica. 11. Jena — Tbilissi, 1988.

Feist S. Indogermanen und Germanen. Ein Beitrag zur europäischen Urgeschichtsforschung. 3. Aufl. Halle (Saale). Verlag von Max Niemeyer, 1924.

Fouché P. Phonetique historique du français. V. III. Les consonnes et index général. 2-e édition revue et corrigée. Paris, 1966.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg, 1955—1962.

Frei H. Systèmes de déictiques // Acta Linguistica, 1944, vol. IV, fasc. 3.

Furnée E.J. Vorgriechisch-Kartvelisches. Studien zum ostmediterranen Substrat nebst einem Versuch zu einer neuen pelagischen Theorie. Leuven, 1970.

Furnée E.J. Beiträge zur georgischen Etymologie. Faszikel I. Georgisch-vorgriechische, georgisch-vorromanische und georgisch-vorindogermanische Materialien. Leuven, 1982.

Furnée E.J. Paläokartvelisch-pelagische Einflüsse in den indogermanischen Sprachen. Leiden, 1986.

Georgacas D.J. Ichtiological terms for the sturgeon and etymology of the international terms *botarga*, *caviar* and congeners. Athens, 1978.

Georgiev V. Lat. *crus* und *clunis*. Reste eines r//n Stammes // Die Sprache, 1962, VII, № 1.

Gimbutas M. The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500—2500 BC // The Journal of Indo-European Studies. 1973. Vol. I, № 2.

Ginneken J. van. Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase. Verhandelingen der Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. Afdeling Letterkunde. Nieuwe Reeks, deel XLII. Amsterdam, 1938.

Girschman R. L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leyden, 1977.

Gonda J. Semantisches zu idg. *rēg-* 'König' und zur Wurzel *rēg* ('sich aus)strecken' // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1955, Bd. 73, H. 3/4.

Gudjedjiani Ch. — *Palmitis L.* Svan-English Dictionary. New York, 1985.

Gudjedjiani Ch. — *Palmitis M.L.* Upper Svan: grammar and texts // Kalbotyra XXXVII (4). Vilnius, 1986.

Haarmann H. Zur Problematik lexikalischer Entlehnungen im Bereich der Körperteilbezeichnungen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1983, Bd. 45. H. 2—3.

Haider H. The fallacy of typology: Remarks on the PIE stop-system // Lingua, 1985. 65.

Harmatta J. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2-nd millenium B.C. (Linguistic Evidence) // Ethnic problems of the history of Central Asia in the Early Period. Moscow, 1981.

Harris A.C. Kartvelian Contacts with Indo-European // *T.L.Markey, J.A.Greppin (Eds.)*. When Worlds Collide: Indo-Europeans and Pre-Indo-Europeans. Ann Arbor, 1990.

Hayward K.M. The Indo-European Language and the History of its Speakers. The Theories of Gamkrelidze and Ivanov // Lingua, 1989, 78.

Hellinger M. Bemerkungen zu Meriggis hieroglyphisch-Hethitischem Glossar // Die Sprache. 1963, Bd. IX, H. 1.

Henning W.B. *Ok̄tō(ṽ)* // Transactions of the Philological Society. 1948. London, 1949.

Höffmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950.

Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest, 1993.

Hubschmid J. Schläucher und Fässer. Berlin, 1955.

Hubschmid J. Rum. *pitic* 'kleinwüchsiger Mensch' und expressive Wortbildungen, sowie neue Erkenntnisse über Hispano-kaukasische Sprachbeziehungen // Beiträge zur sprachlichen, literarischen und kulturellen Vielfalt in den Philologien. Festschrift für Rupprecht Rohr zum 70. Geburtstag. Stuttgart, 1992.

Hübshmann H. Armenische Grammatik. Teil I, Abt. II. Die syrischen und griechischen Lehnwörter im Armenischen und die echtarmenische Wörter. Leipzig, 1897.

Jacobsohn H. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.

Jacobsohn H. Zahlensystem und Gliederung der indogermanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1927, Bd. 54.

Jedlička J. Georgische Etymologien und Vergleichen // Bedi Kartlisa (revue de kartvèlologie). Vol. XIII—XIV. 1962.

Joki A. Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den Uralischen und Indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1974.

Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin und Leipzig. 1923.

Jorro F.A. Diccionario Micénico. Vol. 1. Madrid, 1985.

Junker H. Die sechs Teile des Hornsauges und der «sechste Tag» // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde, 1911, 48.

Ipsen G. Der Alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg, 1924.

Kaiser M., Shevoroshkin V. Inheritance versus Borrowing in Indo-European, Kartvelian and Semitic // The Journal of Indo-European Studies, 1986, vol. 14, №№ 3—4.

Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.

Khachaturova E.G. On some armeno-kartvelian etymologies // Second International Symposium of Armenian Linguistics. Erevan, 1967.

Kiehnle C. Vedisch *ukṣ* und *ukṣ / vakṣ*. Wortgeschichtliche und exegetische Untersuchungen. Alt- und Neu-Indische Studien. 21. Wiesbaden, 1979.

Klimov G.A. Lexikalische Zeugnisse ältester indo-europäisch-kartvelischen Kontakte // Sprachen Kaukasiens. Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Jena, 1984.

Klimov G.A. Zu den ältesten indogermanisch-semitisch-kartvelischen Kontakten in Vorderasien // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Bd. 23. Innsbruck, 1985.

Klimov G.A. The Kartvelian analogue of Proto-Indo-European **syomb(h)o-* 'spongy, porous' // Perspectives on Indo-European language, culture and religion. Vol. I. McLean. Virginia, 1991₁.

Klimov G.A. Some thoughts on Indo-European-Kartvelian Relations // *The Journal of Indo-European Studies*, 1991₂, vol. 19. №№ 3 and 4.

Klimov G.A. Zur Etymologie von georg. *uxs-* «Opferstier, Kalb» // *Georgica*. 15. 1992.

Kluge F., Götze A. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15 Aufl. Berlin, 1951.

Knobloch J. Ergologische Etymologien zum Wortschatz des indogermanischen Hausbaus // *Sprachwissenschaft*. Bd. 5, H. 2 (1980).

Koivulehto J. Laryngale und die Finnisch-ugrische Evidenz // *Bammesberger A. (Hrsg.). Die Laryngaltheorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystems*. Heidelberg, 1988.

Koivulehto J. Uralische Evidenz für die Laryngaltheorie // *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse*. Bd. 566. Wien, 1991.

Kretschmer P. *χθών* // *Glotta*, 1932, Bd. 20.

Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. I. Wiesbaden, 1962–1966.

Kuipers A. (Rec.). E.J.Furnée. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. Mit einem Appendix über den Vokalismus. Diss. Leiden, 1972 // *Lingua*, 1975, vol. 36, № 1.

Lafon R. Mots «méditerranéens» en géorgien (et dans quelques autres langues caucasiennes) // *Revue des études anciennes*. T. XXXVI, 1934.

Lambertaine Ch. de (Rec.): Schmitt R. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen. Innsbruck, 1981 // *BSLP*, 1982, t. LXXVII, f. 2.

Lehmann W.P. (Rec.): Gamkrelidze Th.V. and Mačavariani G.I. The system of sonants and ablaut in Kartvelian languages: a typology of Common Kartvelian structure / With a preface by Tseretheli George V. / Tbilisi, 1965 // *Language*, 1968, V. 44, № 2.

Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986.

Leskien A. Schallnachahmungen und Schallverba im Litauischen // *IF*, 1902, Bd. XIII.

Lewy H. Die semitische Lehnwörter in Griechischen. Berlin, 1895.

Lubotsky A. The PIE word for 'dry' // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1985, Bd. 98, H. 1.

Mann St.E. An Indo-European Comparative Dictionary. Fasc. 1, 2. Heidelberg, 1984; Fasc. 3, 4. Heidelberg, 1985; Fasc. 5, 6, 7, 8, 9, 10. Heidelberg, 1986.

Marr N. et Brière M. La langue géorgienne. Paris, 1931.

Masson E. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. Paris, 1967.

Mayrhofer M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Mit einer analytischen Bibliographie. Wiesbaden, 1966.

Mayrhofer M. Die Arier im Vorderem Orient — ein Mythos? (Mit einem bibliographischen Supplement). Wien, 1974.

Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 5. Heidelberg, 1955; Lief. 7. Heidelberg, 1956; Lief. 12. Heidelberg, 1957; Lief. 13. Heidelberg, 1960; Lief. 14. Heidelberg, 1960; Lief. 19. Heidelberg, 1967; Lief. 20. Heidelberg, 1968; Lief. 22. Heidelberg, 1970; Lief. 23. Heidelberg, 1972.

Mayrhofer-Passler E. Haustieropfer bei den Indo-Iranern und anderen indogermanischen Völkern // Archiv Orientalní. 1953, XXI.

Meid W. The Indo-European Lexicon and its Usage as a Problem in Reconstruction // Proceedings of the XIII-th International Congress of Linguists (Tokyo 1982). Tokyo, 1983.

Meillet A. Quelques hypothèses sur des interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes. Paris, 1906.

Meillet A. De quelques emprunts probables en grec et en latin // MSLP. 1908, T. 15, f. 1.

Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Paris, 1934.

Merlingen W. (Rec.). Van Windekens A.J. Le Pélasgique. Essai sur une langue indo-européenne préhelénique. Louvain, 1952 // IF. 1954, Bd. LXI, H. 2/3.

Meyer G. Neugriechische Studien. II. Wien, 1894.

Munkácsi B. Arja és kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvbene. I. Budapest, 1901.

Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Heft XXXI (Latviešu valodas vārdnīca, Riga). Riga, 1928.

Müller Fr. Kleinere Mitteilungen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XIV, 1897.

Nazarov V.P. Der gegenwärtige Stand der Erforschung der Kaukasischen Sprachen // Borbé T. (Hrsg.). Kritik der marxistischen Sprachtheorie N.Ja.Marr's. Kronberg Ts., 1974.

Nehring A. Idg. 'sechs' // Die Sprache. VIII. 2, 1962.

Pfister R. Onomatopoetisches *su* // IF. Bd. LXI. H. 4, 1954.

Pisani V. Die Deklination von ai. *sarāgh-* 'Biene' // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1938, Bd. 65, H. 1/2.

Pisani V. Indoeuropeo **oktō(u)* // Paideia. 1980, V. XXXV.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1959.

Polák V. Les éléments caucasiens en albanais // Orbis. 1967, T. XVI, № 1.

Polomé Edg. The Indo-European numeral for 'five' and Hittite *panku-'all'* // *Ed. J.G.Heesterman et al.* Pratiḍānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to Franciscus Bernardus Jacobus Kuiper on his sixtieth birthday. The Hague—Paris, 1968.

Polomé Edg. The present state of Proto-Indo-European Studies // Proceedings of the XIII-th International Congress of Linguists. August 29 — September 4. 1982. Tokyo. Edited and published by the Proceedings Publishing Committee. Tokyo, 1983.

Polomé Edg. Germanic etymologies: a few problems // *Semper idem et novus.* Festschrift for Frank Banta. Göppinger Arbeiten zur Germanistik. № 481. Göppingen, 1988.

Polomé Edg. Substrate lexicon in Germanic // *Nowelle*, 14. 1989.

Polomé Edg. Linguistics and Archeology: differences in perspective in the study of prehistoric cultures // *Ed. W.P.Lehmann.* Language typology 1988: Typological models in reconstruction. Current Issues in Linguistic Theory. 81. Amsterdam—Philadelphia, 1991.

Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. I. Words beginning with A; vol. 2. Words beginning with E and I. Trends in Linguistics. Documentation 1. Berlin—New York —Amsterdam, 1984.

Rayfield D. Sheepkeeping Terminology in the Caucasus // *Studia Caucasologica*. I. Norwegian University Press. Oslo, 1986.

Rédei K. Zu den Indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986.

Renfrew C. Archeology and Language. The puzzle of Indo-European origins. London, 1987.

Renou L. Vedic *rtu-* // *Archiv Orientalní*, 1950, v. XVIII.

Riabinin M. Notes de lexicographie géorgienne. Examen du matériel emprunté // *MSLP*. 1950, T. X, fasc. 1.

Rosen G. Über die Sprache der Lazen // *Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: aus dem Jahre 1843.* Berlin, 1845 (Philologische und historische Abhandlungen).

Scherer A. Indogermanische Altertumskunde (seit 1956) // *Kratylos*. 1965, Jg. X, H. 1.

Schmalstieg W.R. Indo-European Linguistics. A New Synthesis. University Park and London, 1980.

Schmidt K.H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*. XXXIV, 3. Wiesbaden, 1962.

Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.

Schmitt-Brandt R. Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems. Versuch einer inneren Rekonstruktion. Heidelberg, 1967.

Schrader O. Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas. 2. Aufl. Bd. 1—2. Strassburg, 1901.

Schuchardt M. (Ref.). M.H.Adjarian. Étude sur la langue laze // MSLP. 1899. X.

Schulze W. Kleine Schrifte. Göttingen, 1933.

Sköld T. Drei finnische Wörter und die Laryngaltheorie // Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft, 1959, Bd. 76, H. 1/2.

Solta G.R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes. Wien, 1960.

Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.

Szemerényi O. (Rec.) É.Masson. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. Paris, 1967 // IF. 1968, Bd 73, H. 1/2.

Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 3. vollständig neu bearbeitete Auflage. Darmstadt, 1989.

Tischler J. Der indogermanische Anteil am Wortschatz des Hethitischen // E.Neu und W.Meid (Hrsg.). Hethitisch und Indogermanisch. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographische Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens. Innsbruck, 1979.

Trombetti A. Probleme der allgemeinen Sprachwissenschaft // Caucasia 2, 1925.

Tsereteli M. Zur Frage der Verwandtschaft des Georgischen (Kartvelischen) // Bedi Kartlisa (revue de kartvéologie), 1966, vol. XXI—XXII.

Vogt H. Armenien et caucasique du Sud // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1938, Bind IX.

Vogt H. (Rec.). Bouda K. Baskisch-kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949 // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1954, Bind. XVII.

Vogt H. Etymologie géorgienne // Pratiḍānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to Franciscus Bernardus Jacobus Kuiper on his sixtieth Birthday. The Hague, 1963.

Wardrop O. English-Svanetian Vocabulary. // Journal of the Royal Asiatic Society. 1911, July.

Zimmer St. Idg. *ukson- // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1981, Bd. 95, H. 1.

СОКРАЩЕНИЯ В СПИСКЕ БИБЛИОГРАФИИ

ВЯ — Вопросы языкознания

ИКЯ — Иберийско-кавказское языкознание

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

BSLP — Bulletin de la Société de linguistique de Paris

IF — Indogermanische Forschungen

MSLP — Mémoires de la Société de linguistique de Paris

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест.	— авестийский	имер.	— имерский
аккад.	— аккадский	ингил.	— ингилойский
англ.	— английский	индоир.	— индоиранский
арам.	— арамейский	картв.	— картвельский
арм.	— армянский	кизик.	— кизикский
бежт.	— бежтинский	лаз.	— лазский
болг.	— болгарский	лат.	— латинский
в.-бальск.	— верхнебальский	лашх.	— лашхский
герм.	— германский	лент.	— лентехский
гин.	— гинухский	лечх.	— лечхумский
готск.	— готский	лит.	— литовский
греч.	— греческий	лтш.	— латышский
груз.	— грузинский	мегр.	— мегрельский
груз.-зан.	— грузинско-зан- ский	мох.	— мохевский
гур.	— гурийский	мтиул.	— мтиульский
др.-в.-нем.	— древневерхнене- мецкий	н.-бальск.	— нижнебальский
др.-инд.	— древнеиндийский	ностр.	— ностратический
др.-иран.	— древнеиранский	осет.	— осетинский
др.-ирл.	— древнеирланд- ский	пшав.	— пшавский
др.-мак.	— древнемакедон- ский	ср.-в.-нем.	— средневерхне- немецкий
др.-прусск.	— древнепруссский	туш.	— тушинский
др.-сакс.	— древнесаксонский	удин.	— удинский
и.-е.	— индоевропейский	укр.	— украинский
		ф.-у.	— финноугорский
		хеттск.	— хеттский
		цез.	— цезский

ИНДЕКСЫ

Общекартвельский фонд

* <i>berg-</i> 'мотыжить'	49
* <i>guga-</i> 'сердцевина (плода)'	50
* <i>diḡom-</i> / <i>diḡwam-</i> 'чернозем'	51
* <i>eks₁w-</i> 'шесть'	53
* <i>lag-</i> : <i>lg-</i> 'сажать (растения), класть, укреплять'	55
* <i>mḡerd-</i> : <i>mḡrd-</i> 'грудь'	57
* <i>otxo-</i> 'четыре'	59
* <i>usx(a)-</i> 'бык (жертвенный)'	63
* <i>ūḡ-</i> 'яро'	68
* <i>ḡweb-</i> 'плести'	72
* <i>ḡwed-</i> 'ремень, привязь'	74
* <i>ḡwel-</i> : <i>ḡwł-</i> 'скручивать(ся)'	75
* <i>ḡwi-</i> 'можжевельник'	76
* <i>ḡwino-</i> 'вино'	78
* <i>sxwi-</i> 'стрела, шип'	82

Грузинско-занский фонд

* <i>band-</i> 'связывать, сплетать'	93
* <i>bandḡ-</i> 'сплести, связать'	94
* <i>gwal-</i> 'стоять (о засухе, жаре)'	95
* <i>guda-</i> 'бурдюк, сума'	97
* <i>diqa-</i> 'глина, почва'	100
* <i>dola-</i> 'безрогий'	101
* <i>dḡweb-</i> 'сбивать масло'	103
* <i>wel-</i> 'равнина, долина'	105
* <i>wenaq-</i> 'лоза (виноградная)'	106
* <i>wer₃₁-</i> 'самец, баран'	108

*з ₁ webu- 'жаба'	110
*tel- 'поросенок'	112
*txaz- : txz- 'сплестать, сочинять'	114
*kaqab- 'куропатка'	116
*kwer- 'круглый (артефакт)'	118
*kreb- : kɣb- 'собирать, срывать (плоды)'	119
*ii- 'ил, тина'	121
*lip- 'мазать(ся), лепить'	122
*mēl- 'лиса'	124
*mɿwer- 'пыль'	126
*o(m)pe- 'пупок'	127
*orop- 'удод'	129
*plenз ₁ - 'медь, бронза'	130
*rabo- 'ров, канава'	134
*sxal- : xɿl- 'срывать(ся), оступаться'	135
*s ₁ uš- 'иссушать, сохнуть'	137
*tep- : tp- 'греть(ся), быть теплым'	139
*pōlo- 'копыто, нижняя часть ноги'	143
*pɿuɿ- : pɿɿw- 'фыркать (о лошади)'	144
*puɿuro- 'гнилой, гниль'	145
*kusi- 'пята (животного)'	147
*ɣery- 'молоть (грубо, крупно)'	148
*ɣor- 'свинья'	150
*ɣoɣo- 'теленка (буйвола)'	151
*ɣɿma- 'яма, ров'	152
*ɣu(n)ɿ- 'хрюкать'	154
*qua- 'обух (топора)'	155
*ɕkend- : ɕkɿd- 'осаждаться, выделяться'	157
*ɕumb- 'промокать, пропитываться водой'	158
*ɕ ₁ ero- 'журавль'	162

Поздний фонд

anqara- 'уж'	169
ankes- 'рыболовный крючок, удочка'	170
aɕua- 'лошадка'	171
bere- 'мальчик, сын'	172
bol- 'дым (светлый)'	172
breg- 'небольшая возвышенность'	173
geto(r)- 'вкус'	173
gogra- 'тыква (посудная)'	174
gora- 'холм, горка'	175

<i>dag-</i> 'жечь (калёным)'	176
<i>dro-</i> 'время, срок'	176
<i>dube-</i> 'впадина, низина'	177
<i>zutx-</i> 'осетр'	178
<i>ķera-</i> 'очаг'	180
<i>ķvet-</i> 'сычуг'	180
<i>ķrazana-</i> 'шершень, овод'	181
<i>ķrko-</i> 'желудь, дуб'	182
<i>ķrox-</i> 'наседка'	183
<i>ķund-</i> 'экскременты, навоз'	185
<i>ķala-</i> 'ключ, запор'	184
<i>leṭa-</i> 'грязь'	185
<i>lex-</i> 'больной'	186
<i>madl-</i> 'благодарение, милость'	186
<i>nigoz-</i> 'ядро грецкого ореха'	187
<i>pirvel-</i> 'первый'	188
<i>reķa-</i> 'галечник'	188
<i>sara ž(a)-</i> 'пчелиные соты'	189
<i>sila-</i> 'песок'	190
<i>srute-</i> 'протока, пролив'	191
<i>sqwen-</i> 'сени, чердак, потолок'	192
<i>ṭop-</i> 'нереститься'	193
<i>ṭrp-</i> 'наслаждаться, удовлетворяться'	194
<i>pard-, prd-</i> 'продавать, торговать'	195
<i>parto-</i> 'широкий'	196
<i>prta-</i> 'крыло, перо'	196
<i>kabula-</i> 'теленоч (однолетний)'	197
<i>kra-</i> 'рог'	197
<i>ṭwäse-</i> 'нутряное сало'	200
<i>ṭwer-</i> 'клясться'	200
<i>(š)lam-</i> 'ил, тина'	201
<i>zaluä-</i> 'жена дяди'	201
<i>ṭurbel-</i> 'пиявка'	202
<i>xendro-</i> 'клубника'	204

УКАЗАТЕЛЬ ГРУЗИНСКИХ ОСНОВ

anqara-	169	kravana-	181	upe-	127
anqes-	170	krēb-	119	usx-	64
açua-	171	krīb-	119	uvel-	69
band-	93	krko-	182	[pard-]	195
bandγ-	94	krōx-	183	parto-	196
beg-	173	krux-	183	pol-	143
bol-	172	lag-	55	polo-	143
breg-	173	lam-	201	prd-	195
breq-	173	lia-	121	prta-	196
gemo(r)-	173	lip-	123	pruṭ- : prtv-	144
gval-	95	lisa-	190	puṭuro-	145
gogra-	174	madl-	186	kusl-	147
guga-	50	mela-	124	γery-	148
guda-	97	mkerd-	57	γved-	74
dag-	176	mṭver-	126	[γvel- : γvl-]	75
dvibe-	177	nigoz-	187	γvia-	76
diγvam-	52	otx-	59	γviva-	76
diγom-	52	opop-	129	γvino-	79
dola-	101	opopa-	129	γob-	72
dro-	176	pilen3-	131	γor-	150
dube-	177	pirvel-	188	γoγo-	152
dübe-	177	rabo-	134	γrma-	152
dγveb-	103	rg-	55	γrunṭ-	154
ekvs-	53	rka-	197	γruṭ-	154
vel-	105	sarança-	189	qua-	155
venax-	106	saraça-	189	šlam-	201
ver3-	108	saraž-	189	šuš-	137
zutx-	178	saraža-	189	çero-	162
tel-	113	sila-	190	[çkeṭ-]	157
tixa-	100	spilen3-	131	çknd-	157
txaz-	114	sruṭe-	191	çump-	159
txz-	114	sxal- : sxl-	136	çurbel-	202
qaqab-	116	sqwen-	192	çurbela-	202
qera-	180	ṭep- : ṭp-	139	çalua-	201
qvēt-	180	ṭop-	193	xendro-	204
qver-	118	ṭrp-	194		

УКАЗАТЕЛЬ МЕГРЕЛЬСКИХ ОСНОВ

amšv-	53	kund-	185	uɣu-	69
anķes-	170	ķə-	182	parte-	196
an(ɬ)ķec-	170	ķəla-	184	parto-	196
arķec-	170	lanʒ-	131	polo-	143
barg-	49	leṭa-	185	psila-	190
binex-	106	lex-	186	purṭ-	144
bol-	172	lia-	121	[puṭur-]	145
bond-	93	linʒ-	131	ka-	197
bondɣ-	94	lip-	123	ka(b)ula-	197
gemo-	173	[mal-]	124	kur-	147
gimo-	173	mard-	186	kurs-	147
gol-	95	nez-	187	kurc-	147
guga-	50	neɣ-	187	ɣarɣ-	148
guda-	97	otx-	59	ɣeʒ-	150
gunga-	50	ompa-	127	ɣved-	74
dexa-	100	opop-	129	ɣvin-	79
dixa-	100	privel-	188	ɣvinṭ-	154
dulu-	102	žvabu-	110	[ɣviɣv-]	76
dɣvab-	103	rg-	55	ɣob-	72
erʒ-	108	rdo-	176	ɣoɣo-	152
ve(l)-	105	reķa-	188	[ɣul-]	75
zutx-	178	reḡa-	188	škušk-	137
zuntx-	178	reḡe-	188	[cxve-]	83
zəntx-	178	robo-	134	cxven-	192
tu-	113	robu-	134	cxvin(d)-	192
txoz-	114	(r)sxil-	136	çķond-	157
ķeria-	180	[rɣoma-]	152	çruvel-	202
ķvar-	118	saranʒ-	189	çump-	159
ķi-	182	sila-	190	çurvel-	202
ķidir-	58	ṭver-	126	[čaro-]	162
ķila-	184	ṭib-	139	'va-	155
ķoķobe(e)-	116	ṭop-	193		
ķorob-	119	ṭulu-	102		

УКАЗАТЕЛЬ ЛАЗСКИХ ОСНОВ

anķes-	170	aš-	53	bere-	172
anķec-	170	benex-	106	binex-	106
anš-	53	berg-	49	guda-	97

dixa-	100	(n)qira-	180	kra-	197
tila-	113	(n)qola-	184	ku(r)-	147
txoz-	114	nkra-	198	kus-	147
qva-	155	otxo-	60	[ɣa(r)ɣ-]	148
qva(r)-	118	otxu-	60	ɣeʒ-	150
qila-	184	ompa-	127	ɣved-	74
qo(r)ob-	119	ontxo-	60	ɣvin-	79
q(r)ox-	183	o(r)uba-	134	ɣin-	79
qund-	185	opampe-	129	ɣob-	72
leqta-	185	rg-	56	ɣorma-	152
mdɣvab-	103	ruba-	134	ɣruq-	154
mel-	124	qib-	139	[ɣul-]	75
mqve(r)-	126	qub-	139	qva-	155
mpolo-	143	umpa-	127	sušk-	137
(m)zvuabu-	110	uɣu-	69	qkond-	157
(m)zvuabu-	110	parto-	196	qomp-	159
ndixa-	100	polo-	143	qump-	159
ndɣvab-	103	punqura-	145	cu(r)el-	202
neɣ-	187	purq-	144	qurvel-	202
ntxoz-	114	ka-	198	xruq-	154
nqvar-	118	kja-	198		

УКАЗАТЕЛЬ СВАНСКИХ ОСНОВ

ankēs-	170	madl-	186	[ɣweb-]	72
änqez-	170	muqod-	58	ɣwed-	74
berg-	49	məqwed-	58	[ɣwe(n)-]	75
gugw-	50	məqod-	58	ɣwer-	200
gwigw-	50	saräg-	189	ɣwese-	200
diɣwam-	52	saraɣ-	189	ɣ(w)iw-	76
wisxw-	64	silaj-	190	ɣwinal-	79
wošdxw-	60	silä-	190	ɣwinäl-	79
woštqw-	60	usgwa-	53	ɣwinel-	79
qerä-	180	usqwa-	53	cxwen-	192
qeria-	180	usxwaj-	64	cxwi-	83
qrox-	183	uɣwa-	69	cxu-	83
qəl-	184	ũɣwa-	69	qurbelaj-	202
laɣ-	56	ɣwase-	200	qurbeläj-	202
lɣ-	56	ɣwäse-	200		

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ГЛАВА I. Очерк истории изучения вопроса. Предмет и метод исследования.....	8
ГЛАВА II. Индоевропеизмы пракартвельского хронологического уровня.....	40
ГЛАВА III. Индоевропеизмы грузинско-занского хронологического уровня.....	84
ГЛАВА IV. Позднейший пласт «доисторических» картвельских индоевропеизмов	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
Библиография.....	220
Сокращения в названиях языков и диалектов	242
Индексы	243

Климов Георгий Андреевич
Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков

Корректор *Р.Б.Лекманова*

Оригинал-макет изготовлен в Отделе экспериментальной
лексикографии Института русского языка РАН

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура "Таймс".

Усл.п.л. 16,0. Уч.-изд.л. 15,63.

Тираж 500 экз. Тип. Зак. 346

Специализированное издательско-торговое предприятие "Наследие"
121069, Москва, ул. Поварская, д.25а.

